

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

FACTS AND SYMBOLS

Istoriya: fakty i simvoly

Vol. 37 / 2023/ № 4

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-37-4

<https://hisfas.elpub.ru>

Журнал основан в 2007 г. под названием Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Серия "История". В 2012 - 2014 г. журнал назывался «Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция». Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Типография: Издательский отдел ЕГУ им. И.А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Зарегистрировано Роскомнадзором:

ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.

Префикс DOI: 10.24888

Тираж журнала - 1000 экз.

«История: факты и символы» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Цель журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://hisfas.elpub.ru>

Подписка на журнал осуществляется по каталогу

«Пресса России»

Подписной индекс издания Ф64989

Цена свободная

Дата выхода в свет 19.12.2023

The journal was founded in 2007 under the name Bulletin of the Yelets State University. Series "History". In 2012 - 2014 the publication was called "West-Russia-East: Archeology. Story. Philosophy. Jurisprudence".

Founder and publisher: Bunin Yelets State University named

Printing house: Bunin YSU Publishing Department

399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1.

It is published 4 times a year (March, June, September, December)

Roskomnadzor registration certificate

PI No. ФС77-59752 dated November 7, 2014.

DOI prefix: 10.24888

The journal circulation is 1000 copies.

"History: Facts and Symbols" is a peer-reviewed academic journal, whose area of interest is advanced research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The target of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical studies in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional academic and ethical principles and approaches. The publication is represented by works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical studies, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical studies and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical studies, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main academic results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://hisfas.elpub.ru>

Subscription to the journal is carried out according to the catalog "Press of Russia"

Subscription index of the publication Ф64989

Free price

Publication date 19.12.2023

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, тел. - 8 47467 60237

e-mail: nauka@elsu.ru

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

Условия использования материалов журнала

Пользователи соглашаются использовать материалы журнала исключительно в законных целях, в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, не нарушая и не ограничивая права третьих лиц и не препятствуя использованию третьими лицами данного сайта в полном объеме. Все права на материалы, размещенные на страницах журнала и на сайте, принадлежат Федеральному государственному бюджетному учреждению Высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28,1 Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770, tel - 8 47467 60237

e-mail: nauka@elsu.ru

The right to the original layout and design belongs to the journal, the copyright to the articles belongs to the authors.

Terms of use of journal materials

Users agree to use the materials of the journal solely for lawful purposes, within the limits established by the legislation of the Russian Federation, without violating or restricting the rights of third parties and without preventing third parties from using this site in full. All rights to the materials posted on the pages of the journal and on the website belong to the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", unless another copyright holder is indicated in the imprint of the material itself.

Editor-in-Chief – Prof. **Denis A. Lyapin** (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council: Prof. **Vladimir N. Glazyev** (Russia, VSU); Prof. **Vladimir S. Yelistratov V. S.** (Russia, Lomonosov Moscow State University); Prof. **Vladimir V. Kanishchev** (Russia, Derzhavin TSU); Prof. **Igor V. Kryuchkov** (Russia, NCFU); Prof. **Vladimir P. Litvinov** (Russia, Bunin YSU); Prof. **Alexander B. Orishev** (Russia, Timiryazev RGAU); Prof. **Nikolay N. Petrukhintsev** (Russia, RANEPА); Prof. **Dmitry V. Sen** (Russia, SFU).

Editorial board: **Valentin I. Gorbachev** (New Zealand, PhD student, Victoria University of Wellington); **Jan Gorchytsa** (Poland, Adam Mickiewicz University of Poznań); **Nikolay A. Zhirov** (Russia, Bunin YSU); **Oksana V. Klevtsova** (Russia, Bunin YSU); Prof. **Atila Kolotari** (Hungary, Kaposvár University); Prof. **Vladimir A. Livtsov** (Russia, RANEPА); Prof. **Margarita M. Loevskay** (Russia, Lomonosov MSU); **Andrey M. Oblomsky** (Russia, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences); **Yulia S. Ovchinnikova** (Russia, Lomonosov MSU); **Vladimir V. Ryapolov** (Russia, Bunin YSU); Prof. **Boris U. Serazetdinov** (Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); **Nikokay A. Tropin** (Russia, Bunin YSU); **Artur A. Chubur** (Russia, Petrovsky BSU); Prof. **Bella L. Shapiro** (Russia, RSUH).

Главный редактор: Д.А. Ляпин (Россия, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина).

Редакционный совет: В.Н. Глазьев (профессор, Россия, ВГУ); В.С. Елистратов (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова); В.В. Канищев (профессор, Россия, ТГУ им. Г. Р. Державина); И.В. Крючков (Россия, профессор, СКФУ); В.П. Литвинов (Россия, профессор, ЕГУ им. И. А. Бунина); А.Б. Оришев (Россия, профессор, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязев), Н.Н. Петрухинцев (Россия, профессор, РАНХиГС); Д.В. Сень (Россия, профессор, ЮФУ).

Редакционная коллегия: В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Университет Королевы Виктории); Я.К. Горчыца (Польша, университета им. Адама Мицкевича); Н.А. Жиров (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина); О.В. Клевцова (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина); А. Колотари (профессор, Венгрия, Капошварский университет); В.А. Ливцов (профессор, РАНХиГС); М.М. Лоевская (профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова); А.М. Обломский (профессор, Россия, Институт археологии РАН); Ю.С. Овчинникова (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова); В.В. Ряполов (ЕГУ им. И. А. Бунин); Б.У. Серазетдинов (Россия, Институт российской истории РАН); Н.А. Тропин (профессор, Россия, ЕГУ им. И. А. Бунина); А.А. Чубур (БГУ им. И. Г. Петровского), Б.Л. Шапиро (профессор, Россия, РГГУ).

© «История: факты и символы» (Оригинал-макет и оформление) / "History: facts and symbols" (Original layout and design), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Татьяна Будякова, Елена Антипина</i> (Елец)	ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ТРАДИЦИЙ ИНИЦИАЦИИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ	8
<i>Елизавета Воробьева</i> (Тамбов)	ЗАСТРОЙКА ГОРОДСКИХ ВЫГОННЫХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА, КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВА)	20
<i>Николай Жиров</i> (Елец)	КОНФЛИКТЫ И ТЯЖБЫ МЕЖДУ ОДНОДВОРЦАМИ И ПОМЕЩИКАМИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.	32
<i>Артур Чубур</i> (Брянск)	СЕЗОННАЯ ДИНАМИКА ОХОТЫ НА МАМОНТА: ПОЧЕМУ, КОГДА, КАК	42

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<i>Павел Гайденко</i> (Москва)	НЕСКОЛЬКО СУЖДЕНИЙ О КАНОНИЧЕСКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ СОЗДАНИЯ МОНАСТЫРЕЙ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ	55
-----------------------------------	---	----

XVII ВЕК

<i>Геннадий Мокшин</i> (Воронеж)	ЗАГАДКИ «МАЛОГО ГОРОДКА»: ИЗ ИСТОРИИ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КРЕПОСТИ ВОРОНЕЖА В 1670 г.	74
<i>Максим Шалак</i> (Ростов-на-Дону)	ОБРАЗ КРЫМСКИХ ТАТАР В ЕВРЕЙСКИХ ХРОНИКАХ ПЕРИОДА «ХМЕЛЬНИЧИНЫ»	91

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>Оксана Клевцова</i> (Елец)	ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С РАСКОЛЬНИЧЕСКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ И ЦЕРКОВНОМ УРОВНЯХ	108
<i>Никита Кожухов</i> (Тамбов)	ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МОРЩАНСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	119

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>Владимир Невежин</i> (Москва)	СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ И ИНОСТРАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ В СССР В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ПО СТРАНИЦАМ СЛУЖЕБНОГО ДНЕВНИКА Н.Г. ПАЛЬГУНОВА (1941-1942 ГГ.)	130
-------------------------------------	--	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Сергей Федотов</i> (Орел)	РОЛЬ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО (БЛУМА) В ПОСТРОЕНИИ ОТНОШЕНИЙ РПЦ И ЦЕРКВИ АНГЛИИ В XX ВЕКЕ	144
---------------------------------	--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	156
------------------------------------	------------

CONTENT

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>Tatiana Budyakova, Elena Antipina (Yelets)</i>	HISTORICAL ROOTS OF TRADITIONS OF INITIATION IN OLDER AGE	8
<i>Elizaveta Vorobyova (Tambov)</i>	URBAN LAND DEVELOPMENT IN THE LATE XVIII – FIRST HALF OF THE SIXTH CENTURY AS A MANIFESTATION OF MODERNISATION (ON THE MATERIALS OF TAMBOV)	20
<i>Nikolay Zhirov (Yelets)</i>	CONFLICTS AND TRIALS BETWEEN ODNODVORTSY AND THE LAND OWNERS OF THE ORYOL PROVINCE AT THE END OF THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES	32
<i>Arthur Chubur (Bryansk)</i>	SEASONAL DYNAMICS OF MAMMOTH HUNTING: WHY, WHEN, HOW	42

ARCHEOLOGY AND ISSUES IN THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA

<i>Pavel Gaidenko (Moscow)</i>	SEVERAL ARGUMENTS ABOUT THE CANON LAW BASIS FOR THE CREATION OF MONASTERIES IN PRE- MONGOLIAN RUSSIA	55
------------------------------------	--	----

XVII CENTURY

<i>Gennady Mokshin (Voronezh)</i>	MYSTERIES OF THE “SMALL TOWN”: FROM THE HISTORY OF THE GRAPHIC RECONSTRUCTION OF THE VORONEZH FORTRESS IN 1670	74
<i>Maxim Shalak (Rostov-on-Don)</i>	THE IMAGE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE JEWISH CHRONICLES OF THE KHMELNYTSKY UPRISING PERIOD	91

CURRENT ISSUES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

<i>Oksana Klevtsova (Yelets)</i>	THE MAIN DIRECTIONS OF THE STRUGGLE AGAINST SCHISMATIC MOVEMENTS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE STATE AND CHURCH LEVELS	108
--------------------------------------	--	-----

<i>Nikita Kozhukhov</i> (<i>Tambov</i>)	PENITENTIARY INSTITUTIONS OF THE TOWN OF MORSHANSK AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY	119
--	--	-----

THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON

<i>Vladimir Nevezhin</i> (Moscow)	SOVIET DIPLOMAT AND FOREIGN CORRESPONDENTS IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THROUGH THE PAGES OF PALGUNOV’S OFFICE DIARY (1941-1942)	130
--------------------------------------	---	-----

CULTURAL AND ART STUDIES

<i>Sergey Fedotov</i> (Orel)	THE ROLE OF ARCHBISHOP ANTONY OF SOUROG (BLOOM) IN BUILDING RELATIONS OF THE ROC AND THE CHURCH OF ENGLAND IN THE XX CENTURY	144
---------------------------------	--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	156
--	------------

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ / HISTORY OF EVERYDAY

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-8-19>

УДК 929+395+159.9

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ТРАДИЦИЙ ИНИЦИАЦИИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

*Т. П. Будякова**,

Е. А. Антипина

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 26, Елец, 399770, Россия*

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются вопросы исторического и современного значения обрядов инициации. Отмечается, что обряды инициации следует рассматривать как инструмент преодоления психологических барьеров перед вхождением в пожилой возраст. При этом отсутствуют традиции возрастной инициации, направленные на снятие барьеров страха перехода в пожилой возраст. **Материалы и методы.** Методами исследования выступили исторический и психологический анализы теории и практики применения обрядов инициации в истории человечества. Исследование выполнено на основе изучения нормативных материалов и материалов описания традиций инициации в разных культурах. **Результаты.** В истории человечества традиции возрастной инициации были отработаны в основном на детских, подростковых и юношеских возрастах. Акцентируется внимание на том, что в отечественной культуре пока не сформированы ритуалы посвящения в пожилой возраст, хотя есть традиции почитания старших, но они и не всегда реализуются. Особое внимание уделяется вопросу технологий посвящения в пожилой возраст. Рассматривается практика инициации в пожилой возраст, апробированная в некоторых странах. Отмечается, что возрастная инициация позволяет решать такие социально-психологические проблемы как проверка на готовность переносить трудности нового возрастного этапа; снятие барьеров страха перед новым возрастным периодом; приобщение к духовным ценностям; преемственность бытия человека и др. **Заключение.** Высказаны конкретные предложения по реализации правил и подходов к посвящению в пожилой возраст. В частности, предлагается приурочить обряд инициации к дню пожилых людей. Кроме того, предлагается переименовать день пожилого человека в день почитания пожилого человека, как это было сделано в свое время в Японии. Предлагается имплементировать в национальную культуру как японский опыт инициации, так и опыт других стран.

Ключевые слова: инициация, пожилой возраст, история обряда посвящения, технологии обряда инициации.

Для цитирования: Будякова Т. П., Антипина Е. А. (2023). Исторические корни традиций инициации в пожилом возрасте // История: факты и символы. 2023. № 4 (37). С. 8-19 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-8-19>

Конфликт интересов. Т. П. Будякова и Е. В. Антипина являются сотрудниками учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00306) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

Статья поступила: 19.08.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

*Ответственный автор.

© Будякова Т., Антипина Е. 2023

HISTORICAL ROOTS OF TRADITIONS OF INITIATION IN OLDER AGE

*Tatyana P. Budyakova,
Elena A. Antipina
Bunin Yelets State University,
st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the issues of historical and modern significance of initiation rites. It is noted that initiation rites should be considered as a tool for overcoming psychological barriers before entering old age. At the same time, there are no traditions of age-related initiation aimed at removing barriers of fear of transition to old age. **Materials and methods.** The research methods were historical and psychological analyzes of the theory and practice of using initiation rites in the history of mankind. The study was carried out based on the study of normative materials and materials describing initiation traditions in different cultures. **Results.** It is shown that in the history of mankind, the traditions of age-related initiation were developed mainly in childhood, adolescence and youth. Attention is focused on the fact that in Russian culture rituals of initiation into old age have not yet been formed, although there are traditions of honoring elders, although they are not always implemented. Particular attention is paid to the issue of initiation technologies in old age. The practice of initiation in old age, tested in some countries, is considered. It is noted that age-related initiation makes it possible to solve such socio-psychological problems as testing one's readiness to endure the difficulties of a new age stage; removing barriers of fear before a new age period; introduction to spiritual values; continuity of human existence, etc. **Conclusion.** Specific proposals have been made for the implementation of rules and approaches to initiation in old age. In particular, it is proposed to coincide the initiation ceremony with the Day of the Elderly. In addition, it is proposed to rename the day of the elderly to the day of honoring the elderly, as was done at one time in Japan.

Keywords: initiation, old age, history of the rite of passage, technology of the rite of initiation.

For citation: Budyakova T., Antipina E. (2023). Historical roots of traditions of initiation in older age In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 8-19 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-8-19>

Acknowledgement: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00306) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education " Bunin Yelets State University"

Conflict of interest. T. Budyakova and E. Antipina are researchers of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal. The authors declare no conflict of interest.

Received: 19.08.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

* Corresponding author

© Budyakova T., Antipina E., 2023

1. Введение

Страхи людей перед вхождением в пожилой возраст и далее в старость, по сути, – психологические барьеры для полноценного функционирования личности на этапах позднего онтогенеза. Вместе с тем в истории цивилизаций есть традиции преодоления возрастных барьеров, некоторые из которых позднее даже были закреплены в нормативных актах государств. При этом отсутствуют традиции возрастной инициации, направленные на снятие барьеров страха перехода в пожилой возраст. Это обуславливает актуальность исследований исторического опыта традиций инициации необходимых для того, чтобы понять возможности применения этой части культуры межличностных отношений для решения проблем пожилого возраста.

Исторически в разных культурах ритуалы инициации часто имели непохожий регламент. Однако практически всегда имели общие психологические цели: снятие барьеров страха и создание готовности для решения сложной психологической или социальной задачи. В этом собственно и заключается их основная ценность для решения проблем современной социальной жизни, когда для преодоления психологических барьеров необходимо использовать особые социально-психологические инструменты.

Так, существующая до сих пор традиция мамбосури в Индонезии направлена на снятие страхов женщины с первой беременностью перед родами. Традиция и соответствующие ей ритуалы зародились во времена, когда женщины массово умирали во время и после родов [25].

Наиболее известными работами по истории инициации считаются труды антрополога Арнольда ван Геннепа, в которых изложена теория трехсторонней концептуализации, описывающая последовательный переход в следующую возрастную фазу через сепарацию (отделение от старой социальной структуры, разрыв со старыми распорядками), лиминацию (переходную стадию) и третий этап – включение в новую социальную структуру с уже новой идентичностью. При этом в современных исследованиях до сих пор используются термины, введенные А. ван Геннепом, в частности, термин «лиминальность», означающий промежуточный статус личности в социуме, когда она находится на пороге, отделяющем ее от прежней жизни, и требуется решиться на принятие новой социальной роли и социальной позиции в последующем социальном или возрастном статусе. Применение обрядов инициации, по мнению А. ван Геннепа, облегчает этот переход [2].

Однако в многоаспектном исследовании А. ван Геннепа, включающем, в том числе, и анализ возрастных обрядов посвящения, нет никаких данных о ритуалах посвящения в

пожилой возраст. Самый поздний возрастной обряд, описанный А. ван Геннепом, – это обряд расставания с детством (примерно 16 лет) [2].

Между тем в научной литературе выделяются исторические изначальные цели инициации, связанной с возрастом: а) проверка на готовность переносить трудности нового возрастного этапа; б) снятие барьеров страха перед новым возрастным периодом; в) собственно посвящение в новый возрастной статус как принятие нового члена возрастной когорты; г) приобщение к духовным ценностям; преемственность бытия человека и др. [7; 8; 10].

В науке проанализированы и цели возрастной инициации, возникшие уже в современном мире. Так, М.-К. Леневи́ полагает, что инициация призвана подтвердить социальное признание. Участие в ритуале посвящения означает ассимиляцию в социум, альтернативой было бы бессмысленное существование вне общества [21]. Ритуал возрастной инициации в современном социуме, по мнению Б. Януш и М. Валькевич, несмотря на символический характер, позволяет выстроить внутренний каркас личности при переходе на новый этап возрастного развития [18] или, как полагает К. А. Маркстрем, развить национальную и личную идентичность [23]. В западном обществе идея инициации, например, в подростковом возрасте считается полезной, в связи с чем поддерживаются различные модернистские ритуалы посвящения во взрослость [19].

Таким образом, несмотря на то, что ритуалы посвящения во взрослость имеют историческую природу, тем не менее, они активно используются до сих пор, что позволяет науке изучать современные проявления этого социального феномена и оценивать его значение для современной цивилизации [12].

Социальная важность ритуалов инициации для продуктивного функционирования современного общества проявляется уже в том, что они не только сохранились, но и развиваются, охватывая и регламентируя новые виды социальных отношений. Так, научная инициация описывается как прохождение определенных обрядов становления ученого: аспирантура, защита диссертации, присуждение ученой степени и др. [13]. В настоящее время теория инициации также применяется в отношении приобретенной инвалидности, чтобы облегчить инвалиду переход к новому физическому и социальному статусам, принятию новой реальности путем самопреобразования личности [16].

Однако практически не изучены ни в историческом аспекте, ни в современной жизни остаются вопросы возрастной инициации при переходе от зрелого к пожилому возрасту. Это привело к тому, что в 80-х годах XX века в научной литературе даже ставится вопрос о социальной ответственности пожилых людей за неправильное поведение, стимулирующее общественное презрение к относительно здоровым пожилым людям, у которых жизненные цели ограничены принятием пищи, бесцельным времяпрепровождением или игроманией [24]. При этом существует и прямо противоположная тенденция – негативного отношения к пожилым работникам, что не позволяет данной категории граждан реализовывать свой трудовой потенциал [9].

Т.Д. Марцинковская справедливо указывает как на первоочередные проблемы пожилого возраста – переформатирование «образа-Я» и адаптацию к новым социальным возрастным ролям [4]. Однако это – сложная проблема для личности пожилого человека, поскольку общественные негативные установки по отношению к пожилому возрасту являются основным барьером к позитивному переходу на новый возрастной этап. В маркетинговых исследованиях, в частности, было отмечено, что пожилые люди часто игнорируют факт нахождения в пожилом возрасте, предпочитая в выборе одежды и аксессуаров оставаться на предыдущей возрастной ступени [15].

Упоминание в СМИ о пожилом возрасте в негативном аспекте в период пандемии Covid-19 с применением терминов «уязвимые», «немошные», «бремя» способствовало еще

большей виктимизации этой возрастной категории и ее нежеланию ассоциироваться со своим возрастом. В связи с этим актуализировалась общая проблема возрастного равенства, необходимость демонстрации уважения к пожилым людям, поиска лингвистических недискриминационных характеристик по отношению к пожилому возрасту [14]. Очевидно, что полноценной адаптации к пожилому возрасту могут способствовать специальные ритуалы, включающие и положительные лингво-психологические характеристики возраста.

2. Материалы и методы

Цели исследования:

1. Выявление психологических барьеров к переходу в пожилой возраст.
2. Изучение примерных сценариев ритуалов перехода в пожилой возраст, имеющих место в современных культурах, и их психологическая оценка.
3. Формулирование рекомендаций по внедрению ритуалов посвящения в пожилой возраст в отечественную культуру межличностных отношений.

В качестве материала исследования выступили: нормативные акты зарубежных государств, а также опыт разработки и использования ритуалов посвящения в пожилой возраст в разных странах.

Методами исследования стали: а) анализ традиций инициации в разных культурах; б) анализ практики социальной работы в разных странах.

3. Результаты

Адаптация к пожилому возрасту, по сути, означает психологическое признание субъектом факта нахождения в этом возрастном периоде и принятие на себя социальных требований к текущему паспортному возрасту. Однако на этом пути есть психологический барьер. Суть его в когнитивной иллюзии, когда пожилые люди в субъективном восприятии своего возраста отстают от его паспортных значений, часто лично воспринимая себя существенно более молодыми, чем показатели паспортного (хронологического) возраста [11].

При этом существующие исследования по изучению соотношения субъективного и хронологического возрастов у пожилых людей показывают, что субъективное ощущение себя как более молодого по сравнению с паспортным возрастом связано с лучшим психическим и физическим здоровьем, положительно коррелирует с удовлетворенностью жизнью, оптимизмом и др. [20]. В то же время существуют и альтернативные исследования, в которых показывается, что упорное желание выглядеть моложе является основой депрессии в пожилом возрасте [26]. Полагаем, что более грамотную психологическую позицию по изучению феномена субъективного возраста высказал С. Гиллард [17]. Его точка зрения заключается в том, что субъективный возраст, это – не самоощущения, а отраженный эффект интерсубъектных отношений, показывающий место человека в обществе: чем более значительно это место, тем более молодым ощущает себя человек.

В силу этого субъективный возраст как психологический барьер к позитивному психологическому переходу к пожилому возрасту играет двоякую роль. С одной стороны, поддерживает социальный статус человека и его самоуважение, основанное на общественном признании. Однако с другой стороны это может привести к игнорированию возрастных сигналов о дисфункции биологических систем организма, обусловленных старением. В связи с этим важны исследования о связи субъективного возраста с физической подготовкой. Данные китайских ученых свидетельствуют, что субъективный возраст напрямую зависит от физического развития человека, что делает особенно важным пропаганду здорового образа жизни и ее физкультурного компонента, но с учетом специфики пожилого возраста [27].

Таким образом, обобщая, можно сказать, что поддержание субъективного ощущения себя более молодым все-таки основывается на понимании необходимости поддержания

физической формы и сохранении социального статуса. При этом позитивное принятие себя в пожилом возрасте как раз и означает необходимость нового взгляда как на свою физическую форму, так и ответственное поведение по ее поддержанию, поскольку это имплицитно обеспечивает и социальное уважение, и социальное признание. Показательно, что в этом же ключе в последнее время разрабатывается и концепция когнитивного возраста. В соответствующих изысканиях также показывается, что возрастные когнитивные изменения неизбежны, но их можно регулировать, если признавать свой возраст и на этом фоне осознано предпринимать конкретные действия по их коррекции [5].

Обобщая можно сказать, что инициация при переходе в пожилой возраст все-таки необходима, чтобы избежать переоценки своих физических, профессиональных и когнитивных возможностей и более ответственно относиться к сбережению своих физических и иных ресурсов. Заслуживает внимание ресурсный подход к решению проблем пожилого возраста, примененный А. В. Ермиловой и И. А. Исаковой. Ими обосновано положение о необходимости осознания собственной ресурсности для жизни в пожилом возрасте уже на этапе зрелого возраста. Под ресурсами личности авторы имеют в виду как накопленный человеческий капитал, так и готовность к реализации потенциальных ресурсов пожилого человека, не раскрытых и неиспользованных ранее. Позитивна также идея о необходимости развития и пополнения ресурсной базы личности уже в собственно пожилом возрасте [3]. Исследования показывают, что даже у проживающих в домах для престарелой установки на развитие и жизненные перспективы способствуют позитивному настрою и оптимизму [6].

Однако возникает проблема технологий инициации, которые могут быть позитивно восприняты пожилыми людьми.

В практике социальной работы и в иных сферах общественной жизни в некоторых странах происходит создание новой традиции: инициации в пожилой возраст. Это происходит потому, что массовое увеличение продолжительности жизни создало ситуации, когда доживание до пожилого и старческого возраста в современном понимании этих периодов стала не исключением, а нормой.

Интересный подход к пониманию сущности и технологии современных ритуалов предложили В. В. Серова и Е. А. Александрова. Они полагают, что ритуалами, например, посвящения во взрослость следует считать сами события, которые позволяют преодолеть рубеж взрослости: армия, работа, рождение детей, съезд от родителей, ипотека и др. [12]. Очевидно, что в отношении пожилого человека таким событием должен бы стать уход с работы, прекращение трудовой деятельности. Однако многие пенсионеры продолжают работать, а приобщение к статусу неработающего пенсионера также требует применения психологических инструментов, чтобы не возникло картины, описанной В. Ф. Мэй, когда пенсионеры непродуктивно проводят свое время [24]. С. Лев-Аладгем предложил проводить инициацию в доме престарелых в форме ролевой игры [22]. В похожих на ролевою игру формах в маленьких деревнях в Японии инициация происходит в виде специального ритуала, когда, например, новый член возрастной когорты получает право присоединиться к хороводу, который водят пожилые люди вокруг символического для духовного статуса личности объекта. Между тем, понятно, что формы, пригодные для небольших групп пожилых людей, проживающих в одном месте, неприемлемы для других ситуаций.

В этом смысле общим поводом для посвящения больших групп людей в пожилой возраст мог бы стать день пожилого человека, который сравнительно недавно появился в российском календаре. Техники проведения этого дня в других странах, с акцентом на инициацию, могут быть применены в России. Так, в Японии с 1947 г. отмечают праздник «Почитания пожилых людей». Название праздника уже более позитивное, чем в России. Характерно, что инициатива праздника принадлежит простым людям, которые были

обеспокоены судьбой человека, переступающего порог старости. Суть праздника – проявление уважения к пожилым людям, акцент на значимости их личности, прославление жизненного и трудового опыта. Основная идея – нельзя уважать себя, не уважая старость. Праздник возник в одной из японских деревень, но поскольку он был духовно востребован, то с 1965 года стал национальным праздником Японии¹. Показательно, что японский законодатель не ограничил празднование дня пожилых людей одним днем. В японском закон о социальном обеспечении пожилых людей закреплена также Неделя пожилых людей, отмечаемая которой начинается с дня пожилых людей 15 сентября. В законе обозначена цель проведения недели пожилых людей: углубление общественного интереса и понимания благосостояния пожилых людей и мотивации пожилых людей к стремлению улучшить свою жизнь (статья 5). На государственном уровне предписывается обязанность государственных и муниципальных структур обеспечить мероприятия, подходящие для целей праздника². В День почитания пожилых людей в 1973 г. Японские национальные железные дороги установили серебряные сиденья³.

Принятие закона о неделе пожилых людей основывается на древних японских синтоистских традициях уважения к пожилым людям, которые также сохраняются в японском обществе, и могут быть частично имплементированы в российскую культуру почитания старших. Речь идет, в частности, о культуре празднования возрастных юбилеев.

Так, «Канрэки» – это 60-летний юбилей, который в синтоизме считается началом отсчета нового жизненного цикла, новым рождением. Знаменательно, что акцент делается не на угасании, не на снисхождении, а именно на новом рождении. С праздником сопряжены и символы. «Вновь рожденному», как и младенцу дарят красные вещи⁴.

Традиции почитания старших развиты на Северном Кавказе. Соблюдение правил обращения с пожилыми людьми стало там частью национальной культуры [1]. Основная проблема здесь – сохранение этих традиций⁵.

Общий дух этих традиций и основные правила проявления уважения к пожилым людям можно развивать и в русской культуре.

Одной из форм инициации в пожилой возраст можно считать принятие пожилого человека в клуб, созданный специально для пожилых людей. Традиции клубной работы в отношении пожилых есть в Японии и Германии. В Японии существует даже Национальная федерация клубов пожилых людей, которая представляет собой общественный фонд. Истоки клубов для пожилых людей (Keigoikai) в древних японских исторических традициях организации взаимопомощи⁶. В Германии клуб, названный «Достоинство в старости», создан выходцами из СССР.

В России также есть традиции клубной работы, например, клубы ветеранов, спортивные клубы и др. Однако нет специализированных клубов для пожилых людей, где основанием для членства в клубе является возрастной статус. Ветеранские клубы, кроме возрастного признака, включают и иные требования: профессиональной идентичности (клуб

¹ Meaning of Keiro no Hi (敬老の日 Respect for the Aged Day). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hh-japanneeds.com/japanese-events/keiro-no-hi/> (дата обращения: 23.08.2023).

² 老人福祉法 (The Law on Social Security of the Elderly). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=338AC000000133&openerCode=1> 12.05.2023. (дата обращения: 21.09.2023).

³ <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E6%97%A5%E6%9C%AC%E3%81%AE%E9%AB%98%E9%BD%A2%E5%8C%96> (дата обращения: 18.05.2023).

⁴ Сайт консульства Японии во Владивостоке. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/consul_japan_kh (дата обращения: 17.05.2023).

⁵ Харсиева Л. Нерушимая крепость. Обычай уважения и почитания старших [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gazetaingush.ru/kultura/obychay-uvazheniya-i-pochitaniya-starshih> (дата обращения: 17.05.2023).

⁶ 老人会 (Клубы для пожилых людей) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ja.wikipedia.org/wiki/%E8%80%81%E4%BA%BA%E4%BC%9A> (дата обращения: 18.05.2023).

бывших спортсменов) или объединение по участию в событии (клуб ветеранов боевых действий). При этом потребность к объединению у пожилых людей присутствует, поскольку клуб как общественная организация защищает своих членов и оказывает им поддержку, зная потребности каждого.

4. Заключение

Таким образом, можно сделать некоторые предложения по внедрению обряда посвящения в пожилой возраст в отечественную культуру:

1. Приурочить процедуры (ритуалы) инициации ко дню пожилого человека.
2. Переименовать название праздника «День пожилого человека» в «День почитания пожилого человека», как это было сделано в свое время в Японии.
3. Сформулировать свод правил обращения к пожилому человеку и общения с пожилым человеком, основанных на отечественных традициях уважения к старшим, и включить изучение этого свода в программы воспитания в детском саду и в школе.
4. В качестве ритуалов посвящения в пожилой возраст использовать японскую традицию поздравления в день юбилея с новым рождением и включение человека в клуб пожилых людей.
5. Необходимы общественные и государственные инициативы по созданию клубной сети для пожилых людей.

Список источников и литературы

1. Богданова, А. А. (2017). *Традиция почитания старших в культуре народов Северного Кавказа* // Исследовательская деятельность в образовательном пространстве региона: материалы V Региональной научно-практической конференции. С. 45-47.
2. Геннеп, А. (1999). *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов* / Пер. с франц. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 198 с.
3. Ермилова, А. В., Исакова, И. А. (2022). *Концепция активного долголетия или концепция выживания пожилых* // Старшее поколение современной России. Монография. Нижний Новгород. С. 111-130.
4. Марцинковская, Т. Д. (1999). *Особенности психического развития в позднем возрасте* // Психология зрелости и старения. № 3. С. 13–17.
5. Поликанова, И. С., Балан, П. В., Мартынова, О. В. (2022). *Когнитивный и биологический возраст человека: актуальные вопросы и новые перспективы в исследовании старения* // Теоретическая и экспериментальная психология. № 4. С. 106-120.
6. Попов, Е. А. (2022). *Активная старость женщин в российских домах престарелых* // Социологические исследования. № 5. С. 139-144.
7. Попова, С. А. (2014). *Фольклорные и реальные сакральные помещения в обрядах мужских возрастных инициаций* // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции XII Югорские чтения. Югра: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. С. 165-173.
8. Салмин, А. К. (1994). *Народная обрядность чувашей*. Чебоксары. 339 с.
9. Смирнова, Т. В. (2008). *Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция* // Социологические исследования. № 8. С. 49–55.
10. Фирсова, А. М. (2009). *Границы в ритуале посвящения и в языке как структурные элементы формирования личности* // Приволжский научный журнал. 2009. № 1 (9). С. 210-214.
11. Сергиенко, Е. А., Харламенкова, Н. Е. (2018). *Психологические факторы успешного старения* // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. Т.8. Вып. 3. С. 243-257.

12. Серова, В. В., Александрова, Е. А. (2023). *Взросление и инициация в современном мире* // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11–12 мая 2023 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. С. 737-741.
13. Amran, N. N., Ibrahim, R. (2012). *Academic Rites of Passage: Reflection on a PhD Journey* // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Vol. 59. P. 528-534. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.310>
14. Amundsen, D. (2022). *A critical gerontological framing analysis of persistent ageism in NZ online news media: Don't call us "elderly"!* // Journal of Aging Studies. Vol. 61. June. 101009. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2022.101009>
15. Balazs, A. (1992). *Role transitions in older adults: A marketing opportunity* // Psychology and Marketing. №2. P. 85-99. <https://doi.org/10.1002/mar.4220090202>
16. Beudaert, A., Özçağlar-Toulouse, N., Türe, M. (2016). *Becoming sensory disabled: Exploring self-transformation through rites of passage* // Journal of Business Research. Vol. 69. Is. 1. P. 57-64. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.07.020>
17. Gilleard, C. (2022). *Age, subjectivity and the concept of subjective age: A critique* // Journal of Aging Studies. Vol. 60. March. 101001. https://doi.org/10.1057/978-1-137-39356-2_13
18. Janusz, B., Walkiewicz, M. (2018). *The Rites of Passage Framework as a Matrix of Transgression Processes in the Life Course* // Journal of Adult Development. Vol. 25. P. 151–159.
19. Kingsman, D. (2021). *Rites of Passage Programs for Adolescent Boys in Schools A Scoping Review* // Boyhood Studies. Vol. 14. Is. 2. P. 90-115. <https://doi.org/10.3167/bhs.2021.140206>
20. Langballe, E. M., Skirbekk, V., Strand, B. H. (2023). *Subjective age and the association with intrinsic capacity, functional ability, and health among older adults in Norway* // European Journal of Ageing. Vol. 20.
21. Leneveu, M.-C. (2013). *Definition of concept: Anthropological rite of passage* // Éthique & Santé. Vol. 10. Is. 2. June. P. 66-69. <https://doi.org/10.1016/j.etiqe.2012.11.006>
22. Lev-Aladgem, S. (1999). *From ritual to drama and back in a rehabilitation day-care center* // Journal of Aging Studies. Vol. 13. Is. 3. P. 315-331. [https://doi.org/10.1016/S0890-4065\(99\)80099-1](https://doi.org/10.1016/S0890-4065(99)80099-1)
23. Markstrom, C. A. (2011). *Initiation Ceremonies and Rites of Passage* // Encyclopedia of Adolescence. P. 152-159. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-373951-3.00064-8>
24. May, W. F. (1985). *The virtues and vices of the elderly* // Socio-Economic Planning Sciences. Vol. 19. Is. 4. P. 255-262. [https://doi.org/10.1016/0038-0121\(85\)90050-3](https://doi.org/10.1016/0038-0121(85)90050-3)
25. Silaban, I., Sibarani, R. (2021). *The tradition of Mambosuri Toba Batak traditional ceremony for a pregnant woman with seven months' gestational age for women's physical and mental health* // Gaceta Sanitaria. Vol. 35. Supplement 2. P. S558-S560. <https://doi.org/10.1016/j.gaceta.2021.07.033>
26. Veenstra, M., Herlofson, K., Aartsen, M., Hansen, T., Hellevik, T., Henriksen, G. et al. (2021). *Cohort profile: The Norwegian life course, ageing and generation study (NorLAG)* // International Journal of Epidemiology. Vol. 58. P. 728–729. <https://doi.org/10.1093/ije/dyaa280>
27. Wang, J., Yu, J., Zhao, X. (2022). *Is Subjective Age Associated with Physical Fitness in Community-Dwelling Older Adults?* // International Journal of Environmental Research and Public Health. June. <https://doi.org/10.3390/ijerph19116841>

References

1. Bogdanova, A. A. (2017). *Tradiciya pochitaniya starshih v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza* [The tradition of honoring elders in the culture of the peoples of the North Caucasus] in *Issledovatel'skaya deyatel'nost' v obrazovatel'nom prostranstve regiona: materialy V Regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 45-47. (in Russian).
2. Genep, A. (1999). *Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov* [Rites of passage. Systematic study of rituals]. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (in Russian).
3. Ermilova, A. V., Isakova, I.A. (2022). *Koncepciya aktivnogo dolgoletiya ili koncepciya vyzhivaniya pozhilyh* [The concept of active longevity or the concept of survival of the elderly]. Starshee pokolenie sovremennoj Rossii. Monografiya. Nizhnij Novgorod. (in Russian).
4. Marcinkovskaya, T. D. (1999). *Osobennosti psicheskogo razvitiya v pozdnem vozraste* [Features of mental development at a late age] in *Psichologiya zrelosti i stareniya*, 3, 13–17. (in Russian).
5. Polikanova, I. S., Balan, P. V., Martynova, O. V. (2022). *Kognitivnyj i biologicheskij vozrast cheloveka: aktual'nye voprosy i novye perspektivy v issledovanii stareniya* [Cognitive and biological age of a person: current issues and new perspectives in the study of aging] in *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psichologiya*, 4, 106-120. (in Russian).
6. Popov, E. A. (2022). *Aktivnaya starost' zhenshchin v rossijskih domah prestarelyh* [Active old age of women in Russian nursing homes] in *Sociological research*, 5, 139-144. (in Russian).
7. Popova, S. A. (2014). *Fol'klornye i real'nye sakral'nye pomeshcheniya v obryadah muzhskih vozrastnyh iniciacij* [Folklore and real sacred premises in the rites of male age initiations] in *Filologicheskie issledovaniya obsko-ugorskih yazykov: tradicii, novacii, itogi, perspektivy. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii XII YUgorskie chteniya*. YUgra: Obsko-ugorskij institut prikladnyh issledovanij i razrabotok, 165-173. (in Russian).
8. Salmin, A. K. (1994). *Narodnaya obryadnost' chuvashej* [Folk rites of the Chuvash]. CHEboksary. (in Russian).
9. Smirnova, T. V. (2008). *Pozhilye lyudi: stereotipnyj obraz i social'naya distanciya* [Older people: stereotypical image and social distance] in *Sociologicheskie issledovaniya*, 8, 49–55. (in Russian).
10. Firsova, A. M. (2009). *Granitsy v rituale posvyashcheniya i v yazyke kak strukturnyye elementy formirovaniya lichnosti* [Boundaries in the ritual of initiation and in language as structural elements of personality formation] in *Privolzhskiy nauchnyy zhurnal*, 1 (9), 210-214. (in Russian).
11. Sergienko, E. A., Harlamenkova, N. E. (2018). *Psichologicheskie faktory uspehnogo stareniya* [Psychological factors of successful aging] in *Vestnik SPbGU. Psichologiya i pedagogika*, 8 (3), 243-257. (in Russian).
12. Serova, V. V., Aleksandrova, E. A. (2023). *Vzroslenie i iniciaciya v sovremennom mire* [Growing up and initiation in the modern world] in *Social'naya psichologiya: voprosy teorii i praktiki*. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pamyati M.YU. Kondrat'eva «Social'naya psichologiya: voprosy teorii i praktiki» (11–12 maya 2023 g.). Moscow: FGBOU VO MGPPU, 737-741. (in Russian).

13. Amran, N. N., Ibrahim, R. (2012). *Academic Rites of Passage: Reflection on a PhD Journey*. In *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 59, 528-534. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.09.310> (in English).
14. Amundsen, D. (2022). *A critical gerontological framing analysis of persistent ageism in NZ online news media: Don't call us "elderly"!* In *Journal of Aging Studies*. 61. June. 101009. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2022.101009> (in English).
15. Balazs, A. (1992). *Role transitions in older adults: A marketing opportunity*. In *Psychology and Marketing*. 2, 85-99. <https://doi.org/10.1002/mar.4220090202> (in English).
16. Beudaert, A., Özçağlar-Toulouse, N., Türe, M. (2016). *Becoming sensory disabled: Exploring self-transformation through rites of passage*. In *Journal of Business Research*. 69, 57-64. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.07.020> (in English).
17. Gilleard, C. (2022). *Age, subjectivity and the concept of subjective age: A critique*. In *Journal of Aging Studies*. 60. March. 101001. https://doi.org/10.1057/978-1-137-39356-2_13 (in English).
18. Janusz, B., Walkiewicz, M. (2018). *The Rites of Passage Framework as a Matrix of Transgression Processes in the Life Course*. In *Journal of Adult Development*. 25, 151–159. (in English).
19. Kingsman, D. (2021). *Rites of Passage Programs for Adolescent Boys in Schools*. In *A Scoping Review. Boyhood Studies*. 14. (2), 90-115. <https://doi.org/10.3167/bhs.2021.140206> (in English).
20. Langballe, E. M., Skirbekk, V., Strand, B. H. (2023). *Subjective age and the association with intrinsic capacity, functional ability, and health among older adults in Norway*. In *European Journal of Ageing*. 20. (in English).
21. Leneveu, M.-C. (2013). *Definition of concept: Anthropological rite of passage*. In *Éthique & Santé*. 10. (2). June. 66-69. <https://doi.org/10.1016/j.etiqe.2012.11.006> (in English).
22. Lev-Aladgem, S. (1999). *From ritual to drama and back in a rehabilitation day-care center*. In *Journal of Aging Studies*. 13. (3), 315-331. [https://doi.org/10.1016/S0890-4065\(99\)80099-1](https://doi.org/10.1016/S0890-4065(99)80099-1) (in English).
23. Markstrom, C. A. (2011). *Initiation Ceremonies and Rites of Passage*. In *Encyclopedia of Adolescence*, 152-159. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-373951-3.00064-8> (in English).
24. May, W. F. (1985). *The virtues and vices of the elderly*. In *Socio-Economic Planning Sciences*. 19. (4), 255-262. [https://doi.org/10.1016/0038-0121\(85\)90050-3](https://doi.org/10.1016/0038-0121(85)90050-3) (in English).
25. Silaban, I., Sibarani, R. (2021). *The tradition of Mambosuri Toba Batak traditional ceremony for a pregnant woman with seven months' gestational age for women's physical and mental health*. In *Gaceta Sanitaria*. 35. Supplement 2, 558-560. <https://doi.org/10.1016/j.gaceta.2021.07.033> (in English).
26. Veenstra, M., Herlofson, K., Aartsen, M., Hansen, T., Hellevik, T., Henriksen, G. et al. (2021). *Cohort profile: The Norwegian life course, ageing and generation study (NorLAG)*. In *International Journal of Epidemiology*. 58, 728–729. <https://doi.org/10.1093/ije/dyaa280> (in English).
27. Wang, J., Yu, J., Zhao, X. (2022). *Is Subjective Age Associated with Physical Fitness in Community-Dwelling Older Adults?* In *International Journal of Environmental Research and Public Health*. June. <https://doi.org/10.3390/ijerph19116841> (in English).

Вклад авторов:

Т. П. Будякова: написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи;

Е. А. Антипина: получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

T. P. Budyakova: writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article;

E. A. Antipina: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained.

ЗАСТРОЙКА ГОРОДСКИХ ВЫГОННЫХ ЗЕМЕЛЬ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА, КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВА)

Е. М. Воробьева

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
ул. Интернациональная, д. 33, Тамбов, 392000, Россия*

Аннотация

Введение. Данная работа посвящена вопросу застройки городских выгонных земель, и опирается на модернизационную концепцию исторического развития. Актуальность исследования состоит из двух аспектов – активного интереса ученых к городской истории и обнаружении лакун, связанных с отсутствием разграничений между городской землей и выгонами в исследованиях многих авторов. Новизна работы обусловлена заполнением обозначенной лакуны, а также вводом в научный оборот нового комплекса источников по теме. **Материалы и методы.** В рамках исследования были использованы классические для исторической науки методы (проблемно-хронологический, сравнительный и системный), а также методы исторической информатики. Источниковой базой исследования являются архивные материалы, представленные в Государственном архиве Тамбовской области. Основные источники – «Дело о составлении плана на выгонные земли гор. Тамбова за сентябрь 1827 г. – март 1840 г» и «Материалы о составлении статистической таблицы Тамбовской губернии за 1846 год». **Результаты.** Результатом исследования можно считать доказательство необходимости разграничения понятий городской земли и выгонной. Данный результат обеспечивает рост достоверности трактовки статистических данных при оценке темпов модернизации в городах в исследованиях историков-урбанистов. Таким образом, в рамках исследования удалось выполнить поставленную изначально цель по определению возможности оценивания темпов модернизации в опоре на застройку городских выгонных земель. **Заключение.** Приведенные в рамках данного исследования законодательные акты и межевые инструкции подтверждают особый правовой статус выгонной земли. Статистические данные свидетельствуют о значительно более обширных темпах модернизации на выгонной земле, нежели на территории города. Таким образом, можно утверждать, что корректно рассматривать застройку городских выгонных земель как показатель модернизации городов в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Ключевые слова: выгонные земли, модернизация, Тамбов, застройка предприятиями, заводы, фабрики, регламентация.

Для цитирования: Воробьева, Е. М. (2023). Застройка городских выгонных земель в конце XVIII – первой половине XIX века, как проявление модернизации (на материалах Тамбова) // История: факты и символы. № 4 (37). С. 20-31 doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-20-31

Благодарности: Автор выражает благодарность доктору исторических наук, профессору В.В. Канищеву за научное руководство в процессе написания данной работы.

Статья поступила: 19.08.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Воробьева Е., 2023

**URBAN LAND DEVELOPMENT IN THE LATE XVIII – FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY AS A MANIFESTATION OF MODERNISATION
(ON THE MATERIALS OF TAMBOV)**

Elizaveta M. Vorobeva

*Derzhavin Tambov State University,
st. Internationalnaya, 33, Tambov, 392000, Russia*

Abstract

Introduction. This article is devoted to the issue of urban land development and is based on the modernisation concept of historical development. The relevance of the study consists of two aspects – the active interest of scholars in urban history and the discovery of lacunas associated with the lack of distinctions between urban land and vygnyas in the studies of many authors. The novelty of the work is due to the filling of this lacuna, as well as the introduction of a new set of sources on the topic. Within the framework of the research we used classical methods for historical science (problem-chronological, comparative and systematic), as well as methods of historical informatics.

Materials and methods. The source base of the study is the archival materials presented in the State Archive of the Tambov Region. The main sources are "The case of the plan for the outlying lands of the town of Tambov for September 1827". Tambov for September 1827 – March 1840" and "Materials on compilation of the statistical table of Tambov province for 1846". The result of the research can be considered as a proof of the necessity to distinguish between the concepts of urban land and vygonnaya land. **Results.** This result provides an increase in the reliability of the interpretation of statistical data in assessing the pace of modernisation in cities in the studies of urban historians. Thus, the study has succeeded in fulfilling the original goal of determining the possibility of assessing the pace of modernisation in reliance on the development of urban outlying land. **Conclusion.** The legislative acts and boundary instructions given in the framework of this study confirm the special legal status of the driven land. Statistical data indicate a much more extensive pace of modernization on the vyhonnaya land than on the territory of the city. Thus, it can be argued that it is correct to consider the development of urban pasture lands as an indicator of urban modernization at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries.

Keywords: expropriation land, modernization, Tambov, development by enterprises, factories, factories, regulation.

For Citation: Vorobeva, E. (2023). Urban land development in the late XVIII – first half of the XIXth century as a manifestation of modernisation (on the materials of Tambov) In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 20-31, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-20-31>

Acknowledgements: The author would like to express his gratitude to prof. Vladimir Kanishev for scientific guidance in the process of writing this paper.

Received: 19.08.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Vorobyeva E., 2023

1. Введение

В процессе рассмотрения модернизации, как «изменение, усовершенствование, отвечающее современным требованиям» (<https://slovar.cc/enc/bolshoy/2102241.html>) возникает вопрос, какие именно «усовершенствования» создают ту ситуацию, при которой объект модернизации начинает отвечать «современным требованиям». В случае с преобразованием городского пространства объективным фактором продвижения модернизации можно назвать предприятия, которые по мере роста их количества изменяют специализацию города, который в свою очередь делает переход из аграрного поселения в аграрно-индустриальное.

Модернизация Российской империи – тема, вызывающая стабильный интерес среди исследователей. Наиболее комплексной работой по этому вопросу можно назвать труд Б.Н. Миронова [15]. Выделим несколько тезисов, наиболее интересных для нашего исследования.

Город последней четверти XVIII – первой половины XIX вв. был напрямую связан с его населением, для которого основным доходом была прибыль от ведения торговли и промыслов [15, с. 729]. Эта идея в целом устойчива и выработана еще в историографии имперского периода. Так, В.П. Семёнов-Тян-Шанский сколько-нибудь надежным признаком города считал «...процент населения данного пункта, не занимающегося сельским промыслами вообще, в связи с бойкостью его торгово-промышленного оборота, исчисленной на одного его жителя» [17, с. 55-56].

Поскольку промысловая деятельность населения напрямую связана с развитием промышленного производства, одним из признаков перехода от сельского поселения в городское можно назвать рост количества предприятий. Таким образом, одним из неоспоримых факторов модернизации можно считать строительство заводов и фабрик.

Еще один тезис, выдвинутый Б.Н. Мироновым – перелом в функциональной структуре городов, который он датирует серединой XIX в. [15, с. 817-818]. Говоря о функциональном переломе, имеется в виду рост количества промышленных и торговых городов с одновременным уменьшением доли аграрных. Однако данный тезис не является абсолютным, ведется активная научная дискуссия по этому вопросу.

В частности, мнение Б.Н. Миронова оспаривает Л.В. Кошман [13, с. 24]. Она отмечает, что при работе с массовыми источниками излишне говорить о «радикальном изменении» в функциональной структуре городов империи. По ее мнению, в источниках отсутствуют следы «четкости в этой эволюции».

На данный спорный момент предлагается обратить внимание в рамках нашего исследования.

Строит отметить, что понятия город и модернизация неразрывно связаны в умах исследователей. Так, говоря о заводах и фабриках, они часто употребляют фразы: «Всего в городе было 18 предприятий...» [18] или «...в городах губернии насчитывалось 40 таких производств...» [19]. И такая постановка вопроса в целом верна, на предприятиях и производствах трудились горожане, владели ими чаще тоже городские жители. Во многих документах того времени заводы действительно локализованы в городе. В качестве примера можно привести «Материалы о составлении статистической таблицы Тамбовской губернии за 1846 год» [6]. Однако при подробном рассмотрении оказывается, что, говоря о городских предприятиях, делопроизводитель чаще указывает те производства, которые

находились на городской выгонной земле, а не в черте города. В данном контексте стоит подробнее рассмотреть особенности городских выгонов, которые говорят о необходимости отделять городскую землю от выгонной.

2. Материалы и методы

В рамках исследования были использованы классические для исторической науки методы (проблемно-хронологический, сравнительный и системный), а также методы исторической информатики.

Источниковую базу нашего исследования составили законодательные акты и делопроизводственная переписка. Регламентация пользования выгонами осуществлялась посредством ряда документов: «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» [10], «Инструкция о межевании во всем государстве земель» [12], инструкции землемерам [11], «Манифеста о генеральном размежевании земель во всей Империи» [14]. Рассмотреть и сравнить объемы производства в городе и на выгоне предлагается с использованием некоторых статистических материалов о количестве предприятий в городе Тамбове и на городской выгонной земле в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Рассматривая законодательные акты в рамках естественной периодизации, стоит начать с Межевой инструкции, которая датируется 1754 г. В документе присутствует отдельная глава, посвященная межеванию выгонных земель. Отметим основные аспекты:

- 1) тем, кто на момент выхода инструкции построился на выгоне, эту землю продать, взыскав за каждую десятину по гриве [12, с. 33-34];
- 2) строительство на выгонах запрещено [12, с. 33-34];
- 3) городам без выгонов, отмежевать их, и принадлежать выгоны должны всем городским жителям [12, с. 36];
- 4) на выгонах нельзя пахать и косить [12, с. 36].

Далее был выпущен еще один документ, непосредственно связанный с регламентированием земельных отношений. Он датирован 19 сентября 1765 г. и называется «Манифест о генеральном размежевании земель во всей Империи». Именно в этом документе было утверждено создание новой инструкции, которая стала регламентировать межевание.

Отметим те установления, которые представляют интерес в контексте данного исследования:

- 1) никто не имеет права без извещения «казенного ведомства» увеличивать территорию своих земель со дня публикации манифеста [14, с. 8];
- 2) каждый владелец должен сам измерить заранее свои земли и проверить документы на эту землю, если же есть какая-то лишняя земля необходимо полюбовно решить этот вопрос с соседями [14, с. 9];

Далее была выпущена анонсированная в манифесте новая межевая инструкция [11]. Примечательно, что данная инструкция землемерам как бы заменяет все предыдущие документы и предписывает новые нормы межевания. В ней касательно выгонной земли содержатся следующие положения:

- 1) «магистраты и ратуши» должны предоставить землемерам информацию о тех, кто поселились и построились на городских выгонных землях [11, с. 7];

2) если земли эти заняты по «ведомостям», необходимо их измерить и оставить за владельцами, а также зафиксировать на планах [11, с. 7];

3) если на выгонной земле построены казенные или «партикулярных людей» кирпичные заводы, то оставить им только ту землю, на которой строит какая-либо постройка, а дополнительно землю не прикреплять, кроме того их также необходимо было отметить на планах [11, с. 7-8].

В процессе развития законодательства выгонные земли стали упоминаться не только в рамках межевых документов, но и в других законодательных актах. Следующим документом, так или иначе затрагивающим земельные отношения, можно назвать «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» [10], обнародованную в 1785 г. (далее Грамота). Рассмотрим то, какие указания она дает касательно выгонных земель. Городские выгоны запрещено застраивать, если же город их застроит или по-другому будет использовать не для выгона скота, то городу снова выгонов нельзя ни покупать, ни отводить, можно только арендовать землю [10, с. 2].

Данный документ можно считать поворотным в процессе регламентации выгонных земель, поскольку именно в рамках этого документа остановлен процесс выделения городам новых выгонов. С момента выхода Грамоты городские власти были призваны решать проблему с городскими выгонами самостоятельно.

Данная проблема отмечена А.А. Терещенко в рамках знакомства с перепиской курского губернатора В.И. Дена с министром внутренних дел П.А. Валуевым [19]. Проблема появилась еще в конце XVIII в. и была связана с Генеральным межеванием губерний. Создало проблему отсутствия выгонной земли недопонимание между городскими ведомствами, что привело к тому, что все выгонные земли были переданы в пользование крестьянам [19, с. 201]. В своих записях губернатор упоминал, что, по данным на 1861 г., только два из пятнадцати уездных и трех заштатных городов обладают выгонной землей [19, с. 202]. Часть вверенных ему городов не были изначально наделены таковой землей.

Проблемой городов, которым все же была выделена земля, стало то, что эта территория была застроена пригородными слободами. Тот же курский губернатор в своем письме сообщал о необходимости наделения городов выгонными землями снова, поскольку существование городов без оных называет «невыгодным» [19, с. 204]. Однако, опираясь на те законодательные акты, в которых происходила регламентация пользования выгонной землей, можно сделать вывод, что такое дополнительное наделение города землями в рамках правового поля было невозможно.

Регламентация использования выгонных земель закончилась еще в XVIII в. в соответствии с Грамотой. Далее официальные законодательные акты не акцентировали внимание на такого рода земле. Вероятно, данная особенность напрямую связана с процессами модернизации, протекавшими в русском городе в изучаемый период [16]. В городах сокращалось количество скота, а как следствие и потребность в выгонных землях.

Вместе с тем в Государственном архиве Тамбовской области была найдена переписка, которая показывает новый аспект вышеописанной регламентации. Переписка происходила между министерством внутренних дел, гражданским губернатором, тамбовским полицмейстером и городской думой. Она датируется апрелем 1830 г. и посвящена выгонной земле. Данная переписка вкупе с «беспокойством» курского губернатора в какой-то мере

ставит под сомнение наш вывод касательно не востребованности такой земли. Вероятно, она была все также востребована, но уже для других нужд.

Начало переписке положило предписание Министра внутренних дел с требованием предоставить сведения о процессе застройки Тамбова, о его соответствии утвержденному плану, а также передать информацию касательно наличия выгонной земли. Эти требования изначально были обращены к гражданскому губернатору. Затем к работе подключились и городские учреждения.

Для нас большой интерес представляет мотивация министра внутренних дел для начала упомянутой переписки, а именно рапорт Пермского гражданского губернатора. Этот пост занимал действительный тайный советник К. Я. Тюфяев. Чтобы понять мотивы его обращения, стоит изучить биографию этого государственного деятеля. Его персону вызывала значительный интерес у III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Поводом для наблюдения стало беспокойство управляющего канцелярией, связанное с «разрастанием чиновничьего аппарата» и излишним, по его мнению, расширением полномочий местных чиновников [2, с. 81].

У беспокойства были и объективные причины. В 1829 г. в ведомство поступили два доноса, дискредитирующие все руководство губернии: чиновников правления, прокурора и самого губернатора К. Я. Тюфяева [2, с. 90]. Не только доносчики критиковали его руководство губернией, но и чиновники канцелярии. Так, подполковник И. С. Новокшенов писал о К. Я. Тюфяеве: «Пользуясь властью губернатора, действует деспотически» [2, с. 91]. Доносы же дошли до самого императора Николая I. Дело К. Я. Тюфяева вел А. П. Маслов, который, собрав информацию, подтвердил причастность к некоторому беспорядку в губернии [2, с. 91].

Таким образом можно сказать, что пермский губернатор был крайне неоднозначной персоной, и подача рапорта, в котором он сообщает центральной власти о неплановой застройке одного из вверенных ему городов – Чердыни, вполне характерна для его личности. Стоит заметить, что на момент доклада К. Я. Тюфяев занимал должность гражданского губернатора на протяжении уже 7 лет, и именно он должен был следить за исполнением предписаний правительства. Губернатор писал, что часть кварталов города застроены не по плану, а некоторые и вовсе засеяны хлебом [8]. Данный факт описан в письме Министра внутренних дел, которое было обращено к Тамбовским органам управления, таким образом министр аргументировал требование подготовить сведения о застройке городов Тамбовской губернии.

В контексте изучения законодательной регламентации процесса пользования выгонными землями мы знаем о правовых уступках, на которые не раз шло правительство в случаях застройки выгонов. Так, в 1754 г. было решено отмерить городам дополнительные выгоны, в 1766 г. землемерам рекомендовалось передать части выгонной земли застроенные, во владение за плату, то есть легализовать их постройки.

Позже в рамках Грамоты на права и выгоды городам Российской империи, помимо запрета застройки выгонов есть следующие слова: «но да наймет (выгоны) по нужде или удобности» [10, с. 2]. Это говорит о том, что города все же имели право увеличить количество выгонных земель за счет аренды в случае необходимости.

Таким образом, можно предположить, что губернатор К. Я. Тюфяев этим способом стремился получить дополнительно к уже застроенным новые земли. Такое предположение

дает возможность понять рапорт пермского губернатора, в котором он, по сути, признается в ненадлежащем выполнении своих обязанностей.

Можно ли сказать, что значимость выгонной земли падает в результате протекания модернизации? Это было бы неверным суждением. Вероятно, отсутствие стремления к подробной регламентации использования той или иной земли связано с процессом наделения местной власти большими полномочиями по решению земельных вопросов. 16 июня 1870 г. вышло «Городовое положение» [9], которое дополнительно подтверждает суждение, касательно распоряжения собственностью. В документе разрешено «именем города приобретать и отчуждать движимые и недвижимые имущества и вступать в договоры на основании законов гражданских» [9, с. 107]. Города в течение изучаемого периода становились более свободными в вопросе распоряжения собственностью. Активное использование выгонной земли под различные производства и хозяйственные постройки подтверждается множеством дел о выдаче земли в Тамбове [3] и других городах [1].

3. Результаты

Сформировав основные представления касательно различий между городской землей и выгонами, стоит обратиться к вопросу, а как именно на выгонных землях проявлялась модернизация. Городские думы активно отдавали участки на выгоне для строительства горожанами различных предприятий. В Государственном архиве Тамбовской области в фондах № 16 и № 4 было найдено 152 дела о выдаче земли под разнообразные нужды, не связанные со строительством жилья. Лишь о 18 из них можно с уверенностью говорить, что они находились в городе. В отношении 57 можно достоверно утверждать, что они располагались на выгонной земле, поскольку в требовании, фигурировало словосочетание «на выгонной земле» или «на городской выгонной земле». Эти участки раздавались в период с 1796 по 1859 гг.

Рассмотрим статистические данные о предприятиях, построенных в Тамбове и на городской выгонной земле за разные годы. Судить о ситуации в городе и на выгонах в 1797 г. можно по данным, представленным в «Переписке с уездными землемерами об организации почтовой связи, о количестве заводов, фабрик, мельниц, церковей государственных и гражданских строений в городах Тамбовской губернии» [4]. В опоре на данные представленного дела можно говорить о том, что в городе не функционировало ни одного завода, в уезде существовало 14 «мелких казенных предприятий». В округе было 8 винных заводов и 3 винокурни.

Рассматривая развитие промышленного производства на городских территориях, стоит обратиться к сведениям за 1829 г., которые представлены в «Ведомости о количестве и работе фабрик и заводов в Тамбовской губернии за 1830 год» [7]. В рамках данного дела представлены более подробные сведения касательно предприятий. Всего заводов было 17, из них 14 были открыты купцами, 2 мещанами и один однодворцем. Касательно видов заводов 9 – салотопенные; 3 – мыловаренных; по 2 – чугунных и пивоваренных; один кафельный завод. Касательно расположения заводов сведения есть не о всех предприятиях, однако, все 6, о которых есть данные, располагались на выгонной земле.

Таблица 1. Информация о владельцах производств в 1829 г.

Information on owners of manufactures in 1829.

Источник: [7].

п/н	сословие	имя	фамилия	вид постройки
1	купец	Роман	Спирин	салотопенный завод
2	купец	Семен	Мандрыкин	салотопенный завод
3	купец	Андреян	Сорокин	салотопенный завод
4	купец	Василий	Мандрыкин	салотопенный завод
5	купец	Дмитрий	Суворов	салотопенный завод
6	купец	Никита	Куприянов	салотопенный завод
7	купец	Гаврила	Толмачев	салотопенный завод
8	купец	Никита	Куприянов	мыловаренный завод
9	купец	Иван	Филипов Гнусов	мыловаренный завод
10	купец	Герасим	Челабьев	мыловаренный завод
11	мещанин	Иван	Вологин	чугунный завод
12	купец	Надежда	Федорова	чугунный завод
13	купец	Василий	Сорокин	салотопенный завод
14	купец	Федор	Галкин	салотопенный завод
15	однодворец	Антип	Бесперстов	кафельный завод
16	мещанин	Иван	Иванов Плетников	пивоваренный завод
17	купец	Николай	Иванов	пивоваренный завод

Наиболее подробная информация касательно застройки города заводами и другими производственными объектами содержится в «Деле о составлении плана на выгонные земли гор. Тамбова за сентябрь 1827 г. – март 1840 г.» [5]. В нем представлена информация о 112 предприятиях, находящихся на выгоне по состоянию на октябрь 1833 г.

*Таблица 2. Вид производства и сословный состав хозяев предприятий.
Type of production and class composition of the owners of enterprises.
Источник: [5].*

	купец	мещанин	однодворец	ямщик	чиновник	крестьянин	нет даннь
водяная мельница	2	0	0	0	0	0	0
ветряная мельница	3	9	3	2	0	0	0
кирпичный сарай	6	0	7	0	1	0	0
чугунный завод	3	2	0	0	0	0	0
мастерская для каретного ремесла	0	1	0	0	0	0	0
пивоваренный завод	2	1	0	0	0	0	0
водочный завод	0	0	0	0	2	0	0
кафельный завод	0	1	1	0	0	0	0
воскобойня	0	3	0	0	0	0	0
салотопенный завод	11	0	0	0	0	0	0
свечной завод	1	1	0	0	0	0	0
овощной огород	0	4	2	0	5	1	0
мыльный завод	2	0	0	0	0	0	0
плодовый сад	1	1	0	0	0	0	0
двор и выстроенная изба	0	1	0	1	0	0	0
кузница	0	5	10	5	1	0	4
кожевенный завод	2	0	0	0	0	0	0
маслобойня	1	2	0	0	0	0	0
поташный завод	0	1	0	0	0	0	0
сарай для варки кваса	0	1	0	0	0	0	0

Опираясь на представленные данные, можно говорить о том, что на городской выгонной земле преобладали кузницы и ветряные мельницы. Открывали предприятия чаще купцы и мещане. Вклад однодворцев в промышленность также является заметным. Важно заметить, что в рамках таблицы информация о местонахождении этих предприятий отсутствует. Однако само дело посвящено составлению плана выгонных земель Тамбова. Как следствие мы можем сделать вывод, о том, что все эти предприятия находились не в городе, а на выгоне.

Данное суждение подтверждают «Материалы о составлении статистической таблицы Тамбовской губернии за 1846 г.» [6]. В рамках данного дела указано количество предприятий, находящихся в самом городе. Так, в первой части города в 1846 г. было 11 салотопенных и 1 кожевенный завод, во второй части – по 2 чугуноплавильных, пивоваренных и кафельных; один мыловаренный, и три свечно-сальных, в третьей – 28 кирпичных заводов.

Таким образом, сравнивая объемы производства в городе и на городской выгонной земле, мы делаем вывод, что количество предприятий на выгоне составляло 112, а в городе 50.

4. Заключение

Приведенные в рамках данного исследования законодательные акты и межевые инструкции подтверждают особый правовой статус выгонной земли. Статистические данные свидетельствуют о значительно более обширных темпах модернизации на выгонной земле, нежели на территории города. Таким образом, можно утверждать, что корректно рассматривать застройку городских выгонных земель как показатель модернизации городов в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Список источников и литературы

1. Акашева, А. А. (2010). *База данных «выгонные земли города Нижнего Новгорода (1870-1917-е гг.)»* // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. № 36. С. 57-58.
2. Бибииков, Г. Н. (2019). *Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820-1830-е гг.)* // Философия. Журнал высшей школы экономики. № 2. С. 79-108.
3. Воробьева, Е. М. (2021). *Городская застройка Тамбова в последнее десятилетие XVIII – первой половине XIX века: анализ базы данных* // Апрельские тезисы: Материалы междисциплинарной научно-исследовательской конференции, Пермь, 02–03 апреля 2021 года. Пермь. С. 306-313.
4. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 29 Оп. 1 Д. 46.
5. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1 Д. 657.
6. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1 Д. 1130.
7. ГАТО. Ф. 4 Оп. 1 Д. 728.
8. ГАТО. Ф. 4 Оп. 1 Д. 727.
9. Городовое положение 16 июня 1870. СПб.: Издательство Хозяйственного департамента министерства внутренних дел, 1871. 243 с.
10. Грамота на права и выгоды городам Российской империи. М.: Городская типография, 1885. 46 с.
11. Инструкция землемерам к генеральному всей Империи нашей земель размежеванию. СПб.: Типография при Сенате, 1766. 26 с.
12. Инструкция о межевании во всем государстве земель. СПб.: Типография при Императорской Академии наук, 1754. 159 с.
13. Кошман, Л. В. (2008). *Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты*. М.: РОССПЭН. 446 с.
14. Манифест о государственном генеральном размежевании земель в империи [19 сент. 1765 г.]. СПб.: Типография при Сенате, 1830. 9 с.
15. Миронов, Б. Н. (2014). *Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т.* Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин. 896 с.
16. Самохин, К. В. (2016). *Модернизация в истории России XVIII-XX веков: стартовые условия, механизм реализации и особенности проявления* // Terra Linguistica. № 3. С. 74-84.
17. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. (1910). *Город и деревня в Европейской России*. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума. 212 с.
18. Смит-Питер, С. Д. (2013). *Провинциальная модернизация в городской истории дореформенной России* // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. №3. С. 5-17.
19. Терещенко, А. А. (2011). *Развитие промышленности в городах Центрального Черноземья во второй половине XIX начале XX века* // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3 (19). С. 122-144
20. Терещенко, А. А. (2003). *Существование городов без выгонных земель – самое невыгодное. Курский губернатор В.И. Ден о заштатных городах. 1861 г.* // Исторический архив. № 6. С. 201-205.

References

1. Akasheva, A. A. (2010). *Baza dannykh "vygonnye zemli goroda Nizhnego Novgoroda (1870-1917-e gg.)"* [The database "Vygonnye zemli (vygonnye zemli) of the city of Nizhny Novgorod (1870s - 1917)"] in *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter*, 36, 57-58. (in Russian).
2. Bibikov, G. N. (2019). *Nadzor III otdeleniya za chastnoy zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820-1830-e gg.)* [Supervision of the III Department over the private life of provincial officials (1820-1830s)] in *Filosofiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*, 2, 79-108. (in Russian).
3. Vorob'eva, E. M. (2021). *Gorodskaya zastroyka Tambova v poslednee desyatiletie XVIII – pervoy polovine XIX veka: analiz bazy dannykh* [Urban development of Tambov in the last decade of the XVIII - first half of the XIX century: database analysis] in *Aprel'skie tezisy: Materialy mezhdistsiplinarnoy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii, Perm', 02–03 aprelya 2021 goda*. Perm', 306-313. (in Russian).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti [State Archive of the Tambov region (GATO)], f. 29, op. 1, d. 46.
5. GATO. [GATO], f. 29, op. 1, d. 657.
6. GATO. [GATO], f. 29, op. 1, d. 1130.
7. GATO. [GATO], f. 4, op. 1, d. 728.
8. GATO. [GATO], f. 29, op. 1, d. 727.
9. *Gorodovoe polozhenie 16 iyunya 1870* [City Regulations 16 June 1870]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Khozyaystvennogo departamenta ministerstva vnutrennikh del, 1871. (in Russian).
10. *Gramota na prava i vygody gorodam Rossiyskoy imperii* [Gramota on rights and benefits to the cities of the Russian Empire]. Moscow: Gorodskaya typography, 1885. (in Russian).
11. *Instruktsiya zemlemeram k general'nomu vsej Imperii nashey zemel' razmezhevaniyu* [Instruction to surveyors for the general land delimitation of our Empire]. St. Petersburg: Tipography at the Senate, 1766. (in Russian).
12. *Instruktsiya o mezhevanii vo vsem gosudarstve zemel'* [Instruction on land surveying in the whole state]. St. Petersburg: Tipography at the Imperial Academy of Sciences, 1754. (in Russian).
13. Koshman, L. V. (2008). *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty* [The city and urban life in Russia of the XIX century: social and cultural aspects]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
14. *Manifest o gosudarstvennom general'nom razmezhevanii zemel' v imperii [19 sent. 1765 g.]* [Manifesto on the state general delimitation of lands in the Empire [September 19, 1765]]. St. Petersburg: Tipografiya pri Senate, 1830. (in Russian).
15. Mironov, B. N. (2014). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 vols]. 1. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (in Russian).
16. Samokhin, K. V. (2016). *Modernizatsiya v istorii Rossii XVIII-XX vekov: startovye usloviya, mekhanizm realizatsii i osobennosti proyavleniya* [Modernisation in the history of Russia XVIII-XX centuries: starting conditions, mechanism of implementation and features of manifestation] in *Terra Linguistica*, 3, 74-84. (in Russian).
17. Semenov-Tyan-Shanskiy, V. P. (1910). *Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii* [A city and a village in European Russia]. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma. (in Russian).
18. Smith-Peter, S. D. (2013). *Provintsial'naya modernizatsiya v gorodskoy istorii doreformennoy Rossii* [Provincial modernisation in the urban history of pre-reform Russia] in *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 3, 5-17. (in Russian).

19. Tereshchenko, A. A. (2011). *Razvitie promyshlennosti v gorodakh Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroy polovine XIX nachale XX veka* [The development of industry in the cities of the Central Black Earth Region in the second half of the XIX early XX century] in *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, №3 (19), 122-144 (in Russian).

20. Tereshchenko, A. A. (2003). *Sushchestvovanie gorodov bez vygonnykh zemel' – samoe nevygodnoe. Kurskiy gubernator V.I. Den o zashtatnykh gorodakh. 1861 g.* [Existence of cities without vygotnye lands - the most unprofitable. Kursk governor V.I. Den about out-of-state towns. 1861] in *Istoricheskiy arkhiv*, 6, 201-205. (in Russian).

КОНФЛИКТЫ И ТЯЖБЫ МЕЖДУ ОДНОДВОРЦАМИ И ПОМЕЩИКАМИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Н. А. Жиров

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров Д. 28, Елец, 399770 Россия*

Аннотация

Введение. В представленной работе автор сделал попытку анализа материалов судебных разбирательств между однодворцами и помещиками Ливенского уезда Орловской губернии в исследуемый период, как пример борьбы корпоративной организации однодворческой общины против крупных землевладельцев. Важной особенностью этого явления стало не только родственное положение однодворческой общины, но и взаимосвязь отдельных родов в пределах сельского общества и отстаивание ими общих интересов перед вотчинниками и помещиками из некогда общего сословия бывших служилых людей. **Материалы и методы.** Данная работа является результатом изучения актов и судебных материалов, относящихся к последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. Основными источниками для данного исследования стали судебные разбирательства в Ливенском уездном и Елецком окружном судах. Основная методика построена на использовании общеисторических подходов в изучении социальной модели поведения однодворцев в отстаивании частных и общих корпоративных интересов. **Результаты.** Материалы судебных разбирательств между однодворцами и помещиками исследуемого региона дали очень важные и ценные сведения о менталитете однодворцев и их отношении к крупным землевладельцам, в основном являвшимся выходцами из общей прослойки служилого населения Центрального Черноземья в XVII в. Однодворцы устраивали тяжбы со своими соседями помещиками в тех случаях, если последние были выходцами из служилого населения, и когда-то имели общие или смежные владения с предками однодворцев. Земельные конфликты в массовом порядке стали возникать только в первой половине XIX в., что указывало на будущее истощение фонда свободных сельскохозяйственных земель. **Заключение.** Изучение поземельных конфликтов между однодворцами и помещиками Ливенского уезда Орловской губернии помогло раскрыть ментальные установки этих сословных групп и определить общие социальные устремления местного населения в решении острых вопросов. Однодворцы в основной своей массе чувствовали общие корни с местными мелкопоместными землевладельцами, исторически уходившие в сословие служилого населения XVII в. Таким образом, в большинстве случаев это были разборки в пределах бывшей одной сословной группы населения, которая со временем существенно расслоилась, как в имущественном плане, так и в области социального статуса.

Ключевые слова: судебные разбирательства, поземельные конфликты, однодворцы, помещики, Ливенский уезд, Орловская губерния.

Для цитирования: Жиров Н.А. Конфликты и тяжбы между однодворцами и помещиками Орловской губернии в конце XVIII - первой половине XIX вв. // История: факты и символы. 2023. № 4 (37). С. 32-41 doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-32-41

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»

Статья поступила: 10.06.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Жиров Н., 2023

CONFLICTS AND TRIALS BETWEEN ODNODVORTSY AND THE LAND OWNERS OF THE ORYOL PROVINCE AT THE END OF THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES.

Nikolay A. Zhirov

*Bunin Yelets State University,
st. Kommunarov D. 28, Yelets, 399770 Russia*

Abstract

Introduction. In the presented work, the author made an attempt to analyze the materials of court proceedings between odnodvortsy and landowners of the Livensky district of the Oryol province during the period under study as an example of the struggle of the corporate organization of a odnodvortsy community against large landowners. An important feature of this phenomenon was not only the related position of the odnodvortsy community, but the interrelation of individual clans within rural society and their defense of common interests before patrimonial owners and landowners from the general class of former service people. **Materials and methods.** This work is the result of a study of legal and judicial materials dating back to the last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries. The main sources for this study were court proceedings in the Livensky district and Yeletsk district courts. The main methodology is based on the use of general historical approaches in the study of the social model of behavior of the odnodvortsy social group in defending private and general corporate interests. **Results.** The materials of the trials between the odnodvortsy and landowners of the region under study provided very important and valuable information about the mentality of the odnodvortsy and their attitude towards large landowners who came from the general stratum of the service population of the Central Black Earth Region in the 17th century. Odnodvortsy initiated litigation with their neighboring landowners in cases where the latter came from the service population and once had common or adjacent properties with the ancestors of odnodvortsy. Land conflicts began to arise en masse only in the first half of the XIX century, which indicated the future depletion of the fund of free agricultural land. **Conclusion.** The study of land conflicts between odnodvortsy and landowners of the Livensky district of the Oryol province helped to reveal the mental attitudes of these class groups and determine the general social aspirations of the local population in resolving pressing issues. The majority of odnodvortsy felt common roots with local small landowners, who historically went back to the class of the service population of the 17th century. Thus, in most cases it was a showdown within the former one class

group of the population, which over time significantly stratified, both in property terms and in the field of social status.

Key words: litigation, land conflicts, single-palaces, landowners, Livensky district, Oryol province.

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00400) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education " Bunin Yelets State University"

For citation: Zhiron, N. (2023). Conflicts and litigation between odnodvortsy and landowners of the Oryol province at the end of the XVIII - first half of the XIX centuries. In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 32-41 doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-32-41

Received: 10.06.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Zhiron N., 2023

1. Введение

История появления, так называемого, непризнанного сословия одnodворцев насчитывает довольно длительный период [14]. В его основе состояли различные категории служилого населения: мелкопоместные дворяне – «дети боярские», черносошные государственные крестьяне, перешедшие в различные группы служилого населения по прибору и т.д. Их основная задача на всем протяжении XVII – начала XVIII вв. состояла в несении военной службы, охране южных границ России, а также несении различных повинностей, в том числе хозяйственное освоение новых территорий. За несение службы они получали земельные угодья в виде поместий без крестьян и бобылей. Лишь незначительная часть этих новоиспеченных помещиков могла себе позволить использование крестьянского труда в своих поместьях, а большинство либо имели одного крестьянина, либо совсем не имели, жили и трудились «одним двором» [2]. Впоследствии данная категория служилого населения получила название одnodворцев.

К середине XVIII в. произошло окончательное формирование одnodворческой прослойки населения, ставшей промежуточной между дворянами помещиками и лично свободными податными сословиями империи [12]. При этом стоит учитывать, что местные помещики в большинстве своем происходили из сословия бывших служилых людей, как и одnodворцы. Вследствие этого ментальные установки одnodворцев, считавших себя равными местным дворянам, позволяли им вести отстаивание своих личных и корпоративно общинных интересов, в том числе и в рамках судебных разбирательств. Конфликтные отношения, вызванные особенностями помещного землевладения, являлись пережитками прошлой эпохи и со временем только усиливались.

Цель нашей работы заключается в попытке анализа земельных конфликтов между одnodворцами и помещиками в исследуемый хронологический период.

Проблема освоения южных территорий Российского государства и заселения Центрального Черноземья давно находится в поле зрения отечественных ученых. Этому вопросу посвящено немало исследований, в том числе монументального характера [4; 10;

13]. В них затрагивалась и тема зарождения однодворческой прослойки в среде местного населения и их взаимоотношения с крупными и мелкопоместными землевладельцами.

В настоящее время изучение социальных процессов, протекавших на землях бывшего южнорусского фронта XVIII-XIX вв. вновь приобретает популярность, в том числе и исследование эволюции однодворческого населения Центрального Черноземья на локальном уровне [11; 19]. К сожалению, таких работ пока еще недостаточно, в чем и заключается актуальность данного исследования.

2. Материалы и методы

Основными источниками по исследованию поземельных конфликтов и тяжб между однодворцами и землевладельцами в Ливенском уезде Орловской губернии стали материалы судебных разбирательств в Ливенском уездном и Елецком окружном судах. Данные источники сохранились в фондах Ливенского уездного суда (Ф. 41) [6] и коллекции судебных дел, рассмотренных Сенатом и Министерством Юстиции Российской империи (Ф. 31) [5] Государственного архива Орловской области, а также в материалах Российского государственного исторического архива в фонде Первого департамента Министерства государственных имуществ (Ф. 383) [17].

Данные источники имеют схожий формулярный вид и относятся к актовым материалам по судебной истории Российской империи исследуемого периода.

В работе были использованы различные методы исторического исследования. Это обще исторический метод, историко-генетический, ретроспективный и т.д. Так как в основе исследования, в первую очередь, лежат актовые материалы судебных разбирательств локальной исторической территории с. Богоявленского (Навесного), был применен микроисторический подход.

3. Результаты

Материалы судебных разбирательств между однодворцами и помещиками исследуемого региона являются источником очень важной информации, не только о социально-экономических процессах, но и о менталитете однодворцев и их отношении к крупным землевладельцам, в основном являвшимся выходцами из общей прослойки служилого населения Центрального Черноземья XVII в. Сами судебные разбирательства стоит разбить не несколько категорий – это поземельные споры, которые преобладали среди документов подобного рода, и конфликты на почве мелких хулиганств, как со стороны однодворцев, так и крепостных крестьян или приказчиков местных помещиков. В нашем исследовании основной акцент сделан на изучении земельных конфликтов.

Прежде чем перейти к освещению поземельных тяжб, стоит немного рассказать о самих истоках данных конфликтов, а именно об особенностях помещного землевладения данного региона. Как уже упоминалось, служилое население края получало за несение воинской повинности земельные угодья и поместья. В большинстве случаев это было общее владение нескольких помещиков, которые могли быть как родственниками, так и чужими людьми. Поместья и земельные наделы были, как правило, замежеваны, но леса, выгонные земли, участки, прилегавшие к рекам, водопои и т.д. находились в общем владении всех жителей. Обработка земли могла осуществляться только общими усилиями местной корпорации однодворцев. Это явление хорошо освещено в исторической литературе и не требует подробного описания в данной работе. Поэтому остановимся только на том факте, что

со временем вследствие купли-продажи земель, дарений и обменов конфигурация изначально выданных поместий и распределение угодий внутри общества постоянно менялась. К тому же, наиболее зажиточная часть общества приобрела статус дворян, а остальные стали однодворцами. Отмежевка теперь уже дворянских поместий от остальных односельчан, вследствие общих прав на отдельные угодья и чересполосицу, зачастую была невозможна. Кроме того, продажа крупным вотчинникам казенных земель, находившихся в пределах общих дач для нескольких населенных пунктов, еще больше усложняла ситуацию. Эти особенности землевладения привлекали внимание исследователей как в дореволюционной России [1], так и в более поздний период [3; 15].

Генеральное межевание земель в Российской империи, в том числе в Ливенском уезде должно было решить эти проблемы, тем самым устранив первопричины конфликтных ситуаций. К сожалению, даже после межевания взаимные претензии сохранялись и начинались судебные тяжбы, которые могли затянуться на годы и десятилетия, и подобных примеров было много (<https://maloarhangelsk.ru/stoletniy-spor-odnodvortsev-enino/>).

В 1781 г. в Ливенском уездном суде было начато судебное разбирательство о завладении землей ливенского помещика коллежского асессора Захара Алексеевича Хитрово однодворцами с. Навесного Лукьяном Трубниковым, Илларионом Бачуриным с товарищами. [6]. Приказчик Хитрово Иван Ваталин утверждал, что однодворцы села Навесного завладели не принадлежащей им крепостной землей и просил суд «о не чинении людям и крестьянам обиды и в жительстве утеснение» со стороны однодворцев [6, л. 13]. В источнике нет конкретной информации о сути конфликта, но стоит отметить, что он произошел фактически сразу после генерального межевания земли в уезде и, возможно, однодворцы были не удовлетворены итогами межевания. В силу сложности вопроса дело было направлено в Елецкую нижнюю расправу. В фонде Орловской верхней расправы сохранилось «Апелляционное дело о спорной земле помещика Хитрова с однодворцем Трубниковым Ливенского уезда с. Навесного 1782 г.» [7]. Трубников был указан как выборный от однодворцев с. Навесного, что подтверждает корпоративность однодворческого общества. Суть апелляции сводилась к тому, что дело, рассматриваемое в Ливнах, было затянуто более чем на год, решение долго не выносилось, а за перенос судебного разбирательства в Елец с Ваталина было взято 25 рублей, которые этот приказчик хотел вернуть обратно [7, л. 7]. В документе указывалось, что Ливенский уездный суд из-за волокиты причинил однодворцам много неудобств и убытков. Из источника не ясно, были ли возвращены деньги, но однодворцам было сделано предписание о сохранении границ частных владений помещика Хитрово «по законной принадлежности оных» [7, л. 12]. Таким образом, судебные органы встали на сторону местной аристократии, что было типично для данной эпохи.

В том же фонде Орловской верхней расправы было обнаружено интересное дело о спорной земле д. Круглой помещика Костромитинова с однодворцем Платоновым [8]. Деревня Круглая располагалась в 5 верстах от с. Навесное и входила в его приход.

В 1786 г. из Елецкой нижней расправы в Орловскую верхнюю расправу поступил запрос на рассмотрение дела о спорной земле в деревне Круглой прапорщика Федосея Николаевича Костромитинова и однодворца Михаила Борисова Платонова. Сразу стоит отметить, что помещики Костромитиновы, как и однодворцы Платоновы в XVII в. происходили из детей боярских [16, л. 29 об-30], но в отличие от последних, Костромитиновы проявили себя на военной службе и находились на видных

административных должностях в Ливенском уезде. Уже в начале XVIII в. они перешли в дворянское сословие [18, с. 112-113].

В Ливенском уездном суде дело было выиграно Платоновым, а Костромитинов попробовал обжаловать это решение. В отличие от первого дела, здесь речь шла не об общих однодворческих землях, а о частных поместных. Хотя Михаил Платонов был грамотным человеком, о чем свидетельствует его подпись на документах, но в качестве ответчика выступал его сын отставной поручик Филипп Михайлович [8, л. 9].

Суть дела заключалась в том, что у Платоновых в д. Липовец, входившей в дачу д. Круглой, имелась наследственная земля. Федосей и Федор Николаевичи Костромитиновы имели поместные угодья в граничащей с владениями Платоновых д. Окуневы Горы. В пустоши с сенокосными угодьями площадью 10 десятин, принадлежавшей Платоновым, крестьяне помещиков Костромитиновых сделали запашку, ссылаясь на то, что это земля не принадлежит Платоновым. По свидетельству однодворцев соседних селений – с. Жерино, с. Навесного, д. Нижнего Кунача и т.д. эта пустошь действительно принадлежала Платоновым. Итогом разбирательства стал приговор Орловской расправы, согласно которому земля и посеянное на ней просо должны быть возвращены истцу Платонову [8, л. 38].

В качестве классического примера разбирательства более позднего времени стоит рассмотреть «Дело по указу правительственного Сената о земле в пустоши Лугах оспариваемой однодворцами с. Егорьевское у помещиков Костромитиновых» [17]. Сам источник датируется 1849 г., но в нем подробно изложена история конфликта, которая насчитывала несколько десятилетий и затрагивала несколько поколений конфликтующих сторон.

Согласно источнику однодворцы с. Егорьевское Ливенского уезда Орловской губернии Евстрат и Леон Калинины с товарищами 13 февраля 1829 г. подали в губернское правление прошение, о рассмотрении итогов разбирательства 1820 г. в Ливенском уездном суде. Истцы просили об отделении принадлежащей им по крепостям 156 десятин земли от помещиков Костромитиновых к одним местам, и говорили, что никакого распоряжения уездный суд не сделал.

Как выяснилось в ходе разбирательств, что еще в 1816 г. Калинины из с. Егорьевского по общему согласию с прочими однодворцами обращались с просьбой к тайному советнику Мясоедову по факту завладения соседними помещиками Костромитиновыми принадлежащей им «по выписи данной предкам в 196 г. в урочищах пустоши Лугах от Крутой горы в гору по р. Сосне всего на 156 десятин земли» [17, л. 4] и просили об отмежевании и от упомянутых помещиков.

В ходе разбирательства Орловского губернского правления Ливенский уездный суд предоставил информацию, что поручики Федор и Михаил Костромитиновы дали показания, в которых объяснили, что у однодворцев Калининых в «отхожей пустоши Дикой поляны» никогда владений не было. Во время генерального межевания земель 1779 г. Калинины, приехав на межу дачи к исполнявшему должность землемера Лестихину, хоть и сказали, что в той пустоши за ними числится по крепостям части земли, но владения, как до 1765 г. так и в момент размежевания не имели. Кроме того, к межеванию обозначенной пустоши с. Егорьевского поверенный однодворец Алексей Калинин не явился, а в понятых были Иван и Василий Калинины, которые еще в 1816 г. значились владельцами в плане межевой книги.

Имеющиеся в архиве уездного суда документы о владении землей указывали, что однодворцы и помещики владели землей «с древних времен бесспорно», а просители не имели ни какого владения в обозначенной пустоши.

Кроме того однодворцы Калинины предоставили в уездный суд копии выписи из отказных книг 1685 и 1686 гг., в которых говорилось, что однодворцам Калининым «было отказано в поместье в деревне Новосильской под Богдановым лесом вверх Хмелевого Колодезя 4 двора помещиковых, дворовое место, пашня дикого поля 154 чети да еще в пустоши Дикое поле от Лутовой горы до на гору по р. Сосне 9 чети» [17, л. 5].

Ливенский суд в 1820 г. отказал в рассмотрении прошения однодворцев Калининых, ссылаясь на то, что в 1818 г. подобное прошение уже было отклонено. В копии плана генерального межевания 1779 г. на дачу Ливенского уезда Серболова стана было записано: «отхожей пустоши дикой поляны принадлежащей к сельцам Паниковцу и Окуневу общего владения секунд-майора Якова Платонова и помещицы Костромитиновой и однодворцев Федосея Костромитинова, Федота и Михайлы Заикиных значится, что в ту дачу размежевано удобной и неудобной земли 156 дес. 1791 саж., причем однодворцы Семен и Василий Калинины объявили, что им следует в оной пустоши по крепостям части земли, а владения как до 1765 г. так и в 1779 г. не имели и не имеют» [17, л. 6 об.].

Ливенский уездный суд в 1830 г. заключил, что однодворцы Калинины не имели земли ни в 1765, ни во время межевания 1779 г. и не могут иметь сейчас, а решение суда от 6 июля 1820 г. стоило считать верным. Это решение подтвердила и Палата Государственных имуществ, соглашаясь с решением уездного суда.

Таким образом, из представленных обеими сторонами конфликта документов было видно, что право собственности на спорную землю имели только помещики Костромитиновы и только 9 четей пустоши они должны были делить с однодворцами Калиниными.

В государственном архиве Орловской области есть пример еще одного земельного конфликта между однодворцами и помещиками Костромитиновыми – «Дело по прошению Ливенской округи однодворцев Федянина и Шамрина с жалобой на исправника Костромитинова на стеснение и неправильное угождение помещиков» [5, л. 16]. В 1779 г. Андрей Михайлович Костромитинов купил у ливенского помещика Ивана Федоровича Чафанова участок земли в даче с. Богоявленское (Навесное) [6]. В даче этого села находилось несколько населенных пунктов, появившихся в середине XVIII в. путем выселения из Богоявленского [9]. Таким образом, большинство жителей этих населенных пунктов, находившихся в пределах единой дачи, были бывшими односельчанами, единой корпорацией местных однодворцев.

В 1808 г. в Ливенский уездный суд поступило прошение от однодворцев Ливенской округи села Гатища и села Богоявленского (Навесное) поверенных от этих сельских обществ Шамрина и Федянина о рассмотрении неправильного размежевания земель этих обществ с владениями помещика Костромитинова. Они утверждали, что Ливенский уездный суд, исполнил в 1808 г. исполнил свое решение по делу о размежевании их (однодворцев) с помещиками по крепостным «без рассмотрения тех однодворцев спора и без объявления, по порядку, своего решения» [5, л. 10].

Орловское губернское правление установило, что отведенные к селу Навесному земли, были размежеваны по определению уездного суда, еще в 1809 г., вошли в бесспорное

владение помещиков и однодворцев с 1811 г. Но из-за поданной жалобы однодворцами сел Гатище и Навесное, губернское правление было вынуждено пересмотреть сам процесс судопроизводства. В ходе изучения документов были обнаружены «беспорядок в производстве и решении сего дела» [5, л. 10].

В 1816 г. прокурор Орловской губернии подал рапорт действительному тайному советнику Министра Юстиции Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому, в котором излагал суть спора по делу о неправильном размежевании земель однодворцев и помещиков Костромитиных. Решение Ливенского суда и последующее межевание земель было необходимо в апелляционном порядке отменить, а нарезку провести по новой. «О исполнении сего Губернского Правления постановления Ливенский уездный суд, предписал тамошнему земскому судье. Когда же сей последний медлил в таковом исполнении, то, по жалобе в том поверенного Федянинова, Губернское Правление о скорейшем исполнении предписанного дела дал строжайшее подтверждение» [5, л. 10 об.]. Однодворцы утверждали, что из-за неправильного межевания они претерпели серьезный убыток и нужно все вернуть, как было прежде, до межевания 1808 г.

В итоге губернское правление наложило денежный штраф в виде пени в 100 рублей за медленное и проведенное с грубыми ошибками делопроизводство и предписало возобновить дело о размежевании владений помещиков и однодворцев в даче с. Богоявленского (Навесное).

К сожалению, из данного документа не ясно чем завершилось дело, и было ли выполнено предписание, но важен сам факт того, что губернские власти учли интересы однодворцев и придерживались законного порядка.

Заключение

Главной особенностью рассмотренных судебных разбирательств является то, что однодворцы, вступая в тяжбы с местными помещиками, или являясь ответчиками, выступали коллективно, единым обществом. Однодворцы чувствовали общие корни с местными мелкопоместными землевладельцами, которые исторически уходили в сословие служилого населения XVII в. В основном, это были разборки в пределах бывшей единой сословной группы населения, которая со временем расслоилась, как в имущественном плане, так и в области социального статуса. Судебные органы, как правило, вставали на защиту интересов местной аристократии, но уже в начале XIX в. эта практика стала уходить в прошлое. Дела, доходившие до Сената, разбирались с обязательным соблюдением законодательства, и решения могли быть как в пользу помещика, так и в пользу однодворцев. Но самое важное, что изучение поземельных конфликтов между однодворцами и помещиками, в частности Ливенского уезда Орловской губернии, помогло раскрыть ментальные установки этих сословных групп и определить общие социальные устремления местного населения в решении острых вопросов.

Список источников и литературы

1. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. М.: Типо-литография Товарищества Н.Н. Кушнерев и К°. 538 с.
2. Важинский, В. М. (1974). *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: (По материалам юж. уездов России)*. Воронеж: Воронежский педагогический институт. 237 с.

3. Водарский, Я. Е. (1988). *Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.* М.: Наука. 300 с.
4. Водарский, Я. Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение)*. М.: Наука. 263 с.
5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 576.
6. ГАОО. Ф.41. Оп.1. Д.34.
7. ГАОО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 219.
8. ГАОО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 458.
9. Жиров, Н. А., Ляпин, Д. А. (2023). *Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII-XVIII веках* // Научный диалог. Т.12. № 4. С. 432-450. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450.
10. Кабузан, В. М. (1963). *Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий*. М.: Наука. 157 с.
11. Канищев, В. В. (2018). *Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам Тамбовской губернии)* // Научные ведомости БелгородУ. Сер. История. Политология. Т. 45. № 2. С. 318-325.
12. Ляпин, Д. А. (2010). *Из помещиков в крестьяне: о происхождении сословия государственных крестьян-однородцев* // История в подробностях. № 6. 2010. С. 11-16.
13. Милов, Л. В. (1998). *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН. 573 с.
14. Нечаев, В. В. (2022). *Непризнанное сословие (однородцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.)* // История: факты и символы. 2022. № 2 (31). С. 92-107. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-92-107
15. Нечаев, В. В. (2021). *Поземельные отношения однородцев и их потомков с государством в Козловском уезде в XVIII-XIX веках* // Filo Ariadne. № 3. С. 38-57.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). 1209. Оп.1. Д. 237.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп.11. Д. 12653.
18. Тропин, Н. А. (2023). *Старый Елец и ельчане: тени прошлого: монография*. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. 176 с.
19. Чуркин, М. К. (2017). *Однородцы Чернозёмного Центра как локальное сообщество (вторая половина XVIII – начало XX в.): этнокультурная идентичность и миграционная мобильность* // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». № 2 (14). С. 19–27.

References

1. Blagoveshchenskiy, N. A (1899). *Chetvertnoe pravo* [Fourth right]. Moscow, Tipolitografiya Tovarishchestva N.N. Kushnerev i K°. (in Russian).
2. Vazhinskiy, V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke: (Po materialam yuzh. uezdov Rossii)*. [Land ownership and the formation of a community of odnodvoretts in the XVII century: (Based on the materials of the South. counties of Russia)]. Voronezh, Voronezhskiy Pedagogicheskiy institut. (in Russian).
3. Vodarskiy, YA. E. (1988). *Dvoryanskoe zemlevladienie v Rossii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [Noble landownership in Russia in the 17th - the first half of the 19th centuries]. Moscow, Nauka. (in Russian).
4. Vodarskiy, YA. E. (1977). *Naselenie Rossii v kontse XVII - nachale XVIII veka: (Chislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshchenie)* [Population of Russia at the end of the

XVII - beginning of the XVIII century: (Number, class composition, location)]. Moscow, Nauka, (in Russian).

5. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [State archive of the Oryol region (GAOO)], f. 31, op. 1, d. 576.

6. GAOO. [GAOO], f. 41, op. 1, d. 34.

7. GAOO. [GAOO], f. 826, op. 1, d. 219.

8. GAOO. [GAOO], f. 826, op. 1, d. 458.

9. Zhirov, N. A., Lyapin, D. A. (2023). *Evolyutsiya sotsial'nogo povedeniya sel'skogo obshchestva Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVII-XVIII vekakh* [The evolution of the social behavior of the rural society of the Central Chernozem region in the XVII-XVIII centuries] in *Nauchnyy dialog*, 12, (4), 432-450. DOI:10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450. (in Russian).

10. Kabuzan, V. M. (1963). *Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy* [Population of Russia in the 18th - the first half of the 19th century: Based on the materials of revisions]. Moscow, Nauka. (in Russian).

11. Kanishchev, V. V. (2018). *Preodolenie sotsial'noy spetsifiki naseleniya yuzhnorusskogo frontira v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. (Po materialam Tambovskoy gubernii)* [Overcoming the social specifics of the population of the southern Russian frontier at the end of the 18th - first half of the 19th centuries. (Based on materials from the Tambov province)] in *Nauchnye vedomosti BelgorGU. Ser. Istoriya. Politologiya*, t. 45, 2, 318-325. (in Russian).

12. Lyapin, D. A. (2010). *Iz pomeshchikov v krest'yane: o proiskhozhdenii sosloviya gosudarstvennykh krest'yan-odnodvortsev* [From landlords to peasants: on the origin of the class of state peasants-odnodvortsev] in *Istoriya v podrobnostyakh*, 6, 11-16. (in Russian).

13. Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process]. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).

14. Nechaev, V. V. (2022). *Nepriznannoe soslovie (odnodvortsy Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII – nachale XIX vv.)* [The unrecognized estate (odnodvoretz of the Central Chernozem region in the XVIII – early XIX centuries] in *Istoriya: fakty i simvoly*, 2 (31), 92-107. (in Russian).

15. Nechaev, V. V. (2021). *Pozemel'nye otnosheniya odnodvortsev i ikh potomkov s gosudarstvom v Kozlovskom uезде v XVIII-XIX vekakh* [Land relations of one-courtiers and their descendants with the state in the Kozlovsky district in the 18th - 19th centuries] in *Filo Ariadne*, 3, 38-57. (in Russian).

16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)], f. 1209, op. 1, d. 237.

17. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)], f. 383, op. 11, d. 12653.

18. Tropin, N. A. (2023). *Staryy Elets i el'chane: teni proshlogo: monografiya* [Old Yelets and Yelchans: Shadows of the past: a monograph]. Yelets: Eletskiy gosudarstvennyy universitet im. I.A. Bunina.

19. Churkin, M. K. (2017). *Odnodvortsy Chernozemnogo Tsentra kak lokal'noe soobshchestvo (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.): etnokul'turnaya identichnost' i migratsionnaya mobil'nost'* [Freeholders of Black Earth Center as a Local Community (Second Half of XVIII – Beginning of XX Century): Ethno-Cultural Identity and Migration Mobility] in *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 2 (14), 19–27. (in Russian).

СЕЗОННАЯ ДИНАМИКА ОХОТЫ НА МАМОНТА: ПОЧЕМУ, КОГДА, КАК

А. А. Чубур

*Российская Академия естествознания,
ул. Садовая-Спасская, дом 21/1, Москва, 101000, Россия,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
ул. Бежицкая, д. 14, Брянск, 241036, Россия*

Аннотация

Введение. Охоту на мамонта обычно рассматривают как перманентный промысел. Однако стада мамонтов и одинокие самцы совершали ежегодные субмеридиональные сезонные миграции протяженностью до 500-600 км. Поэтому, ввиду относительной оседлости населения в верхнем палеолите, ежегодный период охоты на мамонта был в таком случае весьма краток, укладываясь в два кратких промежутка весной и осенью – время прохода контролируемого охотниками участка долины несколькими семейными группами. **Материалы и методы.** По данным М. В. Саблина о возрасте забитых детенышей мамонта, для стоянок Юдиново и Елисеевичи 1 реконструируются два сезона охоты в бассейне средней Десны, приблизительно в мае и октябре. В эти осенние и весенние дни наполнялись мясом добытых мамонтов ямы-хранилища, которые основанием уходят в многолетнюю мерзлоту. **Результаты.** Охота не носила характер забоя целого стада или его значительной части. Изымались лишь отдельные особи. Если допустить сходство охотничьих стратегий, это косвенно подтверждает изотопный анализ костей мамонта на стоянках сходной культуры охотников на крупных хоботных (кловис) в Северной Америке. Бить зверя могли на «устоявшейся» тропе миграции, возможно на миграционной переправе через реку. Сезонная ритмика восточномадленских охотников на мамонта была унаследована на наш взгляд генетически связанными с восточным мадленом охотниками на северного оленя в финальном палеолите. **Заключение.** Автор приходит к выводам о том, что с началом резких климатических колебаний и гидрологической катастрофы, связанной с таянием многолетней мерзлоты и сопутствующей деградацией кормящего ландшафта и возможностей свободного перемещения по нему, миграционные пути мамонтовых стад должны были сместиться заметно северней, вслед за отступающей перигляциальной зоной. Вслед за мамонтами должно было следовать и население, специализированное на охоте на этих животных. Возможные потомки этого восточно-мадленского населения – охотники на северного оленя финального палеолита – унаследовали сезонную ритмику, а возможно, частично и стратегию прежней охоты на мамонта, перенеся их на новый мигрирующий объект охоты. Их весенние и осенние поселения всё также формировались на путях миграций уже северного оленя, там, где многочисленные пересекали крупные реки во время откочевок на зимние и летние пастбища.

Ключевые слова: мамонт, миграции, сезонная охота, стратегия охоты, сохранение мясных запасов, «мамонтовое собирательство»

Для цитирования: Чубур, А. А. (2023). Сезонная динамика охоты на мамонта: почему, когда, как // История: факты и символы. № 4 (37). С. 42-54 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-42-54>

Статья поступила: 20.08.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Чубур А., 2023

THE SEASONAL DYNAMICS OF HUNTING FOR MAMMOTHS: WHY, WHEN, HOW

Arthur A. Chubur

*Russian Academy of Natural Sciences,
st. Sadovaya-Spasskaya, building 21/1, Moscow, 101000, Russian Federation
Petrovsky Bryansk State University,
st. Bezhitskaya, 14, Bryansk, 241036, Russia.*

Abstract

Introduction. Mammoth hunting is usually considered permanent. However, herds of mammoths and lonely male performed annual submeridional seasonal migrations with a length of up to 500-600 km. Therefore, due to the relative settled population in the upper paleolithic, the annual period of mammoth hunting was in this case very brief, fitting in two short intervals in the spring and autumn - the passage of the valley controlled by the hunters of several family groups. **Materials and methods.** According to M. V. Sablin, about the age of killing the mammoth's cubs, two seasons of hunting in the Middle Desna are reconstructed for the sites of Yudinovo and Eliseevichi, approximately in May and October. **Results.** Hunting did not have the nature of the kill of a whole herd or its significant part. Only separate animals were seized. If we allow the similarity of hunting strategies, this indirectly confirms the isotopic analysis of the mammoth bones in the parking lots of hunters on the large proboscidean (Clovis) in North America. They could beat the beast on the “established” migration path, possibly on a migration trek across the river. The seasonal rhythm of the Eastern Magdalenian hunters in the mammoth was inherited in our opinion for the hunters of reindeer in the final Paleolithic, genetically connected with the Eastern Magdalen. **Conclusion.** The author comes to the conclusion that with the onset of sharp climatic fluctuations and a hydrological catastrophe associated with the melting of permafrost and the concomitant degradation of the feeding landscape and the possibilities of free movement along it, the migration routes of mammoth herds should have shifted noticeably to the north, following the retreating periglacial zone. Following the mammoths, a population specialized in hunting these animals should have followed. The descendants of this population – reindeer hunters of the final Paleolithic - inherited the seasonal rhythm and strategy of the previous mammoth hunt, transferring them to a new migrating hunting object. Their spring and autumn settlements also formed along the migration routes of reindeer, where many crossed large rivers during their migrations to winter and summer pastures.

Keywords: mammoth, migrations, seasonal hunting, hunting strategy, preservation of meat reserves, “mammoth gathering”

For citation: Chubur, A. (2023). Seasonal dynamics of mammoth hunting: why, when, how In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 42-54 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-42-54>

Received: 20.08.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Chubur A., 2023

1. Введение

Охоту на мамонта в палеолите археологи обыкновенно а priori рассматривают как некий круглогодичный перманентный промысел: возникла нужда в пище – охотники собрались и добыли очередного зверя, пасущегося неподалёку. В соответствии с популярной еще совсем недавно версией, охотники и вовсе, по мере надобности, загоняли и сбрасывали с обрыва сразу целое стадо мамонтов, пасшееся в ожидании своей участи неподалеку. Но так ли было в реальности?

2. Материалы и методы

Для того чтобы реконструировать реальную картину охоты на мамонта, нам следует вооружиться с одной стороны сравнительно-этнографическим и сравнительно-этологическим методами (с их помощью можно сопоставить поведение современных хоботных и особенности охоты на них), и с другой стороны – опорой на палеогеографические данные, позволяющие вести речь о природной среде ледниковой эпохи, во многом отличающейся от современной. Многие исследователи придерживаются гипотезы, что алгоритмы поведения и жизненный цикл рецентных слонов во многом похожи на поведение и жизненный цикл мамонта [5, с. 33; 22; 32, р. 56-108]. Сравнительно-этнографические данные могут быть подкреплены результатами исследований в области экспериментальной археологии [31] и актуалистическими наблюдениями [32]. В статье использованы результаты археозоологического анализа костных остатков с палеолитических стоянок бассейна Десны, как опубликованные М. В. Саблиным [17; 18; 19], так и результаты авторских наблюдений.

3. Результаты

Наблюдения за современными слонами показывают: в одиночестве пасутся в основном взрослые самцы, охота на которых наиболее проблематична, даже если у вас есть такой продукт цивилизации, как стальной нож или копье с металлическим длинным наконечником, чтобы рассечь ахилловы сухожилия на задних ногах и обездвижить гиганта. Кремнёвой пластиной или наконечником такую операцию надежно и быстро не выполнить. Поразить копьем легче, но одинокий самец более осторожен, живуч и опасен, нежели животные, пребывающие в семейной группе. Впрочем, и эти взрослые самцы не кормятся постоянно в одной и той же местности, перемещаясь на значительные расстояния (вероятно тоже подчиняясь не только спонтанному поиску корма, но и сезонной ритмике). Слоновый же молодец возрастом до 13-15 лет и самки, как правило, объединены в семейные группы и в более крупные стада, которые из-за большого объема поглощаемой пищи редко кормятся в одном месте более 2-3 дней подряд [41, р. 126-137]. Аналогичным было поведение как самцов, так и образующих стада самок и молодецка. Об этом свидетельствует изотопный анализ годовых конусов нарастания дентина бивней 28-летнего самца с Аляски [36; 42], а одновременно – анализ следов такого стада из провинции Альберта в Канаде [34], а также изучение половозрастного состава стада или нескольких стад-семей, погибших в селевых потоках на реке Сев [12].

В недавние прошлые стада африканских саванных слонов совершали откочевки, чтобы на протяжении года иметь достаточный суточный объем пищи. Одному животному требуется от 300 кг травы, веток, коры, свыше 100 литров воды, а также жизненно необходимые минеральные соли, без которых грозит развитие остеопороза [41, р. 159]. Откочевки стад были двух типов: в сезон дождей группы слонов беспорядочно кочевали по

ограниченной территории (номадизм), но при этом ежегодно в засушливый период они совершали направленные сезонные перемещения (миграции), проходя сотни километров [7, с. 24-25; 14, с. 17-20; 39, р. 105-107]. Во время миграций небольшие семейные группы объединяются в стада до 100 голов, а порой и более [14, с. 20; 37]. Лишь в последнем столетии в результате антропогенных воздействий откочевки стад оказались ограниченны преимущественно пространством национальных парков [14, с. 19]. В связи с этим следует осторожно экстраполировать некоторые результаты современных наблюдений на удаленное прошлое, как это делает порой Гэри Хайнс [32, р. 61-64].

Как и слоны, мамонты, безусловно, не паслись круглый год на одной и той же ограниченной территории, в противном случае кормящий ландшафт не успевал бы восстанавливаться: траву хоботные часто практически уничтожают, вырывая с корнями хоботом и оббивая остатки земли об ногу. Пригодные для пропитания стад мегафауны ландшафты тянулись преимущественно по речным долинам, заходя в приречные ложбины и балки. Таким образом, группы мамонтов вынуждены были медленно (вероятно, 5-7 км в сутки, но возможно и больше) кочевать вдоль речных долин, богатых пищей и водой (а зимой – пищей в виде веток ольхи и ивы и снегом, льдом), а местами и выходами богатых минеральными солями глин [13; 22; 27]. Перед пиком долгого холодного сезона они, вероятно, уходили по меридионально направленным долинам на юг, а в начале короткого теплого сезона возвращаясь по ним же обратно на север. Перемещения мамонтов на расстояния до 600 км, вероятно носившие сезонный характер, убедительно доказаны изучением изотопного спектра бивня [42], а также зубов [33].

Итак, если мамонт был сезонно мигрирующим животным, то, учитывая относительную оседлость позднелолитического населения, ежегодный период охоты на мамонта должен был оказываться весьма кратким, укладываясь в два промежутка времени – по несколько суток, максимум по неделе – весной и осенью, связанных с эпизодами прохода контролируемого охотниками участка долины несколькими группами животных. После ухода основного стада какое-то время добычей могли становиться еще и отставшие от стада ослабленные животные. Крупных зрелых одиноких самцов, вероятно, предпочитали не трогать. Такова рабочая гипотеза.

Действительно, по данным о возрасте добытых детенышей мамонта, для Юдиново и Елисеевичей 1 [17; 18] реконструируются именно два сезона охоты в бассейне средней Десны – приблизительно в мае и октябре. Некоторый возрастной люфт единичных находок может быть объяснен отклонениями динамики индивидуального развития некоторых особей и дат рождения (не все мамонята появлялись на свет в один день, и даже не в одну неделю).

Если охота была сезонной, возможно ли установить вероятные её масштабы? Калорийность мяса мамонта оценивается приблизительно в 2000 ккал на килограмм [30; 40, р. 294], что близко к калорийности мяса и жира крупных морских животных, составляющих основу рациона приморских арктических народов. По расчетам И. И. Крупника необходимое суточное количество такой пищи для взрослого мужчины-обитателя крайнего севера составляет около 1,8 кг, для женщин, подростков и стариков 1,4 кг, для ребенка 0,8 кг. Усредненный показатель для коллектива составляет по И. И. Крупнику около 1,4 кг в сутки [10, с. 54].

Расчеты М. В. Саблина дают средний рост зрелой самки мамонта со стоянки Юдиново в 226 см при среднем весе 1820 кг [19, р. 116]. Последний показатель представляется

несколько заниженным [28]. Живой вес близкой по экстерьеру и размерам (224 см в холке) самки индийского слона составлял 2720 кг [38]. Но даже если принять показатель живого веса менее двух тонн, учитывая, что масса мяса, жира и съедобных внутренностей составляет только 42% (расчет для родственного *Mammuthus Columbi*) [29, p. 1625], то один мамонт приносил минимум 765 кг пищи, а скорее около тонны и более.

На упомянутой стоянке Юдиново выявлены следы пяти костно-земляных долговременных жилищ. Если допустить, что все они функционировали синхронно (что далеко не факт) и в каждом обитала расширенная семья (6-8 человек разных поколений), то на поселении проживало не более 30-40 человек, скорее – меньше [24]. При максимальном населении один мамонт обеспечивал людей пищей минимум на две недели, при более реалистичном населении из 30 человек и тонне пищи от одного зверя – 24 дня. Следовательно, на период с октября по май (чуть более полугодия) требовалось добыть 8-13 мамонтов. Столько (а в случае большего живого веса и меньше) животных должно было пасть под копьями охотников в течение короткого осеннего сезона прохождения мигрирующих стад. На теплый сезон запасов требовалось меньше по двум причинам. Из-за меньшей продолжительности с одной стороны. С другой стороны, из-за того, что в теплый сезон население стоянки делилось на небольшие локальные группы и уходило на проветриваемые водораздельные возвышенности от поднимающихся туч гноса. Уходили порой на десятки километров. На этот период достаточно было добычи 4-5 особей мамонта. Учитывая то, что в бассейне Десны синхронно вряд ли существовало более двух общин палеолитических людей [23], давление на экосистему было минимальным.

Крайне маловероятно, что охотники уничтожали сразу и почти целиком какую-то одну мигрирующую семью, возглавляемую самкой-матриархом. Во-первых, это труднодостижимая физически и, в случае контактной охоты, достаточно опасная для исполнителей задача. Во-вторых, одновременная переработка сразу десятка двухтонных туш – задача трудоёмкая. Скорее всего, как и было сказано выше, от каждого проходящего стада-семьи отделяли и убивали по 1-2 зрелых животных и, там где удавалось, еще и отдельных детенышей или подростков. Охотникам нужно было незаметно приблизиться к стаду и, не привлекая внимания, поразить наиболее удалившееся от группы животное. Находки свидетельств не самых удачных эпизодов охоты – фрагментов наконечников, застрявших в ребрах и лобной кости (Костенки 1, Костенки 14), в позвонке мамонта (Луговское), свидетельствуют об использовании копий, брошенных с небольшого расстояния или же о прямых ударах [8, с. 46; 13, с. 422; 15, с. 107; 20; 21, с. 149-158]. Джордж Карр Фрисон, моделировавший в Зимбабве палеолитическую охоту на стадах африканских слонов, указал на интересную поведенческую особенность. Обычно раненая особь отходит еще дальше от стада, лишаясь защиты и, в итоге, погибает – охотникам нужно лишь подождать [31, p. 783]. Можно думать, что аналогичная стрессовая модель поведения была типична и для мамонтов-подранков.

При взгляде на охоту на мамонта сквозь призму гипотезы сезонных миграций, теряют смысл версии регулярной охоты на мамонта на тропах к водопою. Они работают для оседлой фауны, но не для номадов. А вот на переправе через реку, устоявшейся на маршруте миграции, мамонтов, особенно ослабленных и молодых, тоже вполне могли добывать. Не требовалось и никакого загона в болота или к далеким обрывам с участием шумной толпы рискующих жизнью обитателей стоянки. Не требовалось и выкапывания в мерзлоте

полноразмерных ловчих ям для мамонта, как на полотне З. Буриана и на многочисленных диорамах и картинах из краеведческих музеев [9]. Не нужно было перед забоем, как предполагали некоторые исследователи, и одурманивать каждого мамонта, делая более покладистым [1, с. 133].

Если допустить сходство охотничьих стратегий охотников на мамонта в разных частях света, изъятие отдельных особей из мигрирующих стад, а не забой сразу целых семей мамонтов подтверждает изотопный анализ костей мамонта на стоянках палеоиндейской культуры кловис в Северной Америке. По данным, полученным Катрин Хоппе, кости из мест гибели стад мамонтов продемонстрировали низкий уровень изотопной изменчивости по углероду (ввиду единых областей питания животных растительностью). В то же время кости со стоянок кловиситов имели высокий уровень изменчивости по изотопам как углерода, а также кислорода и стронция, поскольку являлись останками съеденных разрозненных особей, а не погибшей семейной группы [33]. Материалы восточноевропейского палеолита остро нуждаются в аналогичном изотопном анализе – в том числе и для того, чтобы проверить предложенную гипотезу стратегии сезонных охот, но они дали бы много больше важной информации – включая уточнение возможных маршрутов миграции мамонтовых стад и расположения зон сезонных пастбищ. Одновременно изотопный анализ костей из культурного слоя и костно-земляных конструкций позволил бы уверенней говорить о сходстве или различии происхождения тех и других – на мой взгляд, тут могут проявиться заметные отличия (подробней об этом см. [26]).

После серии успешных охотничьих акций в весенние и осенние дни наполнялись ярко-красным мамонтовым мясом и жиром (фрагментами туш добытых и разделанных мамонтов) ямы-хранилища – естественные «холодильники», основаниями уходящие в многолетнюю мерзлоту. Такой запас, кстати, мало отличался от уцелевших в условиях мерзлоты фрагментов туш в естественных «мамонтовых кладбищах» [6, с. 127, 403-404], актуалистические наблюдения за которыми могли подсказать решение проблемы хранения запасов. Поэтому не только мне «представляется несколько неправомерным противопоставление гипотез охоты, некрофагии и собирательства. Все эти процессы неизбежно происходили в одной и той же популяции...» [4, с. 198]. Использование мерзлых трупов в качестве экстремального пищевого ресурса не более чем один из множества аспектов собирательства. Попытки играть на эмоциях, применяя в текстах далекие от науки термины вроде «трупожорства» [1, с. 128] не могут отменить тот простой факт, что наши предки и этот ресурс при необходимости тоже использовали, максимально адаптируясь к выживанию в суровых перигляциальных условиях.

Объем ям для хранения полученных мороженого мяса и жира требуется не столь уж большой: плотность мяса в среднем один грамм на кубический сантиметр. Таким образом, тонна займёт объем в кубический метр. Мне представляется сомнительным, что мясо укладывали в ямы не снятым с костей, впуская часть хранилища. Что же касается крупных костей, заполняющих ямы-хранилища на палеолитических стоянках, это в одних случаях могут быть следы перекрытий, сооружаемых над ямой, а в других – забутовка ямы перед тем, как люди покидали поселение с намерением вернуться впоследствии и уменьшить трудозатраты на восстановление ям. Наконец, забутовка из тяжелых костей и шкур могла делаться для защиты запасов от хищников – непосредственно поверх лежащего непосредственно на многолетней мерзлоте слоя замороженного мяса, полученного весной, в

мае, и оставленного к возвращению летних локальных групп на базовое поселение, происходившему в августе-сентябре. Если этот запас по какой-то причине не сохранялся, должна была существовать выходящая за рамки спонтанных охот на копытных стратегия выживания до прихода мигрирующих стад мамонта. На многих стоянках охотников на мамонта, включая Юдиново, Чулатово 1 и 2, Мезин и ряд других в бассейне Десны, встречены кости сурка, порой весьма многочисленные. Самец сурка, нажировавшийся к спячке, в которую он впадал в сентябре, достигал веса около 10 кг (из них около 42% приходилось на мясо (1160 ккал/кг) и 20-30% на целебный и калорийный – 8800 ккал/кг – жир) [11; 16]. Такая добыча могла играть роль экстремального ресурса. В иное время кроме конца августа – сентября на сурка охотиться практически не было смысла – вес намного ниже, жира очень мало [3].

Осенью после сезонной охоты проблем с хранением мясных запасов было меньше – уже наступал период с отрицательными температурами, и важно было лишь защитить от хищников не только ямы, но и мясо, не поместившееся в эти морозильники, а затем использовать именно его в первую очередь. Кроме того, осенью – после сезона сбора ягод – готовить продукт длительного хранения, наподобие пеммикана у индейцев кри, растирая высушенное мясо и вытопленный из сала жир с ягодами – клюквой и подобными [35]. Такой высушенный в мешочках из сыромятной кожи мамонтовый пеммикан можно было хранить длительное время и носить с собой во время длительных переходов как легкий и очень калорийный пищевой ресурс. В весенний же сезон мясо мамонта могли не только складывать в «погреб-ледники», но также вялить или коптить для длительного хранения вне ям,

Наконец, обратим внимание на соотношения вычисленной вероятной численности добываемых за год мамонтов (12-18) и примерное количество особей, использованных в конструкциях костно-земляных жилищ (или – согласно недавно реанимированной гипотезе – культовых выкладок из костей). Опираясь на данные М. В. Саблина о числе особей мамонта в костных выкладках Юдиново [19], нельзя не признать, что в некоторых случаях количество сезонной добычи и количество особей, кости которых лежат в конструкциях численно близко (13 особей в жилище 2, 10 особей в жилище 5). Это могло бы свидетельствовать в пользу ежегодно выкладываемых культовых оссуариев из съеденных зверей, если бы не по 2-3 десятка черепов в структуре жилищ 1 и 3. Наличие в конструкциях черепов со вскрытой мозговой полостью при этом никак не указывает, извлекали из них лакомый мозг во время пиршеств охотников, или же набившийся на месте захоронения в селевой массе грунт – для существенного облегчения переноски черепа на стоянку с «мамонтового кладбища». При этом значительная часть черепов вовсе не вскрыта. Таким образом, нет твердых оснований утверждать, что в конструкциях использованы кости, принадлежавшие убитым охотниками (по крайней мере, исключительно убитым) мамонтам. Это и не собирательство выветренных костей на местности – ибо степень выветренности большинства костей сходна, и она невелика. Такой результат могла дать эксплуатация катастрофного мамонтового «кладбища».

4. Заключение

В конце позднеледниковья с началом резких климатических колебаний и гидрологической катастрофы, связанной с таянием многолетней мерзлоты и сопутствующей деградацией кормящего ландшафта и возможностей свободного перемещения по нему [25], миграционные пути мамонтовых стад должны были сместиться заметно северней, вслед за

отступающей перигляциальной зоной. Вслед за мамонтами должно было следовать и население, специализированное на охоте на этих животных. Возможные потомки этого восточно-мадленского населения – охотники на северного оленя финального палеолита – унаследовали сезонную ритмику, а возможно, частично и стратегию прежней охоты на мамонта, перенеся их на новый мигрирующий объект охоты. Их весенние и осенние поселения всё также формировались на путях миграций уже северного оленя, там, где многочисленные пересекали крупные реки во время откочевок на зимние и летние пастбища.

Список источников и литературы

1. Аникович, М. В., Анисюткин, Н. К., Платонова, Н. И. (2010). *Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы* // *Stratum plus*. № 1. С. 99-136.
2. Бауэр, Г. (1964). *Книга о слонах*. М.: Мысль. 160 с.
3. Бибииков, Д. И. (1989). *Сурки*. М.: Агропромиздат. 255 с.
4. Бутовская, М. Л., Файнберг, Л. А. (1993). *У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека)*. М.: Наука. 256 с.
5. Верещагин, Н. К., Тихонов, А. Н. (1990). *Экстерьер мамонта*. Якутск: Институт мерзлотоведения СО АН СССР. 40 с.
6. Громов, В. И. (1948). *Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР*. Труды Института геологических наук. Вып. 64. Геологическая серия. М., Ленинград: АН СССР. 528 с.
7. Зедлаг, У. (1991). *Слоны*. М.: Слово. 48 с.
8. Зенин, В. Н., Лещинский, С. В., Золотарев, В. К., Грутес, П. М., Надо, М.-Х. (2006). *Геохронология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское* // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 1 (25). С. 41–53.
9. Кассал, Б. Ю. (2020). *Охота на мамонта как легенда культуры* // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. № 1 (26). С. 14-18.
10. Крупник, И. И. (1989). *Арктическая этноэкология*. М.: Наука. 272 с.
11. Машкин, В. И., Колесников, В. В., Зарубин, Б. Е. (2004). *Лекарственная и пищевая продукция промысла сурка* // *Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства*. № 1. С. 72-74.
12. Мащенко, Е. Н. (1992). *Структура стада мамонтов из Севского позднплейстоценового местонахождения* // *Труды Зоологического института РАН*. Т. 246, СПб. С. 41–59.
13. Мащенко, Е. Н. (2009). *Интерпретация археозоологических данных стоянки Зарайск А в связи с биологией шерстистого мамонта (*Mammuthus primigenius* [Blumenbach, 1799])* // *Исследования палеолита в Зарайске. 1999-2005* / Ред. Х. А. Амирханов. М.: Палеограф. С. 402-435.
14. Насимович, А. А. (1975). *Африканский слон*. М.: Наука. 56 с.
15. Нужный, Д. Ю., Праслов, Н. Д., Саблин, М. В. (2014). *Первый случай подтверждения охоты на мамонта в Европе (стоянка Костенки I, Россия)* // *История археологического собрания МАЭ. Верхний палеолит. (Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 4)*. СПб.: МАЭ РАН. С. 108–117.
16. Плотников, И. А., Балакирев, И. А., Фелосеева, Г. А., Домский, И. А., Мухамедянов, М. М. (2019). *Адаптационные способности степного (*Marmota bobak* Müller,*

1776) и черношапочного (*M. camtschatica* Pallas, 1811) сурков к domestикации // Кролиководство и звероводство. № 4. С. 3-9.

17. Саблин, М. В. (2014). *Палеонтология стоянки Юдиново: новые факты, анализ, интерпретация* // Епіграветські пам'ятки середнього Подніпров'я (Археологічний альманах № 31). Киев: Видавець Олег Філюк. С. 133–150.

18. Саблин, М. В. (2017) *Фауна крупных млекопитающих стоянки Елисеевичи I* // Каменный век российско-белорусского порубежья. Замятнинский сборник. Вып. 5. СПб.: МАЭ РАН. С. 21–45.

19. Саблин, М. В. (2019). *Эпиграветтская стоянка Юдиново: мамонт и человек* // Camera praehistorica, № 1 (2), pp. 108-127.

20. Сериков, Ю. Б. (2012). *К вопросу об оружии поражения луговского мамонта* // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (16). С. 4-11.

21. Синицын, А. А., Степанова, К. Н., Петрова, Е. А. (2019). *Новое прямое свидетельство охоты на мамонта из Костёнок* // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. № 1. С. 149-158. DOI 10.31600/2658-3925-2019-1-149-158.

22. Тихонов, А. Н. (2005). *Мамонт*. М., СПб.: КМК. 90 с.

23. Чубур, А. А. (2005). *О численности населения бассейна Десны в верхнем палеолите* // Фундаментальные исследования. № 10. С. 98-99.

24. Чубур, А. А. (2011). *Семья в верхнем палеолите центра Восточной Европы: история взглядов и современные представления* // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия гуманитарные и социальные науки. №4 (42). С.129-138.

25. Чубур, А. А. (2015). *Ландшафтная гидрологическая катастрофа как спусковой механизм вымирания плейстоценовой мегафауны в перигляциальной зоне Восточной Европы* // Фундаментальные проблемы квартера. Итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы IX Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Иркутск: Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. С. 487-489.

26. Чубур, А. А. (2022). *«Костяные дома» и «мамонтовое собирательство»: аргументы и факты* // Рогачевские чтения: музей, археология, история. Вып.2. Воронеж: Пресс-Бургер. С. 94-103.

27. Шпанский, А. В. (2021). *О мамонтах и их спутниках: палеоэкология мамонтовой фауны*. М.: Фитон XXI. 152 с.

28. Brassey, C. A., Gardiner, J. D. (2015). *An advanced shape-fitting algorithm applied to quadrupedal mammals: improving volumetric mass estimates*. Royal Society open science. Vol. 2, Issue 8. 2:150302. <http://dx.doi.org/10.1098/rsos.150302>

29. Byers, D. A., Ugan, A. (2005). *Should We Expect Large Game Specialization in the Late Pleistocene? An Optimal Foraging Perspective on Early Paleoindian Prey Choice* // Journal of Archaeological Science. Vol. 32. № 11. P. 1624–1640.

30. Guthrie, R. D. (1968). *Paleoecology of the large-mammal community in interior Alaska during the late Pleistocene*. The American Midland Naturalist. 79, p. 346–363. doi:10.2307/2423182.

31. Frison, G. C. (1989). *Experimental use Clovis weaponry and tools on African elephants* // American Antiquity. Vol. 54. № 4. P. 766-784.

32. Haynes, G. (1991). *Mammoths, mastodons and elephants: biology, behavior and the fossil record*. Cambridge: Cambridge University Press. 413 p.

33. Hoppe, K. A. (2004). *Late Pleistocene mammoth herd structure, migration patterns, and Clovis hunting strategies inferred from isotopic analyses of multiple death assemblages* // Paleobiology. 30 (1). p. 129-145. doi:10.1666/0094-8373(2004)030<0129:lpmhsm>2.0.co;2

34. McNeil, P., Hills, L. V., Kooyman, B., Tolman, S. M. (2005). *Mammoth tracks indicate a declining Late Pleistocene population in southwestern Alberta, Canada*. Quaternary Science Reviews. 24. 1253–1259. doi:10.1016/j.quascirev.2004.08.019
35. Merriam, Willis B. (1955). *The Role of Pemmican in the Canadian Northwest Fur Trade*. Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers. 17 (1): 34–38. doi:10.1353/pcg.1955.0000
36. Rimmel, A. (2021). *Woolly mammoth's epic wanderings preserved in tusk. Chemical analysis of an ice age woolly mammoth's tusk reveals the huge distances it travelled during its lifetime more than 17,000 years ago*. Nature. Vol. 596. 19. p.329. doi:10.1038/d41586-021-02206-1
37. Elgringham, S. K. (2000). *Ecology and Behavior* // Shoshani, J. (Ed.). Elephants. Majestic Creatures of the Wild. New York: Checkmark Books. p. 124-127.
38. Shoshani, J., Eisenberg, J. F. (1982). *Elephas maximus*. Mammalian Species 182: p. 1-8.
39. Sikes, S. K. (1971). *The Natural History of the African Elephant*. New York: American Elsevier. 397 p.
40. Soffer, O. (1985). *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. London & Orlando: Academic press. 539 p.
41. Sukumar, R. (2003). *Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behaviour, and Conservation*. Cary : Oxford University Press. 496 p.
42. Wooller, M. J., Bataille, C., Druckenmiller, P., Erickson G.M., Groves P., Haubenstock N., Howe N., Irrgeher J., Mann D., Moon K., Potter B.A. Prohaska T., Rasic J., Reuther J., Shapiro X., Spaleta K.J., Amy X., Willis M. (2021). *Lifetime mobility of an Arctic woolly mammoth*. Science. 2021. Vol. 373, (6556). P. 806-808. doi:10.1126/science.abg1134

References

1. Anikovich, M. V., Anisyutkin, N. K., Platonova, N. I. (2010). *Chelovek i mamont v Vostochnoy Evrope: podkhody i gipotezy* [Man and mammoth in Eastern Europe: approaches and hypotheses] In: *Stratum plus*, 1. 99-136. (in Russian).
2. Bauer, G. (1964). *Kniga o slonakh* [Book about elephants]. Moscow, Mysl'. (in Russian).
3. Bibikov, D. I. (1989). *Surki*. [The Marmots]. Moscow, Agropromizdat. (in Russian).
4. Butovskaya, M. L., Faynberg, L. A. (1993). *U istokov chelovecheskogo obshchestva (Povedencheskie aspekty evolyutsii cheloveka)* [At the origins of human society (behavioral aspects of human evolution)]. Moscow, Nauka. (in Russian).
5. Vereshchagin, N. K., Tikhonov, A. N. (1990). *Ekster'er mamonta* [Mammoth exterior]. Yakutsk, Institut merzlotovedeniya. (in Russian).
6. Gromov, V. I. (1948). *Paleontologicheskoe i arkheologicheskoe obosnovanie stratigrafii kontinental'nykh otlozheniy chetvertichnogo perioda na territorii SSSR* [Paleontological and archaeological justification of the stratigraphy of continental deposits of the quarter period in the USSR]. Trudy Instituta geologicheskikh nauk. Vyp. 64. Geologicheskaya seriya. Moscow, Leningrad, AN SSSR. (in Russian).
7. Zedlag, U. (1991). *Slony* [Elephants]. Moscow, Slovo. (in Russian).
8. Zenin, V. N., Leshchinskiy, S. V., Zolotarev, V. K., Grutes, P. M., Nado, M.-Kh. (2006). *Geokhronologiya i osobennosti material'noy kul'tury paleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Lugovskoye* [Geochronology and features of the material culture of the Paleolithic location of Lugovskoye] in *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 1 (25), 41–53. (in Russian).
9. Kassal, B. Yu. (2020). *Okhota na mamonta kak legenda kul'tury* [Hunting for a mammoth as a legend of culture] in *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 1 (26), 14-18. (in Russian).

10. Krupnik, I. I. (1989). *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic ethnoecology]. Moscow, Nauka. (in Russian).
11. Mashkin, V. I., Kolesnikov, V. V., Zarubin, B. E. (2004). *Lekarstvennaya i pishchevaya produktsiya promysla surka* [Medicinal and food products of the Marmota] in *Sovremennye problemy prirodopol'zovaniya, okhotovedeniya i zverovodstva*, 1. 72-74. (in Russian).
12. Mashchenko, E. N. (1992). *Struktura stada mamontov iz Sevskogo pozdnepleystotsenovogo mestonakhozhdeniya* [The structure of the herd of mammoths from the Sevska Late Pleistocene location] in *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN*. T. 246, St. Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., 41–59. (in Russian).
13. Mashchenko, E. N. (2009). *Interpretatsiya arkheozoologicheskikh dannykh stoyanki Zaraysk A v svyazi s biologiyey sherstistogo mamonta (Mammuthus primigenius [Blumenbach, 1799])* [Interpretation of archaeological data parking Zaraysk A due to the biology of woolly mammoth (Mammuthus Primigenius [Blumenbach, 1799])] in Amirkhanov Kh. (Ed.) *Issledovaniya paleolita v Zarayske. 1999-2005*. Moscow, Paleograf Publ., 402-435. (in Russian).
14. Nasimovich, A. A. (1975). *Afrikanskiy slon* [African elephant]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
15. Nuzhnyy, D. Yu., Praslov, N. D., Sablin, M. V. (2014). *Pervyy sluchay podtverzhdeniya okhoty na mamonta v Evrope (stoyanka Kostenki 1, Rossiya)* [The first case of confirmation of mammoth hunting in Europe (Kostenka parking 1, Russia)] in *Istoriya arkheologicheskogo sobraniya MAE. Verkhniy paleolit. (Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery. Vyp. 4)*. St. Petersburg, Russian Academy of Sciences Publ., 108–117. (in Russian).
16. Plotnikov, I. A., Balakirev, I. A., Feloseeva, G. A., Domskiy, I. A., Mukhamedyanov, M. M. (2019). *Adaptatsionnye sposobnosti stepnogo (Marmota bobak Müller, 1776) i chernoshapochnogo (M. camtschatica Pallas, 1811) surkov k domestikatsii* [Adaptive abilities of the steppe (Marmota bobak Müller, 1776) and black-capped (M. camtschatica Pallas, 1811) marmots to domestication] in *Krolikovodstvo i zvaerovodstvo*, 4, pp. 3-9. (in Russian).
17. Sablin, M. V. (2014). *Paleontologiya stoyanki Yudinovo: novye fakty, analiz, interpretatsiya* [Paleontology Yudinovo: New Facts, Analysis, Interpretation] in *Epigravets'ki pam'yatki serezhn'ogo Podniprova (Arkheologichniy al'manakh, 31)*. Kyev, Vidavets' Oleg Filyuk, 133–150. (in Russian).
18. Sablin, M. V. (2017). *Fauna krupnykh mlekopitayushchikh stoyanki Eliseevichi 1* [The fauna of large mammals of site Eliseevichi 1] in *Kamenny vek rossiysko-belorusskogo porubezh'ya. Zamyatninskiy sbornik. Vyp. 5*. St. Petersburg: MAE RAS, 21–45. (in Russian).
19. Sablin, M. V. (2019). *Epigravettiyskaya stoyanka Yudinovo: mamont i chelovek* [Epigravettian site Yudinovo, Mammoth and Man] in *Camera praehistorica*, 1 (2), 108-127. (in Russian).
20. Serikov, Yu. B. (2012). *K voprosu ob oruzhii porazheniya lugovskogo mamonta* [To the issue of weapons of the defeat of the Lugovsky mammoth] in *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 1 (16), 4-11. (in Russian).
21. Sinitsyn, A. A., Stepanova, K. N., Petrova, E. A. (2019). *Novoe pryamoe svidetel'stvo okhoty na mamonta iz Kostenok* [New direct evidence of mammoth hunting from Kostionki] in *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*, 1, 149-158. doi10.31600/2658-3925-2019-1-149-158. (in Russian).
22. Tikhonov, A. N. (2005). *Mamont* [Mammoth]. Moscow, St. Petersburg, KMK Publ. (in Russian).
23. Chubur, A. A. (2005). *O chislennosti naseleniya basseyna Desny v verkhnem paleolite* [On the population of the Desna basin in the Upper Paleolithic] in *Fundamental'nye issledovaniya*, 10, 98-99. (in Russian).

24. Chubur, A. A. (2011). *Sem'ya v verkhnem paleolite tsentra Vostochnoy Evropy: istoriya vzglyadov i sovremennye predstavleniya* [Family in the Upper Paleolithic of the Center Eastern Europe: the history of views and modern performances] in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 4 (42), 129-138. (in Russian).

25. Chubur, A. A. (2015). *Landshaftnaya gidrologicheskaya katastrofa kak spuskovoy mekhanizm vymiraniya pleystotsenovoy megafauny v periglyatsial'noy zone Vostochnoy Evropy* [Landscape hydrological disaster as a trigger of extinction of Pleistocene megafauna in the periprocal zone of Eastern Europe] in *Fundamental'nye problemy kvartera. Itogi izucheniya i osnovnye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy. Materialy IX Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda*. Irkutsk, Institut geografii im. V. B. Sochavy Russian Academy of Sciences Publ., 487-489. (in Russian).

26. Chubur, A. A. (2022). «*Kostyanye doma*» i «*mamontovoe sobiratel'stvo*»: *argumenty i fakty* [“Bone houses” and “mammoth gathering”: arguments and facts] in *Rogachevskie chteniya: muzey, arkheologiya, istoriya*, 2. Voronezh, Press-Burger Publ., 94-103. (in Russian).

27. Shpanskiy, A. V. (2021). *O mamontakh i ikh sputnikakh: paleoekologiya mamontovoy fauny* [About mammoths and their satellites: paleoecology of mammoth fauna]. Moscow, Fiton XXI. (in Russian).

28. Brassey, C. A., Gardiner, J. D. (2015). *An advanced shape-fitting algorithm applied to quadrupedal mammals: improving volumetric mass estimates*. In *Royal Society open science*, 2, Issue 8. 2:150302. doi:10.1098/rsos.150302 (in English).

29. Byers, D. A., Ugan, A. (2005). *Should We Expect Large Game Specialization in the Late Pleistocene? An Optimal Foraging Perspective on Early Paleoindian Prey Choice*. In *Journal of Archaeological Science*, 32, 11, 1624–1640. (in English).

30. Guthrie, R. D. (1968). *Paleoecology of the large-mammal community in interior Alaska during the late Pleistocene*. In *The American Midland Naturalist*, 79, p. 346–363. doi:10.2307/2423182. (in English).

31. Frison, G. C. (1989). *Experimental use Clovis weaponry and tools on African elephants*. In *American Antiquity*, 54, 4, 766-784. (in English).

32. Haynes, G. (1991). *Mammoths, mastodons and elephants: biology, behavior and the fossil record*. Cambridge, Cambridge University Press. (in English).

33. Hoppe, K. A. (2004). *Late Pleistocene mammoth herd structure, migration patterns, and Clovis hunting strategies inferred from isotopic analyses of multiple death assemblages*. In *Paleobiology*, 30 (1), 129-145. (in English).

34. McNeil, P., Hills, L. V., Kooyman, B., Tolman, S. M. (2005). *Mammoth tracks indicate a declining Late Pleistocene population in southwestern Alberta, Canada*. In *Quaternary Science Reviews*. 24, 1253–1259. doi:10.1016/j.quascirev.2004.08.019 (in English).

35. Merriam, Willis B. (1955). *The Role of Pemmican in the Canadian Northwest Fur Trade*. In *Yearbook of the Association of Pacific Coast Geographers*, 17 (1), 34–38. doi:10.1353/pcg.1955.0000 (in English).

36. Rimmel, A. (2021). *Woolly mammoth's epic wanderings preserved in tusk. Chemical analysis of an ice age woolly mammoth's tusk reveals the huge distances it travelled during its lifetime more than 17,000 years ago*. In *Nature*, 596, 19, 329. doi:10.1038/d41586-021-02206-1 (in English).

37. Elgringham, S. K. (2000). *Ecology and Behavior* // Shoshani, J. (Ed.). *Elephants. Majestic Creatures of the Wild*. New York, Checkmark Books, 124-127. (in English).

38. Shoshani, J., Eisenberg, J. F. (1982). *Elephas maximus*. In *Mammalian Species*, 182: 1-8. (in English).

39. Sikes, S. K. (1971). *The Natural History of the African Elephant*. New York, American Elsevier. (in English).
40. Soffer O. (1985). *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. London & Orlando: Academic press. (in English).
41. Sukumar, R. (2003). *Living Elephants: Evolutionary Ecology, Behaviour, and Conservation*. Cary, Oxford University Press. (in English).
42. Wooller, M. J., Bataille, C., Druckenmiller, P., Erickson G. M., Groves P., Haubenstock N., Howe N., Irrgeher J., Mann D., Moon K., Potter B. A. Prohaska T., Rasic J., Reuther J., Shapiro X., Spaleta K. J., Amy X., Willis M. (2021). *Lifetime mobility of an Arctic woolly mammoth*. In *Science*. 373, 6556, 806-808. doi:10.1126/science.abg1134 (in English).

**АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ /
ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS'**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73>

УДК 271.2-9"8/12"-7

**НЕСКОЛЬКО СУЖДЕНИЙ О КАНОНИЧЕСКО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ
СОЗДАНИЯ МОНАСТЫРЕЙ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ**

П. И. Гайдено

*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
ул. 2-я Бауманская улица, 5, стр. 4, Москва, 105005, Российская Федерация
Московский государственный Лингвистический университет,
ул. Остоженка дом 38 стр., Москва, 1119034, Россия*

Аннотация

Введение. Исследование посвящено проблеме становления древнерусского монашества XI–XIII вв. Основное внимание статьи сосредоточено на вопросах признания архиерейскими кафедрами иноческих общин в качестве полноправных монастырей, а также на административно-канонических правах древнерусских архиереев. Автора интересует то, как развивались и изменялись отношения епископата и монастырей. Предложенный в работе анализ сообщений о начале первых русских монастырей позволяет сделать некоторые предварительные суждения не только в области истории отношений епископата и иноческих общин, но и о развитии канонических представлений внутри церковной организации, выявив особенности этих процессов в различных землях. **Материалы и методы.** Основными источниками для работы стали опубликованные и хорошо известные источники по ранней истории Русской Церкви: древнерусское летописание, комплекс текстов, связанных с историей Киево-Печерского монастыря, 25 граффито, а также источники по ранней истории монастыря Антония Римлянина. **Результаты.** В результате автор приходит к следующим выводам. Во-первых, процесс признания монашеских поселений и образований со стороны епископских кафедр был сложен и отражал крайне непростую каноническую и административную ситуацию на Руси. Если на начальном этапе, в первый век после событий Крещения, здесь господствовала предельная свобода, выражавшаяся в том, что основание большинства иноческих поселений возникали исключительно по желанию иноков или по воле князей, то со временем наблюдается тенденция к расширению прав архиереев в области контроля монашеской жизни. Первый успешный для кафедр опыт полноценного влияния архиереев на иноческую жизнь обнаруживается в эпоху князя Всеволода и митрополита Иоанна Продрома. Однако участие епископов в основании обителей и освящении монастырских храмов стало нормой только с конца XII в. Исключением в этом ряду стал Новгород, где монастырская жизнь была взята под контроль епископами уже в начале XII в. Во-вторых, совершенно очевидно, что на начальном этапе христианизации Руси большинство монастырей возникали без признания со стороны епископата. В нём просто не нуждались. Единственная власть, к которой прибегали таковые поселения – княжеская.

Заключение. Не смотря на сложность канонической ситуации на Руси в условиях XI-XIII вв.? в монастырях присутствовало понимание того, что создание иноческой общины совершенно не гарантировало признание за ней статуса монастыря со стороны кафедр. Для признания легитимизации общины требовалось помимо всего создание комплекса хозяйственных и церковных строений, обеспечивающих статус иноческой общины. Однако первые поколения иноков более беспокоились не о создании монастырей, а о собирании общины единомышленников ради спасения. Что же касается поставленного вопроса о том, с какого момента община чернецов становится монастырём, то для иноков этот этим моментом становится создание обители. Для епископата же монастырь возникал лишь после получения святительской санкции при условии наличия необходимых строений и освящения храма.

Ключевые слова: история Древней Руси, древнерусское монашество, Русская церковь, каноническое право, церковно-государственные отношения

Для цитирования: Гайденко П.И. (2023). Несколько суждений о каноническо-правовых основаниях создания монастырей в домонгольской Руси // История: факты и символы. № 4 (37). С.55-73 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73>

Статья поступила: 10.07.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Гайденко П., 2023

SEVERAL SENTENCES ON CANON LAW FOUNDATIONS OF MONASTERY CREATION IN PREMONGOLIAN RUSSIA

Pavel. I. Gaydenko

Bauman Moscow State Technical University

st. 2-nd Baumanskaya, 5, building 4, Moscow, 105005, Russian Federation

Moscow State Linguistic University,

st. Ostozhenka, 38, Moscow, 1119034, Russia

Abstract

Introduction. This study focuses on the formation of ancient Russian monasticism in the 11th-13th centuries. The main emphasis of the article is on the recognition of foreign communities as fully-fledged monasteries by episcopal cathedrals, as well as on the administrative-canonical rights of ancient Russian bishops. The author is interested in how the relationship between the episcopate and monasteries developed and changed. **Methods.** The analysis of the information on the establishment of the first Russian monasteries allows for some preliminary judgments not only in the field of the history of relations between the episcopate and monastic communities, but also regarding the development of canonical concepts within the church organization, revealing the peculiarities of these processes in different lands. **Materials and methods.** The main sources for this work were published and well-known sources on the early history of the Russian Church: ancient Russian chronicles, a collection of texts related to the history of the Kiev-Pechersk Monastery, 25 graffiti, as well as sources on the early history of the Antonius Romanin Monastery. **Results.** As a result, the author comes to the following conclusions. Firstly, the process of recognizing monastic settlements and institutions by episcopal cathedrals was complex and reflected the extremely difficult canonical and administrative situation in Russia. If in the initial stage, in the first century

after the events of the Baptism, there was maximum freedom, expressed in the fact that the majority of monastic settlements were founded solely at the desire of the monks or at the will of the princes, then over time there is a tendency to expand the rights of the hierarchs in the control of monastic life. **Conclusion.** The first successful experience of full influence of the hierarchs on monastic life for the cathedrals is observed in the time of Prince Vsevolod and Metropolitan John the Baptist. However, the participation of bishops in the foundation of monasteries and the consecration of monastery churches became the norm only from the end of the 12th century. An exception to this series was Novgorod, where monastic life was brought under the control of the bishops already in the early 12th century. Secondly, it is obvious that in the initial stage of the Christianization of Russia, most monasteries were established without recognition from the episcopate. They simply did not need it. The only authority to which such settlements resorted was the princely authority.

Keywords: initiation, old age, history of the rite of passage, technology of the rite of initiation

For citation: Gaydenko, P. (2023). Several sentences on canonical-legal foundations of monastery creation in premongolian Russia In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 55-73 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-55-73>

Received: 10.07.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Gaydenko P., 2023

1. Введение

Идея данной статьи родилась под впечатлением, полученным при работе с тремя публикациями, посвященными возникновению и деятельности монастырей в Древней Руси, а также во время дискуссий о том, что есть монастырь. Прежде всего, это замечательная диссертация талантливого московского исследователя А. В. Носова [17], во-вторых, аккуратная, хорошо продуманная и содержательная статья успешного российского историка А. Е. Тарасова [31; 32] и, наконец, доклад старательного петербургского церковного автора прот. Дмитрия Пономарева, посвятившего свои работы малым монастырям Руси [22; 23]. Примечательной стороной всех перечисленных работ является то, что авторы сформулировали к прошлому вопросы, которые для современников исследуемых эпох едва ли имели то значение и звучание, какое они представляют для исследователей наших дней. Однако без ответа на эти вопросы едва ли наш современник сможет понять то далёкое прошлое.

2. Материалы и методы

Число письменных источников, сообщающих о тех или иных обстоятельствах открытия монастырей на Руси XI-XIII вв., невелико, к тому же все эти известия разбросаны во времени и пространстве, что уже само по себе призывает к осторожности при выявлении каких-либо «закономерностей». Корпус источников, доносящих данные сведения, хорошо известен и охватывает ряд летописных записей: известия Киево-Печерского патерика, несколько житий (преп. Феодосия Печерского, преп. Евфросинии Полоцкой, преп. Антония Римлянина, преп. Варлаама Хутынского и Антония Дымского) и два акта. Во-первых, это договор о приобретении земли Бояна для нужд Кирилловской церкви (т.н. 25 граффити) и, во-вторых, купчая Антония Римлянина. Не меньший интерес представляют данные археологии, позволяющей посмотреть на различные стороны ранней истории монашеского существования. Между тем, знакомство с источниками позволяет убедиться, что представления о монастыре в иноческой среде и в кругу епископата различались. Более того, особое представление об обителях, кажется, присутствовало и в княжеской среде.

Преодоление имеющихся противоречий позволило бы прийти к пониманию того, при каких условиях иноческая община могла приобрести признание.

3. Результаты

Особую остроту проблема легитимизации монастырей приобретает в контексте отношения обителей и святительских кафедр, за которыми, собственно, и сохранялось право на регламентацию монастырской жизни. И всё же, как показывают исследования последних лет, при всем желании церковных и государственных властей XVI-XVII вв. придать монашеству жесткие институциональные рамки и навязать иночеству некие критерии, как черноризцы, так и их общины-монастыри продолжали существовать, руководствуясь своими представлениями о том, как надлежит организовывать обители или по меньшей мере иноческую жизнь. И в этих представлениях, как на раннем этапе христианизации Руси, так и в последующие эпохи, в стенах монастырей, кажется, далеко не всегда находилось место правящему епископу и даже митрополиту. Особенно отчетливо данное обстоятельство прослеживается и даже видно на примере истории киевских монастырей домонгольской поры, посещение которых киевскими первосвятителями в качестве правящих епископов своего города и округа имело единичный характер, либо вообще никак не отмечено. Пожалуй, первым киевским митрополитом, который сумел реализовать свое право освящать монастыри, стал Иоанн Продром⁷. При всём своём немногословии ранние русские источники вполне красноречивы.

Например, ничто не указывает на то, что, селясь вблизи княжеского замка под Берестовым, преп. Антоний, его преемники и их ученики брали благословение у митрополита или местной епископии-митрополии как таковой. Аналогичным молчанием о какой-либо роли местных архиереев окружены летописные сообщения о создании князьями-ктиторами большинства первых родовых княжеских монастырей⁸. Безусловно, в своём монашеском строительстве Русь ориентировалась на византийские образцы, но, скорее всего, из всего обилия примеров устройства монашеского существования на Руси XI-XIII вв. лучше всего восприняли наиболее радикальные формы поведения иноков, что вероятно, объяснялось, в том числе, и происхождением монашествующих. Закрепляясь в пустынном или же, напротив, в обустроенном месте, а в последующем создавая свою обитель, древнерусский чернец подражал монашествующим прошлого и искал, прежде всего, спасения, а не того, что сегодня мы бы назвали «монастырским строем». В пользу этого говорит то, что текст Киево-Печерского Патерика пронизан отсылками к патерикам древности [1, с. 131-184; 18, с. 253-315]. В крайнем случае, он мог действовать по послушанию от своего духовного отца, как это было в случае с Антонием⁹, либо по воле князя-ктитора, определявшего для своего протеже новое место молитвенного подвига и

⁷ Показательно, что первое посещение обители приходится на 1085 г., когда был освящён Андреевский, Янчин монастырь [21, стб. 197]. Через четыре года был торжественно освящён монастырский храм св. Михаила [21, стб. 199], а на следующий 1089 г. митрополит уже почтил своей службой Печерский монастырь [21, стб. 199; 12, с. 312, 314]. Примечательно, что второе торжественное присутствие митрополита в Киево-Печерской обители отмечено лишь спустя 97 лет в 1182 г. при постриге и возведение на игуменство священника Василия [14, с. 486, 488].

⁸ Печерский Патерик предельно откровенен. Повествуя о приходе Антония в Киев, он оставил довольно нелицеприятную оценку городским монастырям и сообщает, по сути, о своевольном размещении Антония вблизи Берестовского замка. Примечательно, что, селясь на днепровских кручах, Антоний не стал брать не только святительского, но и княжеского разрешения: «И Антоние же отъиде в Русию, и прииде въ град Киевъ, и мысляше, гдѣ пребыти. И походи по манастырем, и не възлюби ни въ едином же, гдѣ бы жительствовати: Богу не волящю. И нача ходити по дебрем, и по горамъ, и по всем мѣстомъ. На Брестовое прииде, и обрете печеру, и вселися в ню, юже бѣ ископали варязи, и в нѣй пребысть в велицем въздержании» [12, с. 318].

⁹ Преподобный Антоний отправился в странствие на Русь по воле своего игумена: «Рече же ему игумень: ”Антоние, паки иди в Русию, да тамо прочим на успѣхъ и утвержение будеши, и буди ти благословение Святыя Горы“» [12, с. 316].

служения¹⁰. Условия специфического строя древнерусского государства XI-XIII вв., допускавшие по факту существование полифонии канонических юрисдикций (княжеских, городских, святительских и иных), в чём княжеская власть, кажется, не видела для себя каких-либо затруднений, фактически предоставляли для монашества широчайшую внутреннюю свободу. В итоге, вступая на путь устройства места своего спасения и будущей обители, монах чаще всего руководствовался одной лишь христианской ревностью и стремлением к аскетическим подвигам. Именно этим можно объяснить то, что применительно к домонгольской Руси большинство первых монастырей создавалось без святительского благословения, что вступало в противоречие, как с церковными канонами, так и императорскими законами, запрещающими подобную инициативу, грозя ослушникам суровой карой церковного отлучения.

Между тем, вопросы о том, всякое ли иноческое поселение можно признавать за монастырь, как таковой должен быть устроен и как обязаны себя вести иноки, пожелавшие создать свою обитель, определялись монастырскими уставами, дававшимися ктиторами и/или отцами-основателями общины. В общецерковном же отношении таковые требования были изложены в 4 правиле IV Вселенского Халкидонского собора, главный акцент которых был сделан на безусловной подчинённости иноков местному епископу¹¹. Однако как обстоятельства созыва данного епископского собрания, так и решительность проведенных через его горнило мер по укреплению, как полагали участники этого грандиозного церковного события, церковной дисциплины, имело ряд драматических последствий и едва ли привнесло мир в бурное течение христианской жизни. Принятые тогда нормы в отношении монашествующих скорее отражали стремления епископата не к совершенствованию иноческой жизни, а к ее окончательному административному и каноническому подчинению святительской власти. Тем более, что уход человека в монастырь из христианского мира – это оппозиция (порой осознаваемая, а порой и не осознаваемая), выражающаяся в признании того, что этот христианский мир победившей церкви может быть не просто несовершенным, но и враждебным духу Евангелия¹². Окончательное же юридическое закрепление норм Халкидонского собора в отношении монашества и архиерейской власти произошло только во время правления императора Юстиниана в целом ряде новелл: 5-й (535 г.), 133-й (539 г.), 76-й (539 г.), 123-й (546 г.). Так, например, 5 новелла Юстиниана строго прописывала порядок учреждения монастырей и наказания за его нарушение. По сути, она воспроизводила требования Халкидонского собора и одновременно уточняла и разъясняла, в чём и в какой именно форме должна выразиться воля епископа при открытии монастыря: *«Прежде всего прочего следует сказать о том, что во всякое время и во всякой земле нашей империи если кто-либо захочет основать святой (εὐαγγέλιος) монастырь, то он не в праве делать этого, пока не пригласит боголюбивейшего епископа тех мест, и тот, с молитвой воздев руки к небесам, посвятит то место Богу, водрузив на нем символ нашего спасения (мы имеем ввиду чтимый и во*

¹⁰ Подобный пример виден в истории преп. Варлаама, выведенного из Печерской обители по воле князя Изяслава на игуменство в княжеский Дмитров монастырь: «Монастырю же свершену, и игуменьство держащу Варламу, князь же Изяслав постави монастырь Святаго Дмитрея* и выведе Варлаама на игуменьство къ Святому Дмитрию <...>» [12, с. 320].

¹¹ При этом вносились некоторые уточнения. Например, 17 правило VII Вселенского собора запрещает монахам создавать монастыри, если на это не хватает средств, однако «Аще же имеет потребное к довершению: то преднамеренное им да приведется к концу». Причём данное правило распространялось на «мирян и для клириков» [24, с. 629-630].

¹² Примечательно, что прот. Владислав Цыпин, отмечал, что применительно к IV в. «расцвет монастырей объясняется главным образом снижением общего уровня нравственности церковного народа вследствие наплыва в Церковь недавних язычников после Миланского эдикта и христианизации государства» [33, с. 335]. Однако подобная оценка может быть применима и к другим периодам.

истину честной крест). Та ким образом, заложив некое благое и достойное основание, <можно> начинать строительство. Таковым да будет благочестивое начало создания святых монастырей» [16, с. 40].

По сути, регламентация шагов по созданию обителей была призвана навести в этом деле порядок и отчасти примирить амбиции сторон. Достаточно заметить, что в отличие от норм Халкидонского собора, довольствовавшихся утверждением административных прав архиереев над монастырями, требование императора Юстиниана всё же обязывало епископов молитвенно благословлять обители, а не ограничиваться проявлением административной воли. При этом, по мнению исследователей, данная норма в дальнейшем повлияла и на формулировки первого канона Двукратного собора [16, с. 40]. Что же касается домонгольской Руси, то проблема создания обителей и подчинения их епископской власти, рассматривалась, главным образом в отношении Печерского монастыря и монастыря Антония Римлянина. Однако в отмеченном контексте данный вопрос разрешён преимущественно в отношении монастырей более позднего периода. Применительно же к XI-XIII вв. присутствует необходимость и в систематизации известий сообщений источников, и в их анализе.

Действительно, уже упоминавшееся 4 правило Халкидонского собора устанавливало: *«Истинно и искренне проходящие монашеское житие да удостоиваются приличной чести. Но поелику некоторые, для вида употребляя одежду монашескую, расстраивают церкви и гражданские дела, по произволу ходя по градам, и даже монастыри сами для себя составлять покушаются: то разсуждено, чтобы никто нигде не созидал, и не основывал монастыря, или молитвенного дома, без соизволения епископа града. Монашествующие же, в каждом граде и стране, да будут в подчинении у епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат токмо посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отрелись от мира, да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела, и да не приемлют в них участия, оставляя свои монастыри: разве токмо, когда будет сие позволено епископом града, по необходимой надобности. Да не приемлется также в монастырях в монашество никакой раб, без воли господина его. Преступающему же сие наше определение, определили мы быти чуждым общения церковного, да не хулится имя Божие. Впрочем, епископу града надлежит имети о монастырях должное попечение» [26, с. 337-342].*

Несколько уточняет эти правила Двукратный Константинопольский собор 861 г.: *«Созидание монастырей, дело столь важное и достохвальное, древле блаженными и преподобными Отцами нашими благорассудно изобретенное, усматривается ныне худо производимым. Ибо некоторые, дав своим именам и усадьбам имя монастыря и обещав посвятить оные Богу, пишут себя владельцами пожертвованного. Они ухищренно умыслили посвятить Богу одно лишь наименование, ибо не стыдятся усвоить себе ту же власть и после пожертвования, какую не возбранялось им иметь прежде. И такое корчемство примешалось к сему делу, что к удивлению и огорчению видящих, многое из посвященного Богу явно продается самими посвятившими. И не только нет в них раскаяния о том, что попускают себе властвование над тем, что единожды уже посвятили Богу, но и другим бесстрашно передают оное. Того ради, святой Собор определил: да не будет позволено никому созидать монастырь без ведения и соизволения епископа, но с его ведением и разрешением, и с совершением подобающей молитвы, как и древле Богоугодно законоположено, монастырь да созидается; все же, к нему принадлежащее, вместе с ним самим да вносится в книгу, которая и да хранится в епископском архиве. И пожертвователю без воли епископа отнюдь да не имеет дерзновения, самого себя, или вместо себя другого, поставить игуменом. Ибо если не может кто-либо быть обладателем*

того, что подарил человек, то как может быть попущено кому восхищать обладание тем, что он посвящает и приносит Богу» [25, с. 286-289].

Таким образом, учреждение монастыря предполагало, что основатель обители должен был получить на это согласие и разрешение местного архиерея, которому вменялось в обязанность вознести о новосозданной обители молитву, водрузить на её территории крест и внести название монастыря и всё хранящееся в его стенах в специальную книгу, сберегающуюся в епископском архиве. При этом на святителя возлагалась обязанность «иметь попечение» об обители, правда, без уточнения о том, что под этим «попечением» понимается. В последнем случае, в 1 правиле Двукратного собора все же говорится о ктиторском монастыре и о правах епископа над таковым. Судя по всему, в этом случае «попечение» сводилось к праву епископа контролировать имущество и хозяйственную жизнь монастыря, а также поставлять игуменов. Однако всё перечисленное касалось Византии и, как показывают исследования, было не столь однозначно. Что же касается ситуации в домонгольской Руси, то она видится не менее проблематичной.

Специфическое административно-политическое устройство Руси и ее каноническая полифоничность на начальном этапе¹³, несомненно, отражались и на церковной жизни, привнося в неё свои влияния и особенности. В полной мере данное замечание применимо и в отношении монашеской жизни. При этом, если к концу XIII в., как показывают результаты деятельности Владимирского собора 1273/74 гг., внутреннее устройство церкви стало приобретать некоторую целостность, ясность и каноническую упорядоченность, то начальный полуторовековой период истории местной церковной организации остается тем временем, о котором приходится говорить с предельной осторожностью. В полной мере высказанное замечание касается монашества и его отношений с епископатом.

Так как же происходило признание монастырей на Руси?

Первыми известиями о создании монастыря стали патериковые и связанные с ними летописные сообщения о начале Киево-Печерской обители. Это Слово 7 «Сказание, что ради прозвася Печерський монастырь» [12, с. 316-323], а также летописное известие Повести временных лет под 1051 г. [23, стб. 143-149]. Рассказывая о различных обстоятельствах, приведших к появлению на горе вблизи княжеского замка в Берестово монашеского поселения, источники ничего не сообщают о какой бы то ни было заметной роли митрополита (как правящего архиерея Киева и примыкающего к городу области) в деле создания монастыря. Более того, летописание и Патерик нарочито подчёркивают, что Антоний поселился на том месте, руководствуясь одним лишь благословением своего духовника и не найдя для себя достойного места в Киеве¹⁴. Вся дальнейшая история обители, как это хорошо показал М. Д. Присёлков, – история противостояния с первосвятительским митрополичьим престолом [26, с. 106-109, 175-176, 198-202, 219-221]. В итоге вопрос существования обители определялся не благословением русского первосвятителя, а волей

¹³ Более глубоко и подробно данная проблема и ее историография рассмотрены в работе прот. К. А. Костромина [13].

¹⁴ Например, такая зависимость отчетливо угадывается в период противостояния преп. Никона и князя Изяслава Ярославича из-за пострига боярского сына и любимого боярского скопца [9, с. 368-375]. В итоге именно княжеское благоволение позволило расширить территорию обители, когда монашеская община разрослась и возникла необходимость оставить пещеры и выйти на поверхность и привело к признанию Печерской иноческой общины в качестве монастыря: «<...> посла [преп. Антоний – П.Г.] единого от братиа къ князю Изяславу, рек тако: ”Княже благочестивый, Богъ умножаетъ братию, и мѣсце мало, просим у тебѣ, дабы еси нам даль гору ту, иже над пещерою“. Князь же Изяславъ, сиа слышавъ, зѣло радостень бысть, и посла к ним болярина своего, дасть им гору ту. Игумень же и братиа заложиша церковь велику и монастырь, оградиха столпиемъ, и кѣлиа поставиша многы, и церковь поставиша, и украсиша иконами. И оттоле нача зватися Печерський монастырь, понеже бѣаху жили черноризци преж в пещере. И оттоле прозвася Печерський монастырь, иже есть от благословенна Святыа Горы» [12, с. 320].

князей, на чьей территории обитель располагалась. Что же касается киевского митрополита, то первое его появление в качестве правящего епископа на территории обители было отмечено только под 1089 г. в период правления князя Всеволода Ярославича во время освящения Успенского собора [21, стб. 199; 12, с. 312-315]. Вероятно, именно это освящение стало актом официального включения обители в юрисдикцию кафедры, в пользу чего косвенно свидетельствует недовольство митрополита Иоанна присутствием на территории монастыря без его разрешения иных архиереев, прибывших на празднование самостоятельно, без соответствующего разрешения [12, с. 314].

Впрочем, особо почтительное воспоминание составителей Патерика о митрополите Иларионе и его роли в деле основания обители позволяет осторожно предположить, что легализация обители могла произойти и при нём. Однако никаких отчетливых признаков такого признания не обнаруживается ни в письменных, ни в каких-либо иных источниках. На территории обители не известно ни святительского креста, ни антиминос, никакого иного зримого символа епископской власти. Следовательно, надо допустить, что община продолжала существовать как независимая.

Впрочем, в сообщении Печерского патерика присутствует некоторое противоречие. Начиная историю монастыря с момента поселения Илариона, а вслед за ним преп. Антония и создания иноческой общины, агиограф всё же заявляет о том, что возникновение самого «монастыря» и именование («прозвание») общины «монастырем» произошло только во времена князя Изяслава, и только при этом князе обитель стали именовать «Печерской». Тогда что же существовало до этого и что в данном случае понимали современники тех событий под монастырем? При этом примечательно, что автор сообщения определенно различил создание «великой церкви» и «монастыря».

Следуя из последующего повествования, можно заключить, что под «монастырем», скорее всего, понимались устроенные на поверхности келии и церкви, обнесенные оградой в то время, как прежняя форма жизни отождествлялась исключительно с пещерами, местом иноческих подвигов. Что же касается Успенской церкви, то она становилась средоточием нового монастырского комплекса (всё же необходимо признать, что иноки меняли место своего проживания, переселяясь из пещер в келии), который, несомненно, ассоциировался с Афоном и Успенским храмом монастыря Ксилургу [34, с. 63-65]. Связь Руси с данной обителью хорошо прослеживается не только в комплексе письменных памятников, связанных с Киево-Печерским монастырем, но и с несколькими документами афонского происхождения [10]. Немаловажную роль в произошедших в Печерской обители изменениях играл и акт передачи князем обители земельного участка, что приводило к признанию за общиной статуса самостоятельной стороны правоотношений. То есть, судя по всему, до этого иноки обитали в пещерах лишь по снисходительности князя и официально закреплённых прав на проживание на княжеской земле не имели. В результате только с момента передачи земли и начала строительных работ, по мнению агиографа, исполнилось данное Антонию пророческое благословение, некогда приведшее инока на Киевские горы.

Таким образом, преп. Нестор, входивший в совет геронтов монастыря и, вероятно, несший послушание хартофилакса обители, хранителя монастырского архива¹⁵, очень ясно различал моменты создания монастыря как иноческой общины (или по меньшей мере иноческого поселения) и официальную легитимизацию обители, что, судя по всему, предполагало наличие некоего акта ее признания, твердое именование, обладание

¹⁵ Среди старцев монастыря преп. Нестор упомянут в патериковой истории о преп. Никите, будущем Новгородском епископе [12, с. 394]. Что же касается, возможной причастности преп. Нестора к архиву Печерской обители см. подробнее работу автора [3].

определенным местом, необходимыми строениями, церковью и оградой. Что касается акта признания, то таковым, скорее всего, стал не сохранившийся акт дарения или передачи участка княжеской горы под строительство, признававший факт существования обители князем. Ни о каком признании монастыря со стороны митрополита не упоминается.

Совершенно иная ситуация прослеживается в истории Антония Римлянина. В последние годы этой обители было уделено немало внимания в историографии. Однако в данном случае представляет интерес то, каким образом эта знаменитая обитель была легализована. И состояние источников несколько лучше, чем в истории Киево-Печерской лавры. О процессе открытия монастыря позволяют судить, не только Сказание и житие преп. Антония Римлянина, но и два примечательных акта: купчая и духовная основателя прославленной новгородской обители. Даже при том, что вопрос об аутентичности сведений, отраженных в этих источниках, представляет предмет научной дискуссии¹⁶, сообщения названных источников бесценны для данного анализа.

Сказание позволяет заключить, что создание пришлым иноком монастыря предполагало выполнение преп. Антонием ряда действий. Во-первых, по прибытии в город монаху надлежало предстать перед епископом, который в свою очередь должен был провести очное расследование о прибывшем [28, с. 254-259]. Только после этого иннок приобретал право на поселение и помощь кафедры и города¹⁷. Однако создание полноценной обители стало возможно только после того, как Антоний решил вопрос о земле, выкупив её у посадников¹⁸. Правда, последнее стало возможно лишь спустя год после прибытия, что, вероятно, объяснялось обычаями городского права, не допускавшим приобретения иностранцами городской земли. Судя по всему, только после того, как Антоний получил благословение архипастыря и выкупил земельные участки, уединённая келья приобрела полноценный статус монастыря. Окончательное же подчинение обители власти кафедры произошло в 1131 г. в период святительства еп. Нифонта с возведением Антония в игумены.

Таким образом, и в случае преп. Антония Римлянина агиограф признает, что монастырь возник («зачался») не с поселением инока, а только после того, как получил санкцию епископа, закрепил за собой землю посредством правовых процедур с помощью специально посланных лиц и совершил необходимые строительные работы, заключавшиеся, прежде всего, в возведении церкви и кельи. Близкую точку зрения можно, например, встретить у Л. А. Секретарь, по мнению которой, история Антониева монастыря начинается в 1106 г. только благодаря личному участию святителя Никиты с момента построения деревянной церкви на земле, выкупленной у новгородцев [27, с. 26, 240]. Правда, в случае преп. Антония Римлянина список приобретений и строений оказался шире, однако эти

¹⁶ Дискуссии о купчей Антония Римлянина см. в работах С. Н. Валка, В. Л. Янина и И. Ю. Анкудинова [4, с. 524-531; 36; 2].

¹⁷ «Святитель же Никита посылает посадников по Ивана и по Прокопия, по Ивановых детеи посадничих <...>. Посадницы же с любовию послушагша святителя. И отмериша под церквь и под монастырь земли, гп вся страны по пятидесят сажень. И повеле епископ Никита возградити церквь древяну малу и освяти ея и едину келеицу поставити, мнихомъ на прибежище» [30, с. 259]. Впрочем, необходимо признать, что «повелеть» другим возвести церковь и келью совершенно не означает принимать в этом строительстве личное участие. При этом под «повелением» вернее видеть не столько само указание, сколько разрешение или санкцию на право устройство храма и помещения для проживания Антония.

¹⁸ «А сам вземъ благословение у святителя и начатъ строити обитель. И купиземлю около монастыря у посадников градских, и съ живущими иже на той земли людьми прилучившимися и в протчая лета до скончания века, доколе Божиимъ строением миръ вселенная стоит. И при великой реце Волхове рыбную ловитву купи на потребу монастырю. И междунами отмежив, и писму вдав, и в духовную свою грамоту написал» [30, с. 263; 8, с. 159; 10, с. 159-161].

прибавления уже, скорее, отражали деятельный характер основателя обители, а не необходимое условие для признания иноческого поселения в качестве монастыря.

Не менее интересной видится ситуация и вокруг княжеских ктиторских монастырей, безусловно обладавших особыми правами и совершенно обоснованно выделенных Я. Н. Шаповым в отдельную группу [35, с. 131-148]. Вероятно, в местных каноническо-правовых реалиях их статус был сопоставим с положением царских монастырей в Византии. Во всяком случае, вслед за можно согласиться, что формы монашеской жизни в Византии впечатляют современного исследователя своим разнообразием [37; 38]. И царские монастыри в этом ряду занимают особое место. Очевидно, что Русь копировала византийские практики, в том числе, в деле организации монастырей, придавая этому процессу местное своеобразие. Во всяком случае в одном из своих сетований летописей пишет о «царских» и «боярских» монастырях, понимая под ними, несомненно, ктиторские обители, но различая их статусы так, как это имело место и в Византии. Между тем, ситуация на Руси обладала своей спецификой. В местных реалиях власть епископа не только над собственным духовенством, но и над монастырями устанавливалась крайне медленно. Так, анализ ситуации в Новгороде привел Л. А. Секретарь к заключению, что роль местного епископа в организации монастырей формировалась «постепенно» и, вероятно, укрепились только к концу XII в. Именно на это время, по меткому замечанию учёного, приходится «последние обители, основателями которых являлись князья» [27, с. 27]. В Киеве распространение и усиление власти первосвятителя над местными иноческими общинами также происходило медленно и поэтапно. Скорее всего, окончательное оформление закрепление киевских иерархов прав произошло только к середине XII в., когда интерес княжеской власти к столичным монастырям и обеспечению их канонической и политической автономии угас¹⁹, а положение митрополита, напротив, укрепилось. Примерно в это же время игумены становятся постоянными участниками торжественных церемоний, связанных с вступлением тех или иных правителей в Киев²⁰. Тогда же и изменяются формы летописных

¹⁹ Об этом можно судить по целой череде разграбления княжеских монастырей 1146, 1169/71 и 1203 гг. [20, стб. 418-419; 23, стб. 327-328, 544-545]. Соглашаясь с мнением Б. Н. Флори о том, что таковые разграбления могли указывать на слабость имущественных прав церкви и на то, что богатство ктиторских монастырей и церковью рассматривалось как княжеское [31, с. 50-53], всё же необходимо принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, данные в обитель вещи и ресурсы рассматривались в канонических нормах как сакральные, дарованные Богу, и князья не могли этого не знать. То есть монастыри и епископат выступали не столько собственником, сколько распорядителем, передававших ресурсы или богатств. Во-вторых, храмы и монастыри были подвергнуты разграблению не только соперниками, как это произошло в 1146 г., но и теми, кого можно было бы отнести к ктиторах. Во всяком случае в 1169/71 гг. город, а также его храмы и монастыри грабили не одни суздальцы, но и пришедшие с ними иные князья. Аналогична ситуация и в отношении событий 1203 г. Причём в последнем случае создаётся впечатление, что разграбление киевских храмов преследовало своей целью наказать не столько изгнанного князя, сколько город. То есть в последнем случае храмовое имущество рассматривалось в качестве своего рода городской собственности.

²⁰ Так, например, сообщая о вступлении князя Владимира Всеволодовича Мономаха на киевский стол, летописец всё ещё не замечает игуменов в празднествах. Запись о том, что князя встречал митрополит Никифор «съ епѣпы и со всеми Киѣне» [21, с. 276], никак не упоминает игуменов в торжественной процессии в качестве отдельной церковной группы. Данное обстоятельство позволяет допустить, что, вероятно, в условиях сомнительности прав Владимира Всеволодовича на Киевский престол настоятели княжеских монастырей предусмотрительно уклонились от участия в торжествах. Своим поступком Переяславский князь нарушил родовые принципы определения старейшинства среди князей. Первым претендентом на златой стол Матери городов русских являлся всё же не Владимир Всеволодович, а Олег Святославич. В этих условиях вероятный отказ игуменов княжеских монастырей от участия в крестном ходе, скорее всего, отражал мнение князей-ктиторов к совершавшемуся. Однако уже с середины XII в. ситуация изменяется. Однако в 1146 г. среди встречавших нового князя Изяслава Мстиславича отмечены уже и «игумены с черноризцами» [20, стб. 313; 23, стб. 327]. В дальнейшем такая практика встречи хоть и не станет непререкаемым церковно-политическим ритуалом, однако будет ещё несколько раз повторена.

известий об освящении монастырских храмов, отражая либо присутствие архиереев на закладке или освящении монастырей или храмов, либо их санкцию. Аналогичные изменения присутствуют и в сообщениях о церковной жизни Ростовской и Суздальской земель. Почти все эти записи существенно отличаются от более ранних известий, причем не только уже упоминавшихся и связанных с Печерским монастырём.

Так, Житие Феодосия, сообщая о создании в Тмутаракани нового монастыря преп. Никоном Великим, никак не упоминает о каком-либо участии в этом деле местного архиерея: «Великий же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскый, и ту обрѣтъ мѣсто чисто близъ града, съде на немь. И Божиею благодатию въздрате мѣсто то, и църквь святаыя Богородица възгради на немь, и бысть манастырь славань, иже и донынѣ есть, прикладъ имый въ сий Печерьскый манастырь» [9, с. 374]. Аналогично преп. Антонием был создан монастырь на Болдиных горах близ Чернигова. Судя по всему, и на этот раз преп. Антоний заложил место, на котором в дальнейшем возникла обитель без какого-либо благословения со стороны черниговского архиерея. Единственной санкцией для подвижника было благоволение со стороны покровительствовавшего Антонию Святослава Ярославича: «Въ тыа же дъни приключися Изяславу приити из Ляховъ, и нача гнѣватися Йзяславъ на Онтониа про князя Всеслава. И приела Святославъ ис Чернигова в нощи по святаго Антониа. Антоний же пришед ко Чернигову и възлюби мѣсто, нарицаемое Болдины горы, ископавъ печеру и вселися ту. И есть ту манастырь Святыя Богородица на Болдиныхъ горах и донынѣ близъ Чернигова» [11, с. 476, 478].

Не менее красноречиво летописание. Так, летописное сообщение о создании в Киеве Ирининского и Георгиевского монастырей целиком соотносится с волей Ярослава Владимировича²¹. Аналогична ситуация и в отношении иных монастырей Киева: Дмитриевского Изяславлего монастыря, о строительстве кого нет никаких «прямых письменных известий», как об этом резонно высказался М. К. Каргер [11, с. 320; 21, стб. 147; 13, с. 261], Спасского монастыря в Берестове, о времени основания которого также нет никаких ясных данных [11, с. 377], Фёдорова вотча монастыря, основанного, судя по записи Мстиславом Владимировичем в 1129 г. без участия кого-либо из иерархов²², и, наконец, Кирилловского монастыря, об основании и об освящении которого нет никаких ясных известий, кроме 25 граффити Софиского собора и летописных известий 1171 и 1179 гг., упоминающих о связанных с этой церковью событиях [21, стб. 544, 612; 11, с. 377; 5, с. 61; 9, с. 130-145].

Первые летописные известия об участии русского первосвятителя в устройстве и освящении княжеских монастырей приходится на время митрополита Иоанна Продрома и князя Всеволода Ярославича. Использувавшаяся летописцем форма «при митрополите», скорее всего, отражала официальную протокольную запись, отражавшую не столько участие русского первосвятителя в торжествах, сколько его санкцию на создание обители и принятие данного монастыря под свой омофор. Так, под 1086 г. летопись извещает: «Всеволодъ заложит цркъвѣ стѣго Андрѣа при Иванѣ прпѣбномѣ митрополитѣ створи оу црѣви тоае манастырь» [21, стб. 197]. Не менее показательно сообщение 1088 г.: «Сѣна быѣ црѣки стѣго Михаила манастыря . Всеволожа митрополитомѣ Иваномѣ и епѣпы^м Лукою . Исаемѣ . игоуменьство тогда держашу того манастыря . Лазореви» [23, стб. 199]. Аналогична уже упоминавшаяся запись 1089 об освящении Успенской церкви Печерского монастыря : «Сѣна быѣ црѣки Печерьскае стѣа Бцѣа . манастыря Федосьева Иваномѣ митрополитомѣ . і Лоукою Бѣлогоро^дски^м епѣпкомѣ . і епѣпкупомѣ Ростовьски^м Исаиемѣ . и Иваномѣ Черниговьскымѣ .

²¹ «<...> сии же премудрыи князь Ярославъ . то того дѣла створи Бл^гвщние на вратѣхъ . дать всегда радость градуу тому стѣмъ бл^гвщениемѣ . Г^нимѣ . и мл^твою стѣа Бцѣа . и архаангѣла . Гаврила . по семь стѣго Гевргиае манастырь . и стѣа Сѣрины» [21, стб. 139].

²² «Того же лѣта заложит Мьстиславъ . цркъвѣ камену стѣго Федора . в Киевѣ снѣ Володимеръ» [21, стб. 293].

епѣкупомъ . и Антоньемъ Гурьговскимъ . игуменомъ . при блѣговѣрно^М кнѣзи Всеволодѣ . державному Роускиаѣ земла . и чадома е^ѣ Володимера . и Ростислава воеводство держащу . Киевской тысящи . Ѧневи . игуменьство держащу Ивану» [21, стб. 199].

Несомненно, особым является известие об освящении грандиозного обширного Михайловского пятинефного собора в Переяславле²³ и в целом о строительных проектах митрополита Ефрема Переяславского [21, стб. 200]. Однако в данном случае нет никаких ясных данных, позволяющих говорить, что при данном соборе мог существовать монастырь. При этом ценным видится то, что это, пожалуй, один из первых примеров епископского храмового строительства на Руси.

Подводя некоторую черту под вышесказанным, нельзя не заметить, что изменения в положении митрополитов в отношении монастырей в границах Киева и его ближайших пригородов, рассматривавшихся как часть городского пространства, стали происходить только во времена Всеволода Ярославича. И уже во второй половине XII-XIII вв. присутствие или санкции архиереев при закладке и освящении храмов и монастырей становятся естественной нормой, при которой князья продолжали сохранять свою самостоятельность в дело строительства и обновления храмов²⁴.

И всё же положение святителей становится всё более значимым. В данном отношении показательно описание освящения Васильевской церкви 1183 г.: «В то же лѣтѣ свѣщена бы^ѣ цркви стѣго Васильаѣ . аже стоитъ в Киевѣ на велицѣмъ дворѣ . великимъ свѣщѣниемъ . мѣца генвара во первыи днѣ . свѣщѣнымъ митрополитомъ . и блѣжнѣнымъ Никифоромъ . епѣпомъ Гурьговскимъ . и архимандритомъ Печерьскимъ . игуменомъ Васильемъ . созданъ ей бѣвши» [21, стб. 634]. Аналогично известие об освящении «великим освящением» в 1198 г. церкви святых Апостолов в Белгородской епископии: «Того же лѣтѣ . мѣца . декабра въ . 5 . днѣ . созда цркви камену . стѣхъ апѣлъ . в Бѣлѣгородѣ . блѣговѣрныи кнѣзь Рюрикъ . приехавъ . ис Киева . и стѣи цркви ка камену . стѣхъ апѣлъ . епѣпѣа Бѣлогородьскаа . великимъ свѣщѣниемъ . блжнѣнымъ митрополитомъ . Никифоромъ . епѣпомъ . Андрѣаномъ . тоа цркви столъ добръ праваца . епѣпѣмъ Юрьевскимъ^М созданъ ей бѣвши блѣговѣрнымъ и хрѣтолюбивымъ . княземъ Рюрикомъ . Ростиславичемъ . выотою же и величествомъ . и прочимъ оукрашениемъ . всѣмъ в дивъ . оудобренѣ» [21, стб. 706]. Подобное же известие под тем же годом сообщает о строительстве и освящении на новом княжеском дворе церкви Василия, небесного покровителя князя Рюрика: «Того же лѣта . созда великыи бѣлюбивыи кнѣзь Рюрикъ . цркви стѣго Васильаѣ . во има свое . в Киевѣ на Новомъ дворѣ . свѣщена бы^ѣ великимъ свѣщѣниемъ митрополитомъ Никифоромъ . И епѣпомъ Бѣлогородьскимъ . Андрѣаномъ . и Юрьевскимъ епѣпомъ . мѣца генвара въ первыи днѣ» [21, стб. 707].

Аналогична ситуация и в Ростово-Суздальской земле. Пожалуй, только с конца XII в. участие епископов в освящении храмов стало восприниматься как важное событие и обязательная норма. Одно из первых таких упоминаний относится к 1189 г. в известии о великом освящении соборной церкви во Владимире: «Того^ж . лѣтѣ свѣсна бы^ѣ црквы сборнаа стѣаѣ Бѣга . великы^М свѣщѣ^М . блжнѣнымъ епѣпѣмъ Лукою . при кнѣзи велико^М Всеволодѣ и снѣмъ юго Костантинѣ . и Ѧрославичи Ростиславѣ зати юго . и бы^ѣ радость велика в градѣ Володимери . и свѣсна бы^ѣ на канунъ стѣое Бѣги Оуспенъа» [20, стб. 407]. Однако наиболее показательным летописное известие 1200 г. о закладке храма в Успения в княгинином монастыре: «Того^ж лѣтѣ . мѣца июлиа . въ . еѣ . на памѣтѣ стѣго мѣка . Кюрика . и Оулиты . заложи блѣговѣрныи кнѣзь великыи Всеволодъ . Гюргеви^ѣ . цркви камену . во има стѣое Бѣги Оуспенъа . в манастыри княгининѣ . при блжѣнѣмъ епѣпѣ . Иванѣ» [20, стб. 415].

²³ Определённые итоги в области изучения данного храма представлены в статье А. А. Фрезе [32, с. 216-221].

²⁴ Так, обновление церквей во Владимире и в Суздале представлено исключительно как волеизъявление князя Всеволода [21, стб. 674].

Что же касается Новгорода, то здесь власть епископа над монастырями города, пригорода и городков Новгородской земли прослеживается на протяжении всей истории новгородской епископии начиная с епископа Никиты. При этом она выражалась не только в праве епископа санкционировать создание монастырей и храмов, но и в реальной способности поставлять игуменов по своему усмотрению, как ясно на это указывает запрет, приписываемый Антонию Римлянину, принимать в обители игуменов от епископа и князя.

4. Заключение

Таким образом, можно прийти к некоторым предварительным выводам. Прежде всего, они касаются порядка основания и признания монастырей в условиях домонгольской Руси. Во-первых, этот процесс был сложен и отражал крайне непростую каноническую и административную ситуацию в области местного церковного управления. Если на начальном этапе, в первый век после событий Крещения, здесь господствовала предельная свобода, выразившаяся в том, что основание большинства иноческих поселений возникали исключительно по желанию иноков или по воле князей, то со временем наблюдается тенденция к расширению прав архиереев в области контроля монашеской жизни. Судя по всему, первый успешный для кафедр опыт такого полноценного влияния святителя на иноческую жизнь обнаруживается в эпоху князя Всеволода и митрополита Иоанна Продрома. Однако участие епископов в основании обителей и освящении монастырских храмов стало нормой только с конца XII в. Исключением в этом ряду стал Новгород, где монастырская жизнь была взята под контроль епископами уже в начале XII в. Во-вторых, совершенно очевидно, что на начальном этапе христианизации Руси большинство монастырей возникали без признания со стороны епископата. В нём просто не нуждались. Единственная власть, к которой прибегали таковые поселения – княжеская. Однако, описывая историю становления Печерского монастыря, преп. Нестор все же различал создание монашеское поселение и монастырь. Первое – призвано ко спасению, второе – это комплекс хозяйственных и церковных строений, обеспечивающих статус иноческой общины. Вместе с этим совершенно очевидно, что первые поколения иноков более беспокоились не о создании монастырей, а о собирании общины единомышленников ради спасения. Что же касается поставленного вопроса о том, с какого момента община чернецов становится монастырем, то для иноков этот этим моментом становится создание обители. Для епископата же монастырь возникал лишь после получения святительской санкции при условии наличия необходимых строений и освящения храма.

Список источников и литературы

1. Абрамович, Д. И. (1902). *Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике*. СПб.: Отделение русского языка и словесности императорской академии наук. III, XXIX, 213 с.
2. Анкудинов, И. Ю. (1999). *О землевладении Антониева монастыря в XVI в. (Материалы к комментарию к «купчей Антония Римлянина»)* // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб.: Дмитрий Буланин. С. 100–112.
3. Артемов, С. Н., Гайдено, П. И. (2022). Несколько штрихов к портрету преподобного Нестора Летописца (ещё раз к вопросу о церковных и монастырских архивах в домонгольской Руси) // Христианское чтение. № 3. С. 274-282.
4. Валк, С. Н. (2000). *Избранные труды по историографии и источниковедению* / СПБНИИ РАН. СПб.: Наука. 664 с.
5. Высоцкий, С. А. (1966). *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.* Киев: Наукова думка. 238 с.

6. Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159.

7. Дробышева, М. М. (2020). Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке "Бояновой земли"? // Вестник Пермского университета. История. № 1 (48). С. 130-145.

8. Духовная Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159-161.

9. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI-XII вв. 542 с.

10. Zubov, D. V., Pirogov, V. I., Kuzenkov, P. V. (2020). *Афонские акты XI-XII веков по истории русского монашества на Святой Горе* // Метафраст. № 1 (3). С. 13-59.

11. Каргер, М. К. (1961). Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: [В 2 т.] / Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние]. Т. 2: Памятники Киевского зодчества X-XIII вв. 661 с.

12. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 296-489.

13. Костромин, К. А. (2022). Создание церковной епископальной структуры на Руси в эпоху активного политогенеза конца X – первой половины XI века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 32. № 1. С. 42-54.

14. Морозов, М. А. (2006). *Императорское ктиторовство при Комнинах и Российские традиции* // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. / Отв. ред. Д. Ю. Дворниченко. СПб: Типография СПбГУ. С. 362-375.

15. Морозов, М. А. (2010). *Церковная собственность и ктиторовство в Византии при императоре Юстиниане* // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. № 2. С. 77-87.

16. [Новелла V (535 г.) О монастырях, монахах и игуменах] *Максимович К. А. Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): Новеллы V и LXXIX* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. № 4 (20). С. 39-48.

17. Носов, А. В. (2023). *Сакрализация пространства основателями русских монастырей в XIV – XV веках*: Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Специальность 5.6.1 – «Отечественная история»; науч. рук. А. Е. Тарасов. М.: МГУ. 318 с.

18. Ольшевская, Л. А. (1999). *Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика* // Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука. С. 253-315.

19. Пентковский, А. М. (2001). Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси / А. М. Пентковский; Моск. Патриархат. Моск. духов. акад., Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Изд-во Московской патриархии. 428 с.

20. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 2. изд., Репр. воспр. Москва: Яз. славян. культуры, 2001. Т. 1: Лаврентьевская летопись. А-N, VIII, 733 с., [1] с

21. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). 2. изд., Репр. воспр. Москва: Яз. славян. культуры, 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись. XVI, 938, L, [14] с.

22. Пономарев, Д., прот. (2023). *Международная конференция «Монашествующие погостских церквей Новгородской земли (по материалам кадастровых описаний конца XV — XVII века) // Древнерусское монашество в источниках и историографии (история, агиография, археология, философия, право, быт и нравы)»*. 5-6 июня 2023 г.: Программа конференции. СПб.: Типография СПбПДА. С. 39.

23. Пономарев, Д., прот. (2022). *Основание, становление и развитие Тихвинского Антониево-Дымского мужского монастыря. Опыт изучения малого монастыря Русского Севера*: монография. СПб.: Издательство Тимофея Маркова. 632 с.

24. Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Репринт. изд.: СПб.-М.: Междунар. изд. центр православ. лит., 1994. Т. 1. XIX, 640, [1] с.

25. Правила православной церкви: с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. Репринт. изд.: СПб.-М.: Междунар. изд. центр православ. лит., 1994. Т. 2. VII, 635, [3] с.

26. Приселков, М. Д. (2003). *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.* СПб.: Наука, 2003. 244 с.

27. Секретарь, Л. А. (2011). *Монастыри Великого Новгорода и окрестностей*. М.: Северный паломник. 656 с.

28. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233-272.

29. Тарасов, А. Е. (2021). *Еще раз о правовых основаниях создания монастырей на Руси // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*. 2021. № 4 (25). С. 6–13.

30. Тарасов, А. Е. (2019). *Иосифо-Волоколамский монастырь и проблема основания русских обителей в XV веке // Novogardia*. № 4. С. 162-170.

31. Флоря, Б. Н. (2007). *Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье*: Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ». 528 с.

32. Фрезе, А. А. (2013). *Церковь св. Михаила в Переяславле и византийская архитектура IX – начала XIII века // Актуальные проблемы теории и истории искусства*: сб. науч. статей. Санкт-Петербург: НП-Принт. Вып. 3. / под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой. С. 216-221.

33. Цыпин, В. А., прот. (2012). *Каноническое право*. М.: Изд-во Сретенского монастыря. 863 с.

34. Шумило, С. В. (2017). *Перший давньоруський монастир на Афоні та його зв'язки з Київською Руссю: 1000 років // Афонское наследие: Научный альманах («The Athonite Heritage», а Scholar's Anthology)*. Вып. 5-6. Киев; Чернигов: Издание Международного института афонского наследия, 2017. С. 46-82.

35. Щапов, Я. Н. (1989). *Государство и церковь Древней Руси, X-XIII вв.* / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1989. 228 с.

36. Янин, В. Л. (1977). *Грамоты Антония Римлянина и их датирование // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород*. М.: Высшая школа. С. 58-59.

37. Talbot, A-M. (2019). *Varieties of Monastic Experience in Byzantium, 800–1453*. Notre Dame: University of Notre Dame Press. 295 p.

38. Thomas, J. (2000). *Byzantine monastic foundation documents: a complete translation of the surviving founders' typika and testaments* / edited by John Thomas and Angela Constantinides Hero; Washington: Trustees for Harvard University, 2021 p.

References

1. Abramovich, D. I. (1902). *Issledovanie o Kievo-Pecherskom paterike kak istoriko-literaturnom pamyatnike* [A study on the Kiev-Pechersk Paterik as a historical and literary monument]. Saint Petersburg, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoj akademii nauk Publ. (in Russian).
2. Ankudinov, I. Yu. (1999). *O zemlevladienii Antonieva monastyrya v XVI v. (Materialy k kommentariyu k «kupchej Antoniya Rimlyanina») [About the land ownership of the Antoniev Monastery in the XVI century. (Materials for the commentary to the "bill of sale of Anthony the Roman")]* in *Novgorodskij istoricheskij sbornik*. 7 (17). Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. (in Russian).
3. Artemov, S. N., Gaidenko, P. I. (2022). *Neskol'ko shtrihov k portretu prepodobnogo Nestora Letopisca (eshchyo raz k voprosu o cerkovnyh i monastyrskih arhivah v domongol'skoj Rusi)* [A few strokes to the portrait of St. Nestor the Chronicler (once again to the question of church and monastery archives in pre-Mongol Russia)] in *Hristianskoe chtenie*, 3 (in Russian).
4. Valk, S. N. (2000). *Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu* [Selected works on Historiography and source studies]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (in Russian).
5. Vysotsky, S. A. (1966). *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoj XI–XIV vv.* [Ancient Russian inscriptions of St. Sophia of Kiev XI–XIV centuries]. Kiev, Naukova Dumka Publ. (in Ukraine).
6. *Dannaya Antoniya Rimlyanina Antonievu monastyryu na zemlyu u reki Volhova, kuplennuyu im u Smekhna i Prohna Ivanovyh detej* [Given by Anthony the Roman to the Antoniev Monastery on the land near the Volkhov River, bought by him from Smekhna and Prokhna Ivanov children] in *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* (1949) / published by V. G. Geiman, N. A. Kazakov, edited by S. N. Valk. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).
7. Drobysheva, M. M. (2020). *Graffito № 25 iz Sofii Kievskoj: chto my znaem o pokupke "Boyanovoj zemli"?* [Graffiti No. 25 from Sofia Kievskaya: what do we know about the purchase of "Boyanova Zemlya"?] in *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 1 (48). (in Russian).
8. *Duhovnaya Antoniya Rimlyanina* (1949). [The Spiritual Antonia of the Roman] in *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* / published by V. G. Geiman, N. A. Kazakov, edited by S. N. Valk. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ. (in Russian).
9. *Zhitie Feodosiya Pecherskogo* (1997) [The Life of Theodosius of the Caves] in *Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAS. In-t rus. lit. (Pushkin House)*; edited by D. S. Likhachev and others. Saint Petersburg, Nauka Publishing House, 1: XI-XII centuries. (in Russian).
10. Zubov, D. V., Pirogov, V. I., Kuzenkov, P. V. (2020). *Afonskie akty XI-XII vekov po istorii russkogo monashestva na Svyatoj Gore* [Athos acts of the XI-XII centuries on the history of Russian monasticism on the Holy Mountain] in *Metafrast*. 1 (3), 13-59. (in Russian).
11. Karger, M. K. (1961). *Drevnij Kiev: Ocherki po istorii material'noj kul'tury drevnerusskogo goroda* [Ancient Kiev: Essays on the history of the material culture of the ancient Russian city]: [In 2 volumes]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 2: *Pamyatniki Kievskogo zodchestva X-XIII vv.* [Monuments of Kiev architecture of the X-XIII centuries]. (in Russia).
12. *Kievo-Pecherskij Paterik* (1997) [Kievo-Pechersk Paterik] in *Library of literature of Ancient Russia / RAS. In-t rus. lit. (Pushkin House)*; edited by D. S. Likhachev and others. Saint Petersburg, Nauka Publ., 4: *XII v. [XII century]*, 296-489. (in Russian).

13. Kostromin, K. A. (2022). *Sozdanie cerkovnoj episkopal'noj struktury na Rusi v epohu aktivnogo politogeneza konca X - pervoj poloviny XI veka* [Creation of the Church episcopal structure in Russia in the era of active political genesis of the late X - first half of the XI century] in *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 32, 1. (in Russian).
14. Morozov, M. A. (2006). *Imperatorskoe ktitorstvo pri Komninah i Rossijskie tradicii* [Imperial ktitorstvo under the Komnenos and Russian traditions] in *Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremyon do XX v.* / Ed. by D. Y. Dvornichenko. St. Petersburg, SPBGU Publ. (in Russian).
15. Morozov, M. A. (2010). *Cerkovnaya sobstvennost' i ktitorstvo v Vizantii pri imperatore YUstiniane* [Church property and ktitorstvo in Byzantium under Emperor Justinian] in *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2. (in Russian).
16. *Novella V (535 g.) O monastyryah, monahah i igumenah* [Novella V (535) About monasteries, monks and hegumens] in Maximovich K. A. *Zakonodatel'stvo imperatora YUstiniana I o monashestve (chast' 1): Novelly V i LXXIX* [The legislation of Emperor Justinian I on monasticism (Part 1): Novellas V and LXXIX] in *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serias 1: Bogoslovie. Filosofiya*. 2007. 4 (20), 39-48. (in Russian).
17. Nosov, A.V. (2023). *Sakralizaciya prostranstva osnovatelyami russkih monastyrej v XIV – XV vekah* [The sacralization of space by the founders of Russian monasteries in the XIV – XV centuries: Diss. for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, MGU Publ. (in Russian).
18. Olshevskaya, L. A. (1999). *Tipologo-tekstologicheskij analiz spiskov i redakcij Kievo-Pecherskogo paterika* [Typological and textual analysis of the lists and editions of the Kiev-Pechersk paterik] in *Kievo-Pecherskij paterik. Volokolamskij paterik* / ed. L. A. Olshevskaya, S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
19. Pentkovsky, A. M. (2001). *Tipikon patriarha Aleksiya Studita v Vizantii i na Rusi* [The Typicon of Patriarch Alexy the Studite in Byzantium and in Russia]. Moscow, Moscow Patriarchate Publ. (in Russian).
20. *Polnoe sobranie russkih letopisej* (2001). [The complete collection of Russian chronicles]. 2. ed., Repr. Moscow, Yaz. Slavyan. Culture Publ., 1: *Lavrent'evskaya letopis'* [Laurentian Chronicle]. A-N, VIII. (in Russian).
21. *Polnoe sobranie russkih letopisej* (2001). [The complete collection of Russian chronicles]. 2. ed., Repr. vospr. Moscow, Yaz. Slavyan. culture, 2: *Ipat'evskaya letopis'* [Ipatiev Chronicle]. XVI, 938. (in Russian).
22. Ponomarev, D., prot. (2023). *Mezhdunarodnaya konferenciya «Monashestvuyushchie pogostskih cerkvej Novgorodskoj zemli (po materialam kadastryh opisaniy konca XV — XVII veka)* [International conference "Monastics of the churchyard churches of the Novgorod land (based on the materials of cadastral descriptions of the end of the XV — XVII century)] in *Old Russian monasticism in sources and historiography (history, hagiography, archeology, philosophy, law, life and morals)*". June 5-6, 2023: Conference program. St. Petersburg, SPbPDA Publ. (in Russian).
23. Ponomarev, D., prot. (2022). *Osnovanie, stanovlenie i razvitie Tihvinskogo Antonievo-Dymskogo muzhskogo monastyrya. Opyt izucheniya malogo monastyrya Russkogo Severa* [Foundation, formation and development of the Tikhvin Antonievo-Dymsky Monastery. The experience of studying the small monastery of the Russian North: a monograph]. St. Petersburg, Timofey Markov Publ. (in Russian)

24. *Pravila pravoslavnoj cerkvi: s tolkovaniyami Nikodima, episkopa dalmatinsko-istrijskogo* (1994) [The rules of the Orthodox Church: with the interpretations of Nicodemus, Bishop of Dalmatian-Istria]. Reprint. ed.: St. Petersburg; Moscow, International publishing house of Orthodox literature, 1, XIX. (in Russian).

25. *Pravila pravoslavnoj cerkvi: s tolkovaniyami Nikodima, episkopa dalmatinsko-istrijskogo* (1994) [The rules of the Orthodox Church: with the interpretations of Nicodemus, Bishop of Dalmatian-Istria] St. Petersburg; Moscow, International publishing house of Orthodox literature, 2, VII. (in Russian).

26. Priselkov, M. D. (2003). *Ocherki po cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X-XII vv.* [Essays on the ecclesiastical and political history of Kievan Rus of the X-XII centuries]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (in Russian).

27. Secretary, L. A. (2011). *Monastyri Velikogo Novgoroda i okrestnostej* [Monasteries of Veliky Novgorod and the surrounding area]. Moscow: Severnyj palomnik Publ. (in Russia).

28. *Skazanie o zhitii prepodobnogo Antoniya Rimlyanina* [The legend of the life of St. Anthony the Roman] in *Svyatye russkie rimlyane: Antonij Rimlyanin i Merkurij Smolenskij* (2005) [Holy Russian Romans: Anthony the Roman and Mercury Smolensky] / ed. and research by N. V. Ramazanova. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. (in Russian).

29. Tarasov, A. E. (2021). *Eshche raz o pravovyh osnovaniyah sozdaniya monastyrej na Rusi* [Once again about the legal grounds for the creation of monasteries in Russia] in *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana*. 4 (25). (in Russia).

30. Tarasov, A. E. (2019). *Iosifo-Volokolamskij monastyr' i problema osnovaniya russkih obitelej v XV veke* [The Iosifo-Volokolamsk Monastery and the problem of the foundation of Russian monasteries in the XV century] In *Novogardia*, 4, 162-170. (in Russian).

31. Florya, B. N. (2007). *Issledovaniya po istorii Cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e* [Research on the history of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages: A collection]. Moscow, CNC «PE» Publ. (in Russian).

32. Freze, A. A. (2013). *Cerkov' sv. Mihaila v Pereyaslavle i vizantijskaya arhitektura IX – nachala XIII veka* [St. Michael's Church in Pereyaslavl and Byzantine architecture of the IX – early XIII century] in *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statej* [Actual problems of the theory and history of art: collection of scientific. Articles]. Saint Petersburg, NP-Print, 3. / edited by S. V. Maltseva, E. Yu. Stanyukovich-Denisova, 216-221. (in Russian).

33. Tsy-pin, V. A., prot. (2012). *Kanonicheskoe pravo* [Canon law]. Moscow, Sretenskogo monastyrya Publ. (in Russian).

34. Shumilo, S. V. (2017). *Pershij davn'orus'kij monastir na Afoni ta jogo zv'yazki z Kiivs'koyu Russyu: 1000 rokiv* [The oldest old Russian monastir on Mount Athos is the same zv'azki z Kievskaya Rus: 1000] in *Afonskoe nasledie: Nauchnyj al'manah («The Athonite Heritage», a Scholar's Anthology)*, 5-6. Kiev; Chernihiv, Izdanie Mezhdunarodnogo instituta afonskogo naslediya Publ., 46-82. (in Ukraine).

35. Shchapov, Ya. N. (1989). *Gosudarstvo i cerkov' Drevnej Rusi, X-XIII vv.* [The state and the Church of Ancient Russia, X-XIII centuries]. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

36. Yanin, V. L. (1977). *Gramoty Antoniya Rimlyanina i ih datirovanie* [The letters of Anthony the Roman and their dating] in *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya: Srednevekovyj Novgorod* [Essays of complex source studies: Medieval Novgorod]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 58-59. (in Russian).

37. Talbot, A.-M. (2019). *Varieties of Monastic Experience in Byzantium, 800–1453*. Notre Dame, University of Notre Dame Press. (in English).
38. Thomas, J. (2000). *Byzantine monastic foundation documents: a complete translation of the surviving founders' typika and testaments* / edited by John Thomas and Angela Constantinides Hero; Washington, Trustees for Harvard University. (in English).

XVII ВЕК / XVII CENTURY

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-74-90>
УДК 74(470.324)

ЗАГАДКИ «МАЛОГО ГОРОДКА»: ИЗ ИСТОРИИ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КРЕПОСТИ ВОРОНЕЖА В 1670 г.

Г. Н. Мокшин

*Воронежский государственный университет,
Университетская площадь, 1, Воронеж 394018, Россия*

Аннотация

Введение. Воронежская крепость 1670 г. – это один из крупнейших форпостов на юго-восточной окраине российского государства. Однако точное местоположение и конфигурация стен и башен данной крепости до сих пор неизвестны, что служит серьезным препятствием при составлении ее планов. Данная статья посвящена проблеме графической реконструкции самой загадочной части Воронежской крепости – т.н. «малого городка» (детинца), которая может послужить ключом для воссоздания ее внешнего облика и внутреннего устройства. **Материалы и методы.** Отсутствие описания стен малого городка в Строенной книге 1670 г., а также утрата прежнего ландшафта, делают графическую реконструкцию главным средством изучения вопроса о его точном местоположении. В статье анализируются четыре плана малого городка, разработанные исследователями Г. А. Каримовым, В. А. Митиным, П. А. Поповым и А. И. Дедовым в 1977–2011 гг. **Результаты.** На основе описаний Воронежской крепости второй половины XVII определяются главные «загадки» малого городка (точное положение трех его башен, общая протяженность стен и местоположение двух тайников); рассматриваются основные варианты его графической реконструкции (их источники, отличительные особенности и степень соответствия имеющимся описаниям); проводится сравнительный анализ планов малого городка на предмет наиболее обоснованного решения перечисленных ниже загадок. **Заключение.** На настоящий момент есть два главных варианта локализации малого городка Воронежской крепости 1670 г.: в начале оврага по ул. Ворошилова и между этим оврагом и Севастьяновским съездом. Единственная точка соприкосновения между этими схемами – положение одной из тайничких башен (в районе стыка двух мысов на ул. Володарского). Из них наиболее перспективным для дальнейшей разработки следует признать план Воронежской крепости В. А. Митина. В тоже время предложенная исследователем конфигурация малого городка (в виде восьмерки) нуждается в доработке, т.к. не доказан сам факт его расширения в ходе последней перестройки крепости в 1670 г.

Ключевые слова: Воронеж, Воронежская крепость, «малый городок», графическая реконструкция, оборонительные сооружения.

Для цитирования: Мокшин, Г. Н. (2023). Загадки «малого городка»: из истории графической реконструкции крепости Воронежа в 1670 г. // История: факты и символы. № 4 (37). С.74-90 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-74-90>

Статья поступила: 01.08.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Мокшин Г., 2023

MYSTERIES OF THE “SMALL TOWN”: FROM THE HISTORY OF THE GRAPHIC RECONSTRUCTION OF THE VORONEZH FORTRESS IN 1670

Gennady N. Mokshin

Voronezh State University,

University Square, 1, Voronezh 394018, Voronezh, Russia

Abstract

Introduction. The Voronezh fortress of 1670 is one of the largest outposts on the southeastern edge of the Russian state. However, the exact location and configuration of the walls and towers of this fortress are still unknown, which serves as a serious obstacle when making its plans. This article is devoted to the problem of graphic reconstruction of the most mysterious part of the Voronezh fortress - the so-called "small town" (detinets), which can serve as a key to reconstructing its external appearance and internal structure. **Materials and methods.** The absence of a description of the walls of a small town in the Built Book of 1670, as well as the loss of the former landscape, make graphic reconstruction the main means of studying the question of its exact location. The article analyzes four small town plans developed by researchers G. A. Karimov, V. A. Mitin, P. A. Popov and A. I. Dedov in 1977-2011. **Results.** Based on the descriptions of the Voronezh fortress of the second half of the 17th century, the main "riddles" of the small town are determined (the exact position of its three towers, the total length of the walls and the location of two hiding places); the main variants of its graphic reconstruction are considered (their sources, distinctive features and the degree of compliance with the available descriptions); a comparative analysis of the plans of the small town is carried out for the most reasonable solution of the riddles listed below. **Conclusion.** At the moment there are two main options for localization of the small town of the Voronezh fortress of 1670: at the beginning of the ravine along Voroshilova Street and between this ravine and Sevastyanovsky congress. Of these, the plan of the Voronezh fortress by V. A. Mitin should be recognized as the most promising for further development. At the same time, the configuration of the small town proposed by the researcher (in the form of a figure eight) needs to be finalized, because the fact of its expansion during the last rebuilding of the fortress in 1670 is not proved.

Keywords: Voronezh, Voronezh fortress, "small town", graphical reconstruction, defensive structures.

For citation: Mokshin, G. N. (2023). Mysteries of the “small town”: from the history of the graphic reconstruction of the Voronezh fortress in 1670 In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 74-90, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-74-90>

Received: 01.08.2023

Revised: 29.10. 2023

Published: 19.12.2023

©Mokshin G., 2023

1. Введение

В XVII в. Воронежская крепость была одним из важнейших форпостов на юго-восточной границе Российского государства. Однако в обобщающей и справочной литературе о русских крепостях до сих пор отсутствуют ее планы. Причина банальна. Воронежские историки никак не могут решить, какой из примерно десятка ее планов наиболее достоверный. Причем наиболее острые разногласия касаются местоположения и конфигурации сердца крепости, т.е. наиболее укрепленной ее части, которую обычно называют «детинцем» [3].

О воронежском детинце известно, что с 1594 г. он не менял своего положения. Только в начале 1630-х гг. «рубленный» город был перестроен по старому месту и стал называться «малым острогом». А с 1670 г., после последней большой перестройки крепости – «малым городком».

Данная статья посвящена проблеме графической реконструкции малого городка Воронежской крепости 1670 г., т.к. именно она привлекала наибольшее внимание исследователей.

Мы рассмотрим следующие вопросы: 1) главные загадки малого городка; 2) основные варианты его графической реконструкции (их источники, отличительные особенности и степень соответствия имеющимся описаниям); 3) сравнительный анализ планов малого городка на предмет наиболее обоснованного решения перечисленных ниже загадок.

2. Материалы и методы

К сожалению, до 1774 г., когда был составлен первый генеральный план Воронежа, с указанием сохранившихся на том момент строений, старая крепость не дожила. А масштабные археологические раскопки на ее территории уже невозможны. Поэтому графическая реконструкция является главным средством изучения вопроса о местоположении и конфигурации Воронежской крепости и ее детинца.

В 1977–2011 гг. исследователями Г. А. Каримовым, В. А. Митиным, П. А. Поповым и А. И. Дедовым было предложено четыре различных плана Воронежской крепости 1670 г. И это при приличии достаточно подробной Строенной книги 1670 г. [13], схемы крепости 1690 г. [1] и гравюры Корнелия де Бруина 1703 г. [10].

Дело в том, что:

– у Воронежской крепости в 1670 г. было пять наугольных башен и соответственно пять углов, но их величины нам неизвестны;

– в Строенной книге отсутствует описание стен малого городка и не ясно, какая из них была внешней, а возможно и не одна;

– и, наконец, нет надежной привязки плана крепости к местности, из-за утраты прежнего ландшафта, за исключением оврагов и главных дорог [6, с. 82].

Иными словами, определить точное местоположения малого городка 1670 г. и его конфигурацию пока не представляется возможным. Но мы можем попытаться установить, какой из четырех его планов больше всего соответствует накопленным на сегодняшний день данным.

3. Результаты

Три главные загадки малого городка 1670 г. (помимо вопроса, где он находился) касаются расположения и названий его башен, протяженности стен и местонахождения тайников.

Судя по Строенной книге в малом городке было две старые башни и еще одну пристроили на его внешней стене над новым тайником. Есть еще выдержка из наказа воеводе О. А. Нармацкому о починке башен малого городка в 1683 г. «На глухих башнях, что в Малом Городке... кровли ветхи. Да в Малом ж Городке 2 башни старые не покрыты»

[12, с. 182]. Две глухие башни – это, скорее всего, старая и новая Тайницкие башни. А тесом могла быть непокрыта старая Большая башня, с проездными воротами. По мнению В. А. Митина, именно она изображена на рисунке 1691 г. (Рис. 1). По другой версии (П. А. Попова) тайницкая башня была только одна, а вторая глухая – это Наугольная башня, в первый раз упомянутая еще в 1594 г.

До 1670 г. малый городок имел четыре стены протяженностью около $129\frac{3}{4}$ саж (без башен). О его новых размерах в источнике сказано неопределенно: «Да по указу Великого Государя Воронежцы всяких чинов люди достроили Малого Городка шестьдесят пять сажень» [13, с. 180]. Дореволюционные краеведы считали, что его стены были уменьшены до 65 саж., а советские и российские историки, наоборот, увеличены на 60–80 саж.

И еще одна загадка связана с местоположением старого и нового тайников, протяженностью соответственно 65 и 70 саж. Одни исследователи располагают их вдоль оврага по ул. Володарского, а другие – на юго-восточной стене (до ее пересечения с тем же оврагом).

Все графические реконструкции Воронежской крепости можно разделить на два вида – в зависимости от того, где размещается ее северная стена: у входа в главный корпус ВГУ и далее по ул. Таранченко или за университетской площадью. Последний вариант преобладал до конца 1970-х гг. и нашел отражение на схеме малого городка 1670 г., составленной Г. А. Каримовым.

В 1977 г. Каримов защитил в Москве кандидатскую диссертацию «Архитектура крепостей Белгородской черты». В приложении ко второму тому он представил «План крепости Воронеж 1670 г.» (Рис. 2). За основу был взят план Воронежской крепости XVII в. Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника 1852 г., которые в свою очередь опирались на гравюру Корнелия де Бруина. А вот малый городок впервые оказался не к востоку от современного корпуса ВГУ, как на плане В. И. Кошелева и П. В. Загоровского 1961 г. (Рис. 3) [4, с. 34], а к югу от него, т.е. с западной стороны оврага. Кроме того, крепостная стена от северо-восточного угла малого городка до Борщевской башни (134,5 саж.) изображена в виде ломаной линии (Г), вследствие чего южная и восточная стены «городка» оказались внешними.

Необычная конфигурация юго-восточной стены Воронежской крепости породила немало вопросов. Самое слабое ее место – это то, что ровесник «городка» Севастьяновский (Ильинский) съезд почему-то проходит через его территорию. Но новый подход Каримова к размещению малого городка в скором времени получил развитие в кандидатской диссертации В. А. Митина «Архитектурно-планировочное развитие Воронежа и его застройка в конце XVII – начале XX веков» (Москва, 1988).

К реконструкции плановой структуры Воронежской крепости Митин подошел очень основательно. Изучил все ее описания и составил подробную таблицу «Башни и стены крепости Воронежа» 1666, 1669 и 1670 гг. Именно Митин обратил внимание на совпадение северо-западного угла на плане малого городка, составленного Кошелевым в 1958 г. (Рис. 4) [8, с. 214] и на пересечении ул. Белинского и Севастьяновского съезда и отразил это на своей схеме Воронежской крепости 1670 г. (Рис. 5).

В отличие от предшественников Митин нанес свой план на топографическую карту Воронежа. Но получившаяся в итоге схема малого городка (в виде восьмерки, как на почтовых конвертах) все равно оказалась не очень убедительной.

Согласно Строенной книге, две рабочие «бригады» возвели между башней на старом тайнике и Борщевской башней 134,5 саж.: одна 97,5 саж., другая – 37 [13, с. 172–173]. А у Митина между ними всего 85 саж. (48+37). Но мы считаем по прямой, а наш исследователь, вслед за Каримовым, по кривой (Г): $48+12,5+37=97,5$ саж. Якобы первая «бригада» строила свою часть стены до Ильинских ворот. Воеводский двор показан на территории нового

«малого городка», а по всем описаниям должен находиться за его пределами. И, наконец, на схеме Митина между ул. Белинского и Шевченко, в которые упирается западная стена городка, около 150 м, а на портале «Яндекс карты» – 193 м.

Третья по времени схема малого городка была составлена П. А. Поповым для книги «История Воронежа в названии улиц» [11]. Отталкиваясь от плана Кошелева и Загоровского по описанию 1615 г. (Рис. 3), он передвинул малую крепость к началу оврага по ул. Володарского. Кроме того, Попов рассчитал возможный вариант расширения «городка» в 1670 г. В итоге получился новый план малого городка, по форме напоминающий флажок (Рис. 6) [11, с. 10].

Сильная сторона подхода Кошелева-Загоровского-Попова к определению местоположения малого городка – это его соответствие ориентиру, данному в описании Воронежа 1777 г.: в 1676 г. городок находился «близ нанешней Вознесенской церкви» [9, с. 24]. Однако на схеме Попова он оказался по обе стороны от оврага, на пути сточных вод. А из других описаний Воронежа известно, что стена на «прорве» очень быстро приходила в негодность.

И еще один план малого городка был представлен историком архитектуры А. И. Дедовым в 2011 г. (в предверии археологических раскопок на месте бывшей крепости). Он, как и В. А. Митин, систематизировал все имеющиеся данные о рахмерах Воронежской крепости 1660-х гг. Но почему-то решил, что крепостные башни городка, описанные в Дозорной книге 1615 г., можно считать против часовой стрелки. Так малый городок оказался в северо-восточном углу крепости (Рис. 7) [2, с. 25]. Вместе с тем, в отличие от Митина и Попова, Дедов представил стену между старой Тайницкой и Борщевской башнями в виде прямой линии, что отразилось на положении южной крепостной стены. Предшественники Дедова были уверены, что эта стена не должна была выходить за пределы ул. Шевченко.

Сравнительный анализ реконструкций малого городка позволяет:

- выделить две наиболее разработанные его схемы: В. А. Митина и П. А. Попова;
- установить их сходства и различия. Общее между ними то, что за основу реконструкции берется описание стен рубленого города в Дозорной книге 1615 г. (других нет), а различия касаются местоположения городка (у В. А. Митина – между Севастьяновским съездом и оврагом, у П. А. Попова – на стыке двух холмов на ул. Володарского) и новой конфигурации после его расширения (соответственно на юг или на запад). Единственная точка соприкосновения между схемами – это примерное расположение Тайницкой башни. И там, и там она помещается в районе стыка двух мысов на ул. Володарского. Только у В. А. Митина речь идет о башне 1669 г., а у П. А. Попова – 1670 г. А они стояли над разными тайниками;

- разобраться с причинами разногласий между исследователями. В. А. Митин, как архитектор, в большей мере опирается на топографию и расчеты, а П. А. Попов на традиционное расположение городка «близ» Вознесенской церкви, восходящее еще к Е. А. Болховитинову.

Оба плана не лишены достоинств и недостатков. Вопрос лишь в том, у кого чего больше.

На наш взгляд, план Попова более уязвим для критики.

Во-первых, никаких исторических доказательств возведения малого городка на стыке двух холмов на ул. Володарского не существует. Кроме расплывчатого свидетельства о том, что в 1676 г. он находился «близ» Вознесенской церкви. (На схеме П. А. Попова от «городка» до нее около 50 м, а у В. А. Митина – 80 м. Разница небольшая). Археологические раскопки 2011 г. также не подтвердили наличие культурного слоя XVII в. на восточном холме. Зато он присутствует в районе Ильинской церкви [5, с. 33].

Во-вторых, в Дозорной книге 1615 г. упомянуты «вылазные» ворота, ведущие за пределы крепости, а находились они на восточной стене рубленого города, кстати, самой длиной (48 саж). Получается, что именно эта стена была внешней, как на плане В. А. Митина.

В-третьих, в 1670 г. в малом городке была поставлена новая Тайницкая башня. Судя по схеме П. В. Попова, она находилась на его южной стене, недалеко от старой Тайницкой башни. Однако есть достоверное свидетельство о том, что новый тайник был устроен «ниже старого тайника» [7, с. 6].

В-четвертых, до 1629 г. в рубленном городе находился Благовещенский собор, т.е. если следовать плану Попова, то рядом с «прорвой», да еще и в створе главных ворот крепости (в Московской башне). Это было явно против правил.

В-пятых, расположение сердца крепости всего в 130 м от тех же главных въездных ворот с военной точки зрения было бы не самым удачным решением. Как и идея прижать рубленный город к оврагу самой короткой его стеной, всего 18,5 саж. Это как «поставить на попа».

Таким образом, из двух основных подходов к местоположению малого городка наиболее обоснованным следует признать тот, что разработан историками архитектуры. Площадка между ул. Белинского и Ильинской церковью хорошо просматривается на современной карте города. А попытка вписать «малый городок» в пространство между двумя холмами по улице Володарского встречает слишком много возражений.

Однако графическое воплощение подхода, отстаиваемого Митиным, нуждается в серьезной доработке. Прежде всего, это касается вопроса о расширении малой крепости. На наш взгляд, доводы исследователей о необходимости увеличения площади малого городка в 1670 г. лишены оснований. Жалобы на его тесноту датируются концом 1620-х гг., когда там находился старый Благовещенский собор. На чертеже Воронежской крепости 1690 г. показан прижатый к ее внешней стене «житенной» двор (Рис. 8) [1]. Это и есть бывший «малый городок», видимо, уже утративший это название, т.к. кроме «государевых» запасов хлеба там почти ничего не хранилось.

И В. А. Митин, и П. А. Попов убеждены в том, что в 1670 г. острожные стены «городка» снова стали рублеными, как в 1594 г. Однако в Строенной книге данная информация отсутствует. Это позволяет предположить, что обновление внутренних стен «кремля» не носило столь кардинального характера. Стены остались острожными и скорее всего без обламов. Перестройка малого городка, видимо, затронула самую длинную его стену – от новой башни на тайнике до Большой башни – те самые 65 саж., упомянутые в описании 1670 г. А стена между двумя «старыми башнями» тоже осталась старой (Рис. 9). Иначе говоря, вполне возможно существование еще одной версии «достройки» малой деревянной крепости: по старому месту, как в начале 1630-х гг.

4. Заключение

Итак, на сегодняшний день существуют два основных подхода к определению местоположения малого городка воронежской крепости. Согласно одному из них «городок» находился в начале оврага на ул. Ворошилова. Сторонники другого подхода размещают его за поворотом юго-восточной стены на юг, между оврагом и Севастьяновским съездом. Единственная точка соприкосновения между этими схемами – положение одной из тайницких башен (в районе стыка двух мысов на ул. Володарского).

Сравнение графических реконструкций малого городка на предмет их соответствия имеющимся у нас данным о Воронежской крепости позволяет признать наиболее перспективной для дальнейшей разработки схему В. А. Митина, согласно которой «городок» упирался во внешнюю стену своей восточной стороной. В тоже время конфигурация «городка», предложенная историками архитектуры, нуждается в серьезной доработке. Большинство современных исследователей, включая В. А. Митина, уверено, что в 1670 г.

малая деревянная крепость увеличилась в своих размерах. Однако пока нет ни одного доказательства этого факта, кроме неопределенного свидетельства о «достройке» в малом городке 65 саж.

Список источников и литературы

1. Введенский, С. (1903). *Чертеж города Воронежа времени святителя Митрофана (1690)* // Воронежская старина. Вып. 3. С. 94-106.
2. Дедов, А. (2011). *Градостроительные хроники средневекового Воронежа. Архитектурно-историческое наследие* // Парадный квартал. Февраль. С. 22-25.
3. Дьяков, М. Ю., Кригер, Л. В. (2013). *Крепости земли Воронежской*. Воронеж: Кварт. 295 с.
4. Загоровский, В. П., Кошелев В. И. (1961). *Основание Воронежа. Город и уезд в первой половине XVII века* // Очерки истории Воронежского края: с древнейших времен. Воронеж: ВГУ. С. 28-40.
5. Ковалевский, В. Н., Медведев, А. П., Скобелкин, О. В., Цыбин, М. В. (2012). *Археологические исследования в г. Воронеже: проблемы и первые результаты* // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. № 1. С. 26-35.
6. Ковалевский, В. Н., Медведев, А. П., Скобелкин, О. В., Цыбин, М. В. (2014). *Археологическое открытие древнего Воронежа*. Воронеж: ЦЧКИ. 128 с.
7. Комолов, Н. А., Кузин, К. И. (2005). *Тайник и вестовой колокол как атрибуты городов-крепостей юга России XVII – середины XVIII вв.* // Из истории Воронежского края. Вып. 13. С. 3-16.
8. Кошелев, В. И. (1958). *Возникновение города Воронежа и его роль в обороне южных рубежей русского государства* // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Т. 26. С. 199-250.
9. *Описание Воронежской губернии. 1777 г.* (1848) // Воронежские губернские ведомости. № 4. С. 23-26.
10. *План города Воронежа в XVII столетия и вид его, снятый в 1703 г.* (1852) // Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова: в 3 кн. Кн. 2. Воронеж: Тип. Губ. правления. С. I-VIII.
11. Попов, П. А. (2003). *Воронеж: история города в названиях улиц. 2-е изд.* Воронеж: Кварт. 532 с.
12. *Список с грамот и указных статей на Воронеж стольнику и воеводе Осипу Алексеевичу Нармацкому, 1683 г.* (1886) // Вейнберг, Л. Б. Город Воронеж (исторический очерк). Воронеж: Тип. Губ. правления. С. 181-188.
13. *Строенная книга г. Воронежа (1670 г. Сентября 15-го)* (1886) // Вейнберг, Л. Б. Город Воронеж (исторический очерк). Воронеж: Тип. Губ. правления. С. 168-180.

References

1. Vvedensky, S. (1903). *Chertezh goroda Voronezha vremeni svjateljja Mitrofana (1690)* [Drawing of the city of Voronezh at the time of St. Mitrofan (1690)] in *Voronezhskaja starina*, 3, 94-106. (in Russian).
2. Dedov, A. (2011). *Gradostroitel'nye hroniki srednevekovogo Voronezha. Arhitekturno-istoricheskoe nasledie* [Town-planning chronicles of medieval Voronezh. Architectural and historical heritage] in *Paradnyj kvartal*, 22-25. (in Russian).

3. Dyakov, M. Y., Krieger, L. V. (2013). *Kreposti zemli Voronezhskoj* [Fortresses of the Voronezh land]. Voronezh, Kvarta. (in Russian).

4. Zagorovsky, V. P., Koshelev, V. I. (1961). *Osnovanie Voronezha. Gorod i uezd v pervoj polovine HVII veka* [Founding of Voronezh. The city and the district in the first half of the 17th century] in *Sketches of the history of the Voronezh region: from the earliest times*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 28-40. (in Russian).

5. Kovalevsky, V. N., Medvedev, A. P., Skobelkin, O. V., Tsybin, M. V. (2012). *Arheologicheskie issledovanija v g. Voronezhe: problemy i pervye rezul'taty* [Archaeological research in Voronezh: problems and first results] in *Bulletin of Voronezh State University. Istorija. Politologija. Sociologija*, 1, 26-35. (in Russian).

6. Kovalevsky, V. N., Medvedev, A. P., Skobelkin, O. V., Tsybin, M. V. (2014). *Arheologicheskoe otkrytie drevnego Voronezha* [Archaeological discovery of ancient Voronezh]. Voronezh: CHKI. (in Russian).

7. Komolov, N. A., Kuzin, K. I. (2005). *Tajnik i vestovoj kolokol kak atributy gorodov-krepostej juga Rossii XVII – serediny XVIII vv.* [Stash and vestovoy bell as attributes of fortress cities of the south of Russia of the XVII - mid XVIII centuries.] in *Iz istorii Voronezhskogo kraja*, 13, 3-16. (in Russian).

8. Koshelev, V. I. (1958). *Vozniknovenie goroda Voronezha i ego rol' v oborone juzhnyh rubezhej russkogo gosudarstva* [The emergence of the city of Voronezh and its role in the defense of the southern borders of the Russian state] in *Bulletin of Voronezh State Pedagogical University*, 26, 199-250. (in Russian).

9. *Opisanie Voronezhskoj gubernii. 1777 g.* (1848) [Description of Voronezh province. 1777 r.] in *Voronezhskie gubernskie vedomosti*, 4, 23-26. (in Russian).

10. *Plan goroda Voronezha v HVII stoletija i vid ego, snjatyj v 1703 g.* (1852) [Plan of the city of Voronezh in the XVII century and a view of it, taken in 1703] In *Drevnie gramoty i drugie pis'mennye pamjatniki, kasajushhiesja Voronezhskoj gubernii i chast'ju Azova*, 2. Voronezh, Governorate Board Publ., I-VIII. (in Russian).

11. Popov, P. A. (2003). *Voronezh: istorija goroda v nazvanijah ulic. 2-e izd.* [Voronezh: the history of the city in street names. 2nd ed.]. Voronezh, Kvarta. (in Russian).

12. *Spisok s gramot i ukaznyh statej na Voronezh stol'niku i voevode Osipu Alekseevichu Narmackomu, 1683 g.* (1886) [List of letters and articles of decree for Voronezh to stolnik and voivode Osip Alekseevich Narmatsky, 1683] in *Veinberg, L. B. The city of Voronezh* (historical sketch)]. Voronezh, Governorate Board Publ. (in Russian).

13. *Stroennaja kniga g. Voronezha (1670 g. Sentjabrja 15-go)* (1886) [Building book of Voronezh (1670, September 15)] in *Veinberg, L. B. The city of Voronezh* (historical sketch)]. Voronezh, Governorate Board Publ. (in Russian).

ПРИЛОЖЕНИЕ: рисунки крепости Воронежа
APPENDIX: drawings of the Voronezh fortress

Рис. 1. Башни Воронежской крепости. Рисунок 1691 г.

Источник: Загоровский В. П. (1989). Воронеж: историческая хроника. Воронеж: ЦЧКИ. С. 33.

Illustration 1. Towers of the Voronezh fortress. Drawing from 1691

Source: Zagorovsky V.P. (1989). Voronezh: historical chronicle. Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, p. 33.

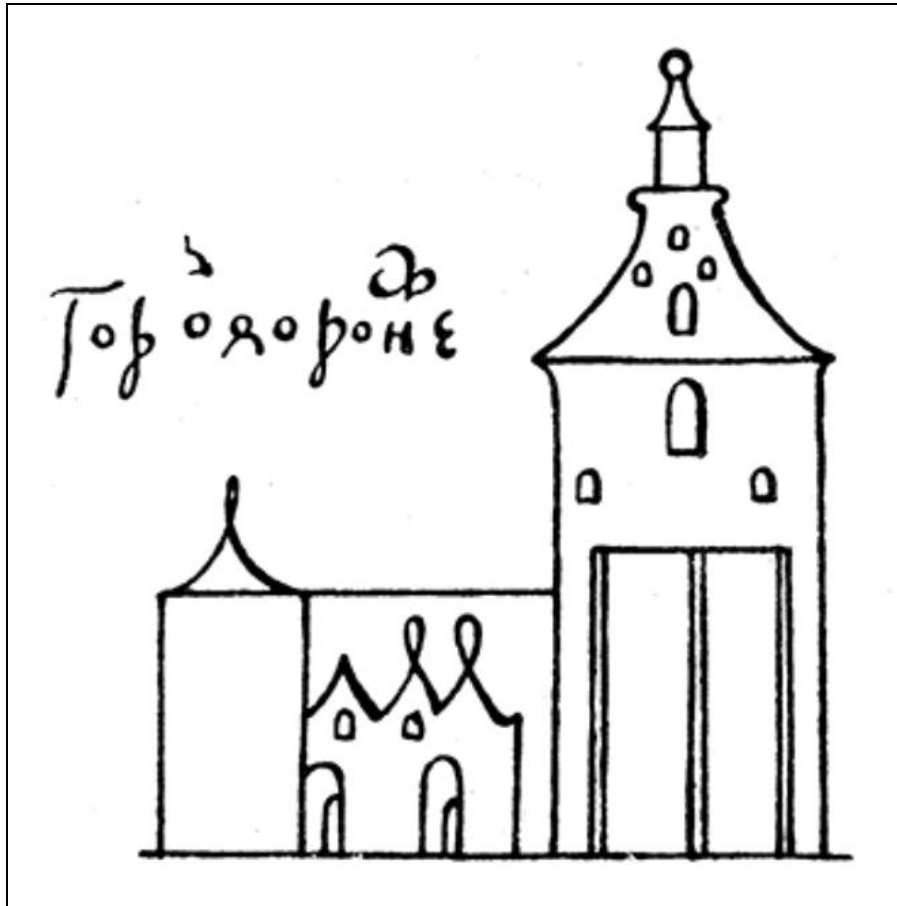

Рис. 2. План крепости Воронеж 1670 г.

Реконструкция Г.А. Каримова

Источник: Каримов Г.А. (1977). Архитектура крепостей Белгородской черты: дис. ... канд. архитектуры: в 2 т. Москва. Т. 2. С. 20.

Illustration 2. Plan of the Voronezh fortress 1670

Reconstruction of G. Karimov

Source: Karimov G.A. (1977). Architecture of fortresses of the Belgorod region: dissertation of a candidate of architecture: in 2 volumes. Moscow, t. 2, p. 20.

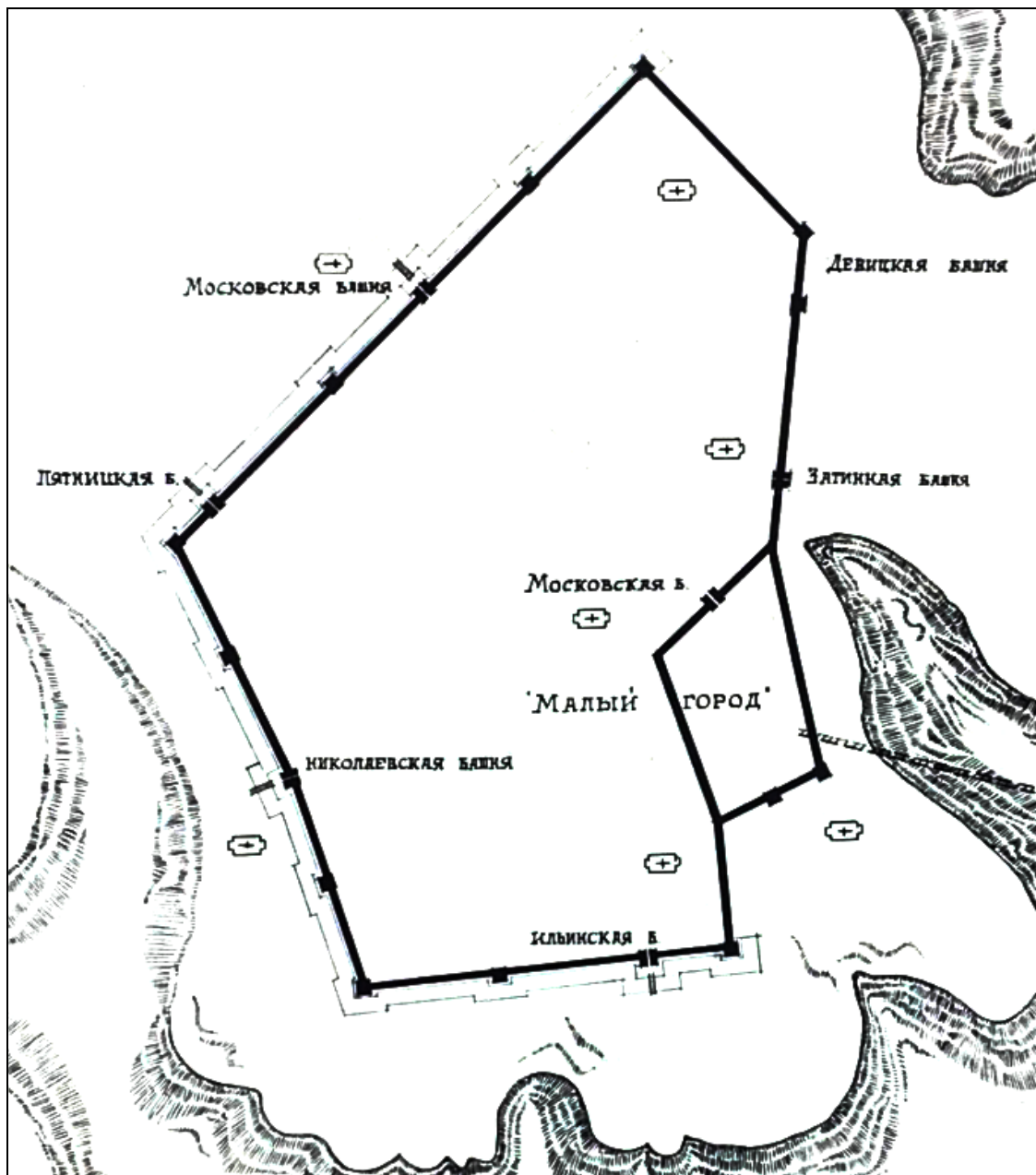

Рис. 3. Воронежская крепость середины XVII в.

1. Рождественская башня, Московские ворота. 2. Девичья башня, Покровские ворота. 3. Башня Затинных ворот. 4. Башня Ильинских ворот. 5. Башня Никольских ворот. 7. Примерное место «малого городка».

Реконструкция В.И. Кошелева и В.П. Загоровского.

Источник: Загоровский В.П., Кошелев В.И. (1961). Основание Воронежа. Город и уезд в первой половине XVII века // Очерки истории Воронежского края: с древнейших времен. Воронеж: ВГУ. С. 34.

Illustration 3. Voronezh fortress of the mid-17th century.

1. Christmas Tower, Moscow Gate. 2. Maiden Tower, Pokrovsky Gate. 3. Zatinny Gate Tower. 4. Pyinsky Gate Tower. 5. Nikolsky Gate Tower. 7. Approximate location of a “small town”.

Reconstruction by V. Koshelev and V. Zagorovsky.

Source: Zagorovsky V., Koshelev V. (1961). Founding of Voronezh. City and district in the first half of the 17th century // Essays on the history of the Voronezh region: from ancient times. Voronezh: VSU, p. 34.

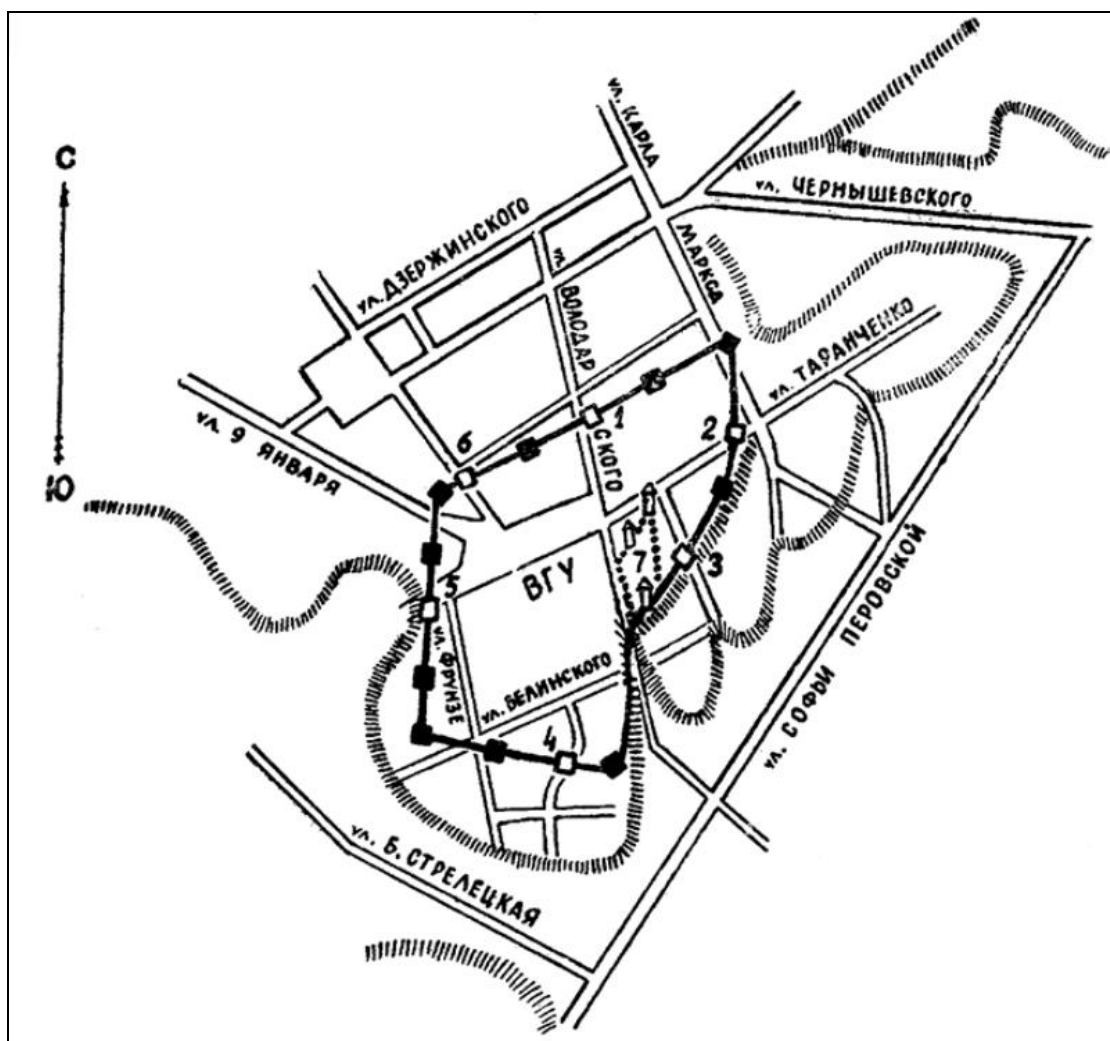

Рис. 4. «Город» Воронеж, 1615 г.

Реконструкция В. И. Кошелева

Кошелев В.И. (1958). Возникновение города Воронежа и его роль в обороне южных рубежей русского государства // Известия ВГПИ. Т. 26. С. 214.

Illustration 4. "City" of Voronezh in 1615

Reconstruction by V. Koshelev

Koshelev V.I. (1958). The emergence of the city of Voronezh and its role in the defense of the southern borders of the Russian state // Izvestia of the VGPI, vol. 26, p. 214.

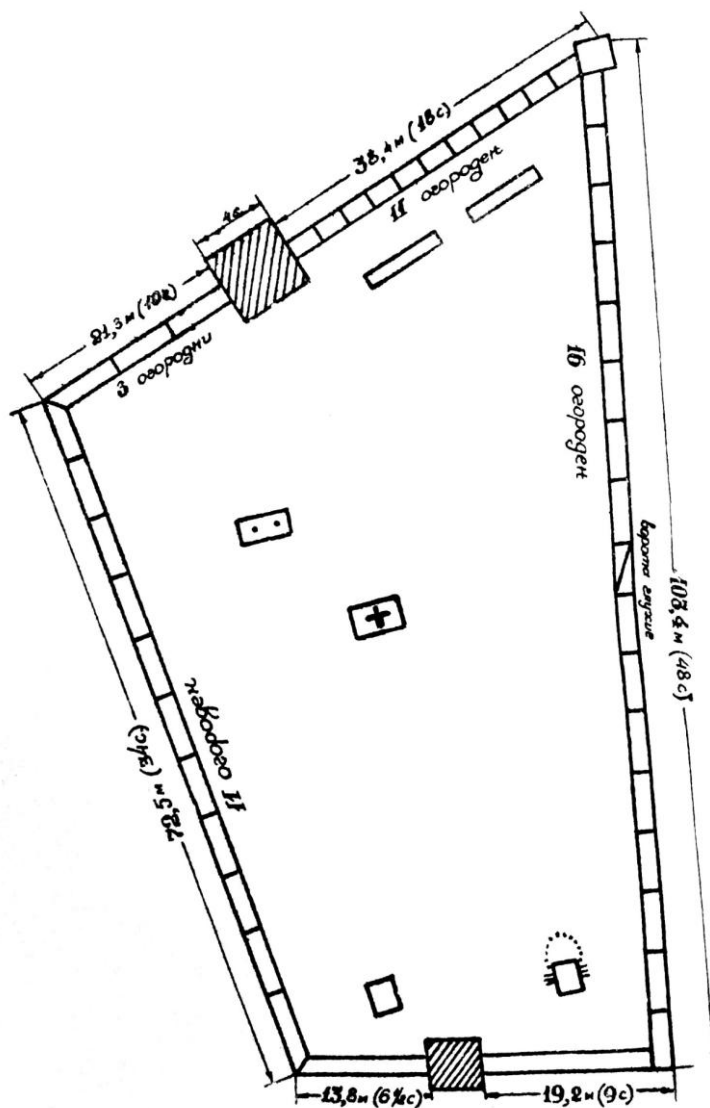

Рис. 5. Плановая реконструкция крепости г. Воронежа 1670 г. В. А. Митина.

Митин В.А. (1983). Архитектурно-планировочное развитие Воронежа и его застройка в конце XVII – начале XX веков : дис. ... канд. архитектуры: в 2 т. Москва. Т. 2. С. 5.

Illustration 5. Voronezh Fortress 1670. Reconstruction by V. Mitin.

Mitin V. A. (1983). Architectural and planning development of Voronezh and its development at the end of the 17th - beginning of the 20th centuries: dissertation of a candidate of architecture: in 2 volumes. Moscow, vol. 2, p. 5.

Рис. 6. Воронежская крепость по данным 1670 г.

Башни: 1 – Пятницкая, 2 – Московская, 3 – Затинная, 4 – Ильинская, 5 – Никольская. М – «Малый городок» (не закрашены: старая стена и Тайницкая башня по данным 1615 г.). Крестики – современные церкви:

1 – Спасская, 2 – Ильинская.

Реконструкция П. А. Попова

Попов П.А. (2003). Воронеж: история города в названиях улиц. 2-е изд. Воронеж: Кварта. С. 10.

Illustration 6. Voronezh fortress in 1670.

Towers: 1 – Pyatnitskaya, 2 – Moskovskaya, 3 – Zatinnaya, 4 – Ilyinskaya,

5 – Nikolskaya. М – “Small Town” (not painted over: the old wall and the Tainitskaya tower according to the data of 1615). Crosses - modern churches:

1 – Spasskaya, 2 – Ilyinskaya.

Reconstruction by P. A. Popov

Popov P.A. (2003). Voronezh: history of the city in street names. 2nd ed. Voronezh: Quart, p. 10.

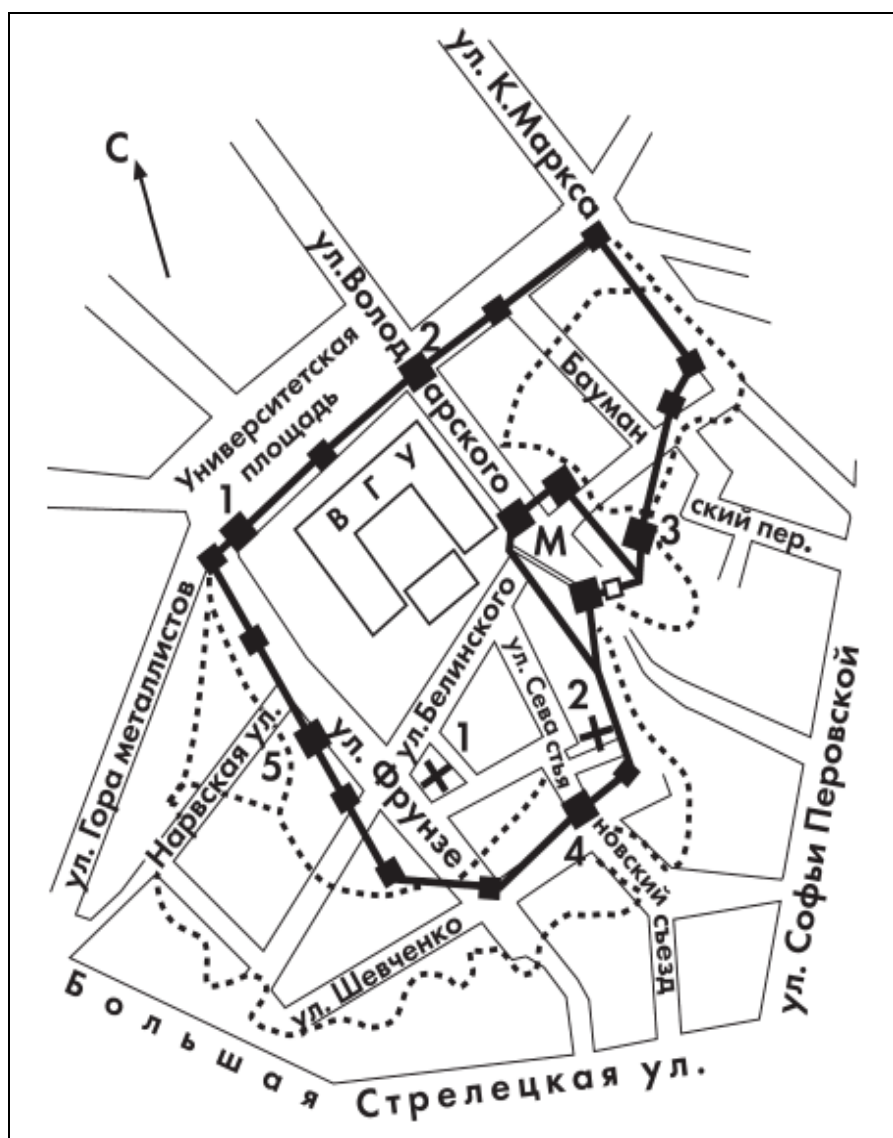

Рис. 7. Реконструкция Воронежской крепости 1670 г. А.И. Дедова
Церкви: 1 – Сборная Благовещенская, 2 – Рождества Богородицы,
3 – Рождества Христова, 4 – Никольская, 5 – Троицкая, 6 – Покровская.

Дедов А. (2011). Градостроительные хроники средневекового Воронежа. Архитектурно-историческое наследие // Парадный квартал. Февраль. С. 25.

Illustration 7. Voronezh fortress in 1670. Reconstruction by A. Dedov.

Churches: 1 – Annunciation Team, 2 – Nativity of the Virgin Mary,
3 – Nativity of Christ, 4 – Nikolskaya, 5 – Trinity, 6 – Pokrovskaya.

Dedov A. (2011). Urban planning chronicles of medieval Voronezh. Architectural and historical heritage // Parade Quarter. February, p. 25.

Рис. 8. Чертеж Воронежской крепости 1690 г. (фрагмент)

Введенский С. (1903). Чертеж города Воронежа времени святителя Митрофана (1690) // Воронежская старина. Вып. 3. Приложение.

Illustration 8. Drawing of the Voronezh fortress in 1690 (fragment)

Vvedensky S. (1903). Drawing of the city of Voronezh from the time of St. Mitrofan (1690) // Voronezh antiquity. Vol. 3. Application.

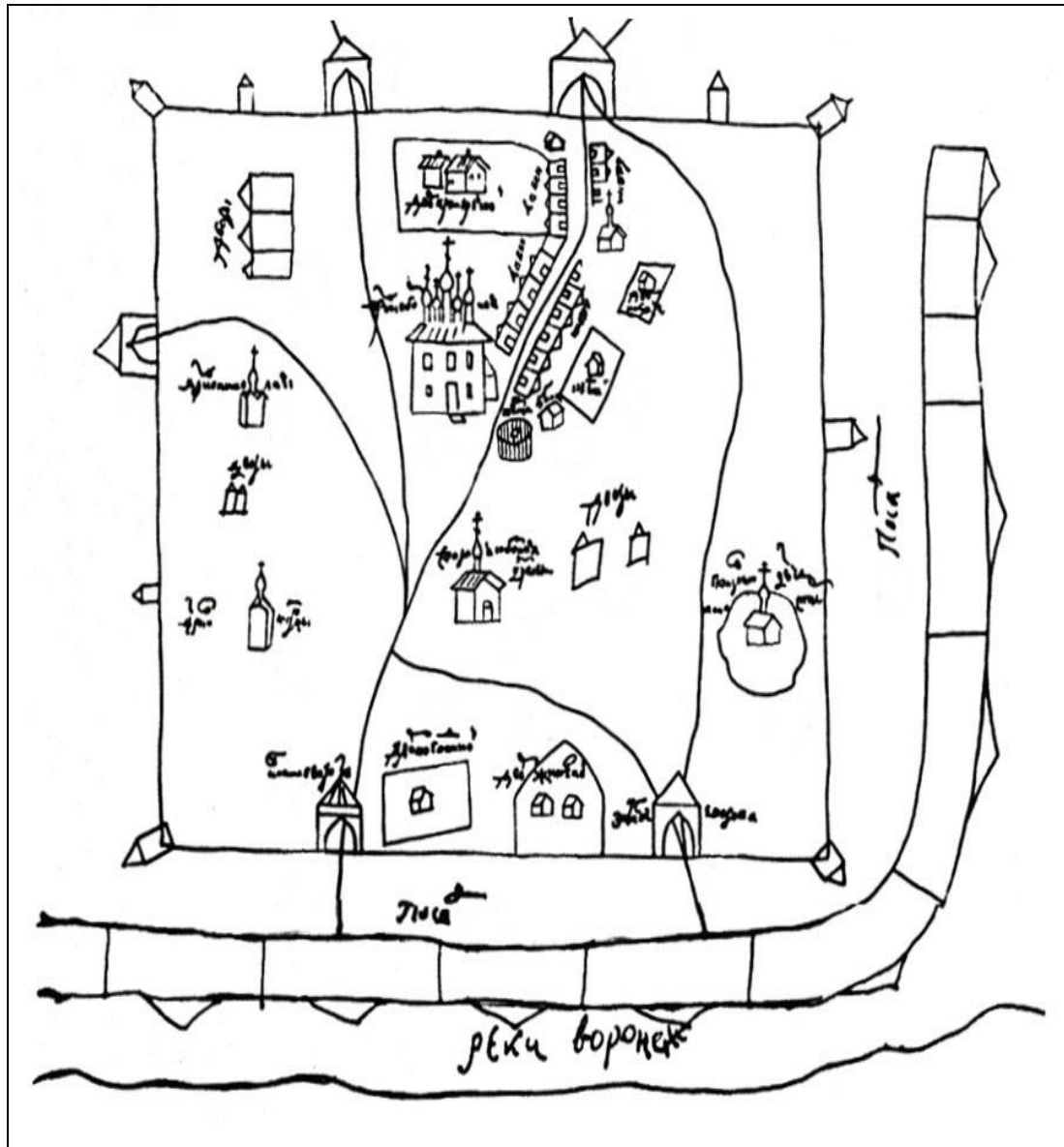
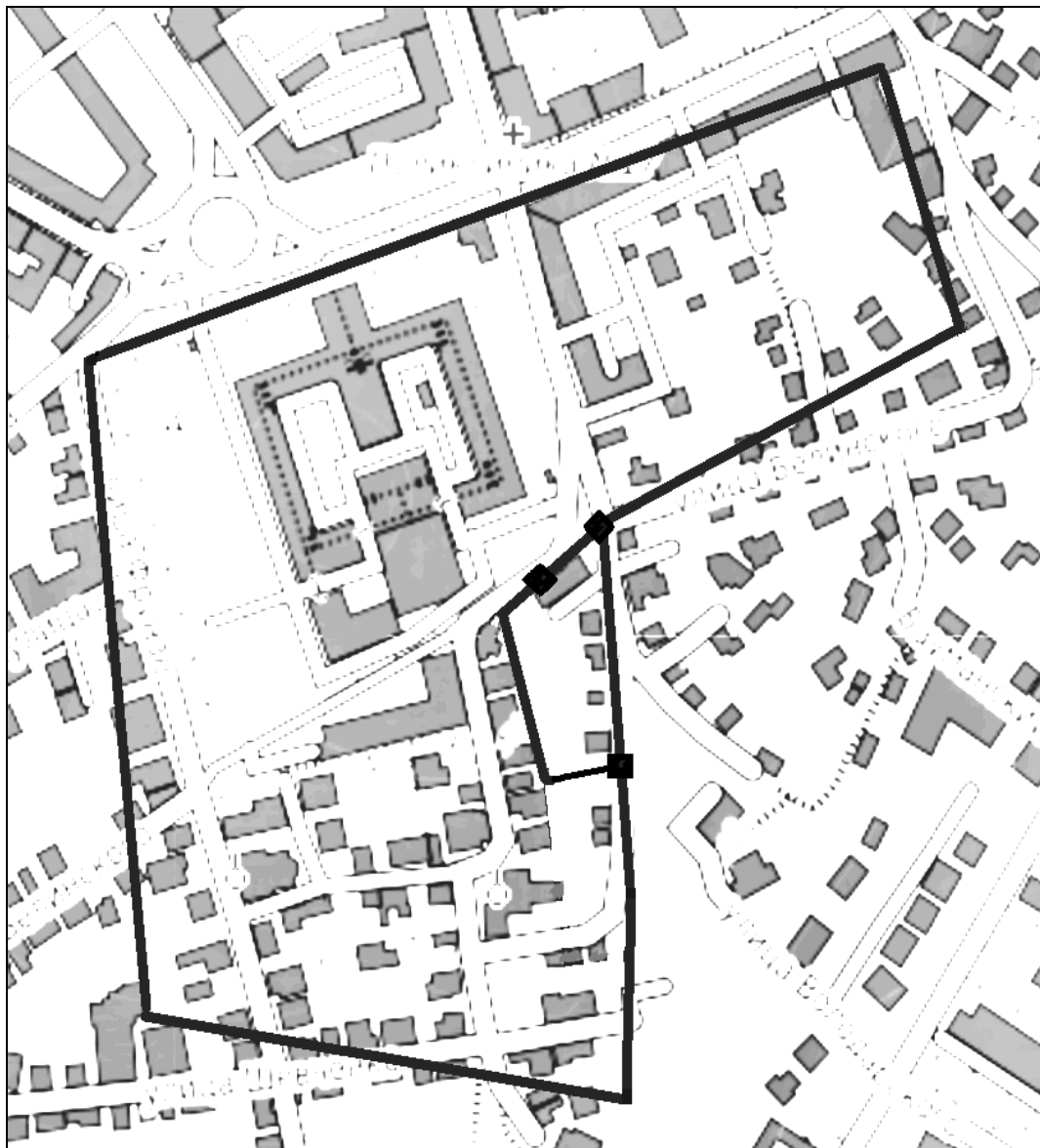

Рис. 9. Воронежская крепость 1670 г. Реконструкция автора.
Illustration 9. Voronezh fortress 1670. Reconstruction by the author.

ОБРАЗ КРЫМСКИХ ТАТАР В ЕВРЕЙСКИХ ХРОНИКАХ ПЕРИОДА «ХМЕЛЬНИЧИНЫ»

М. Е. Шалак

*Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 44006, Россия*

Аннотация

Введение. Целью статьи является детальный анализ тех оценок, которые содержатся в еврейских исторических хрониках периода «Хмельничины» и относятся к характеристикам крымских татар, принимавшим активное участие в восстании Б. М. Хмельницкого. На основании этих оценок мы можем реконструировать тот образ татар-мусульман, который сложился в историческом сознании еврейского позднесредневекового общества под влиянием пережитой катастрофы. **Методы.** Поскольку особенностью данного исследования является исключительное внимание к тексту источника, то широко использовались методы, основанные на анализе текста и методы, основанные на контекстуальном анализе речевых и смысловых конструкций, применяемых еврейскими публицистами и сопоставление их с фактами биографий и историческими событиями, которые возможно могли повлиять на тексты хроник. Для решения поставленных в работе задач также применялись такие конкретно-исторические методы, как историко-сравнительный и историко-типологический. **Результаты.** На основе проделанной работы можно сделать вывод, что для еврейских авторов – создателей исторических хроник периода «Хмельничины», татары-мусульмане выступают хоть и злом, но гораздо меньшим по сравнению с тем злом, что несли еврейскому населению православные-украинцы. В образе крымских татар, в какой-то мере, можно найти даже положительные оценки, показывающие жалость и заботу о тех евреях, которые сдавались им в плен. Чего нельзя сказать об образе православного населения, сложившимся в еврейских хрониках под впечатлением от пережитых ужасов народно-освободительной войны в Украине в середине XVII в. **Заключение.** Крымские татары, принимавшие участие в восстании Богдана Хмельницкого, воспринимались евреями в образе врагов, но с некоторым оттенком уважения, чего мы абсолютно не найдем в сложившемся образе православного населения Украины. Положительной характеристикой крымских татар у еврейских авторов можно считать упоминания об их мобильности и организованности во время войны. По представлениям хронистов, большинство крымских татар, принимавших участие в походах против Речи Посполитой, были профессиональными воинами и могли с успехом противостоять польским панам и шляхте, хорошо знавшим военное дело.

Ключевые слова: крымские татары, восстание Б. Хмельницкого, Украина, Речь Посполитая, еврейские исторические хроники, еврейское население.

Для цитирования: Шалак, М. Е. (2023). Образ крымских татар в еврейских хрониках периода «Хмельничины» // История: факты и символы. № 4 (37). С. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-91-107>

Статья поступила: 20.07.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Шалак М., 2023

THE IMAGE OF THE CRIMEAN TATARS IN THE JEWISH CHRONICLES OF THE KHMELNYTSKY UPRISING PERIOD

Maxim E. Shalak

*Southern Federal University,
105/42, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia*

Abstract

Introduction. The purpose of the article is a detailed analysis of the assessments contained in the Jewish historical chronicles of the Khmelnytsky uprising period and related to the characteristics of the Crimean Tatars who took an active part in the uprising of B.M. Khmelnytsky. Based on these assessments, we can reconstruct the image of the Muslim Tatars that developed in the historical consciousness of the Jewish late medieval society under the influence of the experienced catastrophe. **Methods.** Since the peculiarity of this study is the exceptional attention to the text of the source, methods based on text analysis and methods based on contextual analysis of speech and semantic constructions used by Jewish publicists and comparing them with the facts of biographies and historical events that could possibly affect the texts of chronicles were widely used. To solve the tasks set in the work, such concrete historical methods as historical-comparative and historical-typological were also used. **Results.** On the basis of the work done, it can be concluded that for Jewish authors – creators of historical chronicles of the period of the «Khmelnychyn», the Muslim Tatars act, though evil, but much less than the evil that the Orthodox Ukrainians carried to the Jewish population. In the image of the Crimean Tatars, to some extent, one can even find positive assessments showing pity and concern for those Jews who surrendered to them. The same cannot be said about the image of the Orthodox population that has developed in Jewish chronicles under the impression of the horrors of the People's Liberation war in Ukraine in the middle of the XVII century. **Conclusion.** The Crimean Tatars who took part in the uprising of Bohdan Khmelnytsky were perceived by Jews as enemies, but with a certain shade of respect, which we absolutely will not find in the current image of the Orthodox population of Ukraine.

Keywords: Crimean Tatars, B. Khmelnytsky's uprising, Ukraine, Polish-Lithuanian Commonwealth, Jewish historical chronicles, Jewish population

For citation: Shalak M.E. The image of the Crimean Tatars in Jewish chronicles of the Khmelnytsky period In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 91-107, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-91-107>

Received: 20.07.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Shalak M., 2023

1. Введение

Статья посвящена анализу еврейских исторических хроник, возникших в середине XVII в., на предмет выявления сведений и оценок, относящихся к крымским татарам и ногайцам, принимавших активное участие в национально-освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого. Это хроника Натана Ноты Ганновера «Пучина

бездонная» (1653 г.), хроника Мейера из Щебржешина «Тяготы времен» (1650 г.) и «Послание» Саббатай Гакогена (1651 г.). Эти хроники были собраны, переведены и прокомментированы еще в середине 1930-х историком С. Я. Боровым [11]. Однако на предмет изучения оценок, которые давались еврейскими очевидцами событий татарам-мусульманам, эти исторические источники эпохи «Хмельничины» исследуются впервые.

Общей темой этих хроник является повествование о трагедии еврейского народа Украины, пережитой во время казацкого восстания под руководством Б. М. Хмельницкого, в последствии переросшего в национально-освободительную войну украинского народа против Речи Посполитой. Все упомянутые нами авторы передают события тех лет через призму лично пережитого впечатления, порой весьма преувеличенного, с десятками тысяч трупов, сотнями разрушенных общин, тотальным разорением и почти всегда лично перенесенной смертельной опасности. Поэтому, конечно же, об объективности данных источников говорить не приходится. В то же время, изучая эти субъективные оценки следует учитывать, что они основываются на системе ценностей, общепринятой в конкретной социальной или этнической группе и играют в сфере исторического сознания одну из главных ролей. Эти оценки обуславливают, в частности, отношение индивида к прошлому и пережитому, к памяти о нем как к ценности [16, с. 73]. Поэтому система ценностей в структуре исторического сознания включает в себя как общепринятые моральные устои и идеалы, нравственные нормы, господствующие в конкретной социальной или этнической группе, так и субъективные, личностные оценки на происходящие события. В свою очередь эти личностные оценки зависят от общепринятых норм и личного, индивидуального исторического опыта, пережитого конкретным лицом, от конкретной психологии человека, от уровня его нравственного, этического и интеллектуального развития.

Если говорить об авторах наших хроник, то об авторе хроники «Пучина бездонная» – Натане Ноте Ганновере, известно больше, чем о других украинских евреях-хронистах. Его отец, живший в Остроге и принадлежавший к иудейскому клиру, был убит повстанцами во время захвата города в 1648 г. Сам Натан Ганновер в это время проживал у одного еврейского купца в качестве ученого «зятя на иждевении» в г. Заславе (Изяславе) [11, с. 31]. В то время в еврейском быту было весьма распространенным явлением выдавать девушек из богатых семей замуж за ученых юношей, отпрысков известных раввинских родов. При приближении войска казаков к Изяславу, Натан Ганновер с семьей бежал в Европу. После долгих скитаний он осел в Венеции, где в 1653 г. издал своё произведение «Пучина бездонная». Позже из Италии Ганновер перебрался в Молдавию, где служил раввином сначала в Яссах, а потом в Фокшанах. В начале 70-х гг. XVII в. он переехал в Моравию и поселился в городке Унгарнш Броды. Во время разгрома этого городка в 1683 г. куруцами графа Текели, союзника Турции, Натан Ганновер был убит [11, с. 33].

Автор другой хроники – Саббатай Гакоген (1621–1663), был раввином в Вильно. Он пишет свое «Послание» в 1651 г., но издает в Амстердаме только через 4 года, поскольку в 1655 г., перед захватом Вильно московскими войсками, Саббатай бежал оттуда в Моравию, как и большинство еврейского населения города [11, с. 34].

Об авторе третьей хроники – «Тяготы времен» – Мейере из Щебржешина, известно ещё меньше. Из самого текста этого источника можно заключить, что Мейер был раввином г. Щебржешин (Щебжешин) в Польше, сыном раввина Самуила. Во время вторжения казаков Хмельницкого собственно в польские земли, Мейер бежал в Краков, где и издал свое произведение в 1650 г. [11, с. 155].

Все эти три еврейские хроники, как уже отмечалось выше, были собраны, переведены на русский язык и снабжены развернутым научным комментарием С.Я. Боровым по заказу издательства «Academia», которое в середине 30-х гг. XX в. возглавлял Л.Б. Каменев. После

ареста последнего и ликвидации «Academia» Боровой передал рукопись издательству «Соцэкгиз», где в декабре 1936 г. она была набрана и сверстана. Однако, тогда выйти книге было не суждено. Шансы на публикацию еврейских хроник в к. 30-х гг. XX в. были крайне малы. Только спустя 60 лет еврейские хроники XVII в. были опубликованы и стали доступны широкому кругу читателей.

2. Методы

В нашем исследовании эти исторические источники будут проанализированы на предмет выявления оценок, которые еврейские хронисты давали крымским татарам и ногайцам, союзникам казаков Б. Хмельницкого на начальном этапе восстания в 1648–1653 гг. На основании выявленных оценок мы сможем реконструировать тот образ татар-мусульман, который сложился в историческом сознании представителей интеллектуальной элиты иудейских общин Украины и Польши в эпоху позднего Средневековья. С известной долей условности можно предположить, что этот образ мусульман был характерен для всего еврейского общества Восточной и Центральной Европы XVII в.

3. Результаты

Если обратиться к самому обширному из этих хроник произведению – «Пучине бездонной», то уже в предисловии Натан Ганновер сообщает, что в 1648 г. православные восстали против королевской власти и соединились с татарами, «потомками злодеев» [7, с. 83]. Ганновер под православными понимал, в первую очередь запорожских казаков, а в широком смысле имел в виду всех вообще украинцев, принявших участие в национально-освободительной войне под руководством Б. М. Хмельницкого. Под татарами еврейский хронист имеет в виду крымцев и ногайцев, которые выступили в союзе с казаками. Назвав татар «потомками злодеев», автор как бы сразу задает негативный тон в их адрес. Далее он замечает, что ещё царь Давид пророчествовал, как соединятся татары с православными, чтобы уничтожить народ Израиля в 1648 г. То есть, события, развернувшиеся в Украине, очевидцем которых был Ганновер, носили, по его убеждению, некий глобальный характер.

Дело в том, что средневековый еврейский автор, увлекавшийся каббалой и веривший в тайный смысл, заключенный в словах и буквах, пророчество Давида из 32 псалма соотносит с гематрией (суммой числовых значений букв), составляющих фразу «православный и татарин соединились вместе (пес и кот), чтобы в этом 5648 году уничтожить народ израильский, который уподобился заблудшей овце» [7, с. 83]. Здесь к образам православного и татарина Ганновер добавляет соотношение с животными – псом и котом соответственно, явно не почитаемыми в еврейском обществе. Так, пес, собака считается евреями одним из самых нечистых животных. Собака часто упоминается в Священном Писании, как символ ничтожества и презрения (1Цар 17.43, Притч 26.11), свирепых врагов (Пс 21.17). Под псами у Ганновера подразумеваются православные, а под котами – татары. В Торе кошки не упоминаются ни разу. Это можно объяснить тем, что евреи очень хорошо познакомились с культом кошки, процветающем в Древнем Египте. Отсюда вытекает крайне неприязненное отношение к этому животному в иудаизме, как к объекту религиозного поклонения и олицетворению мертвечины, связанному с практикой мумификации кошек, весьма распространенной у египтян. Далее он приводит гематрию фразы из 64 псалма «утонул я в пучине бездонной», которая якобы равна гематрии «“Хмель и татарин соединились с православными” (скорпион и пчела)!» [7, с. 84]. И опять мы видим, как автор формирует негативный образ, как православных, так и татар, сравнивая их с

животными, которые не только считаются нечистыми в иудаизме, но и представляют опасность для человека.

Ганновер поясняет, что назвал свою книгу «Пучина бездонная», поскольку в названии содержится намек на ужасное бедствие, на народ татарский и православных, а последние «это враждебное племя» [7, с. 84]. Следовательно, татары не воспринимались евреями как исконно враждебный народ. Поэтому татары хоть и зло, но меньшее по сравнению с православными.

В предисловии к своей хронике Натан Ганновер оговаривает, что вообще-то между татарами и православными существовала извечная вражда, но, взбунтовавшись против польского короля, православные соединились с татарами, «уподобясь бешеной корове».

Переходя собственно к изложению событий, хронист начинает с рассказа о том, кто такие казаки. Так, согласно его теории, король Сигизмунд III (1587–1632) отобрал 30 000 наиболее отважных из своих православных подданных и сформировал из них войско казаков. Эти казаки были освобождены им от уплаты всяческих податей, а взамен поселялись на границе Руси и страны татар, от набегов которых должны были защищать государство. Эти татары были «от века» большой проблемой («камнем преткновения») для Польши. Всегда, замечает Ганновер, между татарами и православными была «великая ненависть», православные воевали с татарами, а татары с православными [7, с. 85].

Обрисовав общую обстановку накануне восстания, хронист начинает описывать события 1648–1652 гг. И начинает он с того, как хорунжий великий коронный Речи Посполитой князь Александр Конецпольский (1620–1659) отправился в свои заднепровские владения, чтобы вместе с казаками совершить внезапное нападение на татар и захватить большую добычу, «как это водится с давних времен», добавляет от себя хронист [7, с. 90]. Прибыв в Чигирин, польский хорунжий начал расспрашивать управляющего городом – еврея Захария Собиленко (Собиленского), кто самые богатые жители города, надеясь получить от таковых большие денежные подношения. Тогда управляющий еврей-арендатор назвал, среди прочих, «злодея Хмеля», сказав, что он очень богат и владеет большими стадами. В итоге А. Конецпольский насильно отобрал у Б. Хмельницкого его хутор и весь скот. Готовя месть польскому магнату, Хмельницкий извещает татар о готовящемся на них нападении. Татары, как сообщает еврейский хронист, в это время жили совершенно спокойно и ни от кого не ожидали войны. Но, когда узнали от Хмельницкого о планах польского хорунжего, тотчас выступили навстречу ему, «вооружившись саблями и луками». Здесь мы видим свидетельство хрониста о типе вооружения крымских татар, которое является для нас весьма ценным, поскольку не сообщает о наличии какого-либо огнестрельного оружия у крымцев в то время, когда в Европе оно получает повсеместное распространение, по крайней мере, ещё с XVI в.

Встретив превосходящее татарское войско, князь А. Конецпольский вынужден был бежать с «великим позором» [7, с. 91]. Согласно Ганноверу, Б. Хмельницкий оказал услугу татарам исходя из личной мести, а не из дружественного расположения к ним. Когда же в 1648 г. в Запорожской Сечи Хмельницким было поднято восстание, то на войсковом совете гетман якобы сказал: «Вы ведь знаете, что поляки сильнее нас, они храбры, как львы, “их лица пылают”» [7, с. 92]. Вот яркий образ поляков, нарисованный Ганновером, явно отличающийся от образа украинцев и татар, показанного нами ранее.

Осознавая, что бороться против Польши в одиночку бесперспективно, Хмельницкий предлагает казакам помириться с татарами, «нашими врагами», и вместе ударить по полякам. Предложение гетмана было принято и, как сообщает Ганновер, Хмель со всем своим войском отправился к крымскому хану, «примирился с ним» и заключил военный союз против Польши [7, с. 92]. Здесь мы видим ошибку хрониста в изложении событий. Дело в том, что сам Богдан Хмельницкий не ездил зимой 1648 г. в Бахчисарай к Ислам-Гирею III (1644–1654). Туда были отправлены его послы [15, с. 72]. Правда бытует мнение, что в Крым вместе с послами Б. Хмельницкий отправил своего сына Тимофея, который, в случае необходимости, мог остаться там, в качестве почетного заложника. Однако, свидетельства современников опровергают это мнение.

По сообщению придворного ханского историографа Кырымлы Хаджи Мехмеда Сенаи, служившего секретарем (мюншием) в ханской канцелярии Бахчисарая и написавшего в 1651 г. «Историю Ислам Гирея» по просьбе ханского визиря Сефера Гази-аги, «гетман по имени Мельниска, ... человек умный и богатырь бесстрашный, выбросивший из сердца прежнюю враждебность к [нашей] вере», обратился за помощью к Ислам-Гирею III через своих полномочных послов. Крымский хронист описывает прием, во время которого посланцы гетмана, «исполнив церемониал покорности, пожаловались на свою слабость и на притеснения со стороны ляхов, а так как, согласно обычаям Чингизовым обратившимся за помощью прощаются их прежняя вражда и провинность, то последовал приказ прикрыть все прошлые обиды подолом прощения». Мехмед Сенаи писал, поскольку поддержка просящих всегда была в приоритете у правящего дома Гиреев, то к гетману Мельниске была проявлена милость: в ответ на выражение покорности на помощь казакам были направлены несколько татарских эмиров – «гонителей врагов», во главе с сераскером Ор-Капы Тугай-беем. Сам Ислам-Гирей, по словам крымского историка, взял на личный контроль все приготовления, связанные с предстоящим военным походом против Речи Посполитой [1, с. 329].

Существует и ещё одно предание, согласно которому Б. Хмельницкий, дабы заручиться поддержкой крымских татар, передал некоему мурзе его сына, захваченного перед этим в плен запорожскими казаками. Об этом сообщает в своей записке русский гонец в Польше дьяк Григорий Кунаков [2, с. 280–281]. Якобы именно этот жест «доброй воли» запорожского гетмана способствовал заключению союза между запорожцами и Крымским ханством.

Однако ничего такого еврейские хроники нам не сообщают. Н. Ганновер пишет, что между казаками и татарами был заключен договор, по которому все захваченные пленники и скот достанутся татарам, а казакам – все остальное, включая золото, серебро и одежду. Заключает этот сюжет хронист цитатой из Священного Писания: «мидиянин и моов, ненависти ради к израильтянам, заключили между собой союз» [7, с. 92]. Получается, что главным стимулом, заставившим «извечных» врагов пойти на союз, был банальный грабеж. И так, пишет Ганновер, отправились православные и татары в поход, «пройдя через пустыню и леса» и подступили к лагерю ничего не подозревавших поляков [7, с. 92].

Далее еврейский хронист сразу переходит к описанию корсунской битвы 26 мая 1648 г., совершенно не упоминая о битве под Желтыми водами, которая произошла ранее, 5–8 мая 1648 г., и завершилась полным уничтожением польского корпуса Стефана Потоцкого [17, с. 74–81]. Тем не менее, Ганновер довольно точно описал Корсунское сражение, хоть и преувеличил число казаков и татар, принимавших в нем участие, в 60 тыс. чел. Польское

войско под командованием коронного гетмана Н. Потоцкого и польного гетмана М. Калиновского было окружено. Как сообщает хроника, польские предводители попросили не проливать их крови, а взять в плен, на что татары сразу согласились. Они взяли себе всех сдавшихся поляков, включая двух гетманов. Ганновер уточняет, что Потоцкого и Калиновского подвергли тяжким пыткам и заковали в железные колодки [7, с. 93].

Подробно Ганновер останавливается на описании разорения татарами и казаками еврейских общин, располагавшихся в районах ведения боевых действий и не успевших спастись бегством, как-то общины Переяслава, Борисовки, Пирятина, Борисполя, Лубен, Лохвица и др. Описания тех ужасов и казней, которым восставшие подвергали еврейское население Украины, имели целью сформировать определенный образ врага у читателей [7, с. 94–95]. При этом надо отметить, что евреи четко различали, какая участь их может ждать, попадись они в руки к православным или к татарам. Так, описывая реакцию евреев из общин Погребища, Животова, Божувка и Тетиева на известие о приближении казацко-татарского войска, хронист вкладывает в их уста следующее рассуждение: «Если мы будем ждать, пока придут православные в город, они нас уничтожат или заставят – от чего да хранит Бог – изменить вере. Лучше будет, если мы пойдем в стан татар и отдадимся в плен; мы знаем, что наши братья, сыны Израиля, в Константинополе и других общинах Турции очень милосердны, и они нас выкупят за деньги» [7, с. 95]. После чего около 3-х тыс. мужчин, женщин и детей отправились сразу к татарам и подняли великий плач. Сжалившись над евреями, татары стали утешать их и якобы сказали: «Не беспокойтесь, вы не будете иметь недостатка ни в еде, ни в питье. ... Скоро мы вас отведем к вашим братьям в Константинополь, и они вас выкупят из плена» [7, с. 95].

В итоге, пишет хронист, татары так и поступили с теми евреями, которые сдались им в плен. Ганновер сообщает, что всего около 20 тыс. евреев, захваченных крымцами в Речи Посполитой, было выкуплено из плена в Константинополе их единоплеменниками, добавляя при этом, что и по сей день, вся Турция проявляет к ним несказанное милосердие [7, с. 95]. Таким образом, можно сделать вывод, что для еврейского автора – создателя исторической хроники периода «Хмельничины», татары-мусульмане выступали хоть и злом, но гораздо меньшим по сравнению с тем злом, что несли еврейскому населению православные-украинцы. В образе крымских татар, в какой-то мере, можно найти даже положительные оценки, показывающие жалость и заботу о тех евреях, которые сдавались им в плен. Зато этих положительных оттенков нельзя найти в образе православного населения, сложившимся в еврейских хрониках под впечатлением от пережитых ужасов народно-освободительной войны в Украине в середине XVII в.

После первых побед основное крымское войско, захватив огромный полон, по словам Ганновера, двинулись обратно в Крым, а Хмельницкий с казаками и несколькими тысячами оставшихся с ним татар отправился в Чигирин [7, с. 96]. В ожидании нового столкновения с польскими войсками, восставшие решают вновь отправить посланников к хану, дабы заручиться его поддержкой на будущее. Тем временем в Польше был объявлен общий сбор шляхетского войска для борьбы с казаками. Но сбор польских панов проходил крайне медленно, так как, по мнению Н. Ганновера, в королевстве Польском на войну шляхтичи всегда собираются не торопясь, очень мешкая, «в противоположность татарам и православным, которые отправляются в поход не лентяя, с большой поспешностью» [7,

с. 98]. Следовательно, мы находим ещё одну положительную характеристику крымских татар у еврейского автора, отмечавшего их мобильность и организованность во время войны.

Интересно описание осады г. Полонное, оставленное Ганновером. 20 июля 1648 г. казаки и татары, к которым присоединилось ещё 20 тыс. местного православного населения, приступили к осаде города. В нем оборонялось около 2 тыс. шляхты и 12 тыс. евреев. Однако, благодаря измене православного населения города, которых еврейский автор именует «крепостными панов», перешедших на сторону осаждавших, город был взят 22 июля. По сообщению хрониста польским панам удалось спастись бегством, тогда как почти 10 тыс. евреев были убиты «всеми существующими видами убиения» [7, с. 105]. Вместе со всеми погиб в Полонном и известный каббалист Самсон, призывавший евреев к покаянию, однако и это не спасло несчастных от расправы. Удалось спастись лишь несколькими сотням евреев, которые либо перешли в православие, либо попали в плен к татарам [7, с. 105]. То есть снова еврейский хронист показывает нам, насколько отличалась участь иудеев, попавших в руки к православным, от участи тех, кто попадал в плен к татарам.

Весьма информативен рассказ Ганновера о сражении между войсками Б. Хмельницкого и И. Вишневецкого, произошедшем у Пилявец 20 сентября 1648 г. Во-первых, хроника подробно указывает нам на место, где расположились войска противников: у «Липовец» (именно так назван город в хронике), неподалеку от речки (река Иква, левый приток Южного Буга), на расстоянии 5 миль от Константинова [7, с. 110]. Казаки и татары выстроились в боевой порядок на одном берегу реки, князь Вишневецкий – на другом. Во-вторых, есть информация о численности войск с обеих сторон. Войско Хмельницкого со всеми казаками и «прочими православными» якобы насчитывало 500 тыс. чел. (в другом месте Ганновер говорит уже о 600 тыс. православных). Это явно преувеличенная цифра. По подсчетам современных историков, под Пилявцами Хмельницкий располагал войском максимум в 50–70 тыс. чел. [18, с. 424; 19, s. 85]. С другой стороны, вместе с подошедшей 30 тыс. легкой и тяжелой конницей «гетмана» князя Владислава-Доминика Заславского, польское войско у Ганновера насчитывало 80 тыс. «храбрых и обученных военному делу воинов», а также включало обоз, состоявший из 150 тыс. телег и повозок [7, с. 110]. Здесь опять мы сталкиваемся с завышенной цифрой, хоть и не на столько, как в случае с оценкой численности войска казаков и крестьян под руководством Б. Хмельницкого и М. Кривоноса. По подсчетам Н. Яковенко, польское войско состояло из 35–40 тыс. шляхтичей и жолнеров, а количество телег достигало 100 тыс. [18, с. 422, 424]. В. Кучарский оценивает польское войско в 30–34 тыс. чел. [19, s. 84].

Таким образом, мы видим, что реальный перевес казацкого войска (50–70 тыс.) над польским (30–40 тыс.) был не столь значителен, как у Н. Ганновера (600 тыс. против 80 тыс. соответственно). При этом еврейский хронист отмечал, что эти 600 тыс. православных не стоили и 20 тыс. поляков, ведь в большинстве своем войско Хмельницкого состояло из крестьян и мещан, вооруженных пиками и косами. Они не были обучены военному делу и вся их тактика заключалась в том, чтобы громкими криками и шумом попытаться устрашить врага. Единственной боеспособной силой восставших были казаки и «часть» татар, общей численностью ок. 20 тыс. чел. [7, с. 110]. Получается, что с точки зрения Ганновера, далеко не все крымские татары, принимавшие участие в походе против Речи Посполитой, были профессиональными воинами и могли с успехом противостоять польским панам и шляхте, хорошо знавшим военное дело.

В воскресенье 20 сентября 1648 г. началась битва у Пилявец. Согласно еврейской хронике Ганновера, в первый день победу одержали польские полки И. Вишневецкого. Здесь следует отметить, что, несмотря на то, что официально командование польским войском было возложено на региментариев (временных главнокомандующих, поскольку оба гетмана находились в плену) – воеводу сандомирского князя Владислава-Доминика Заславского, великого подчашего коронного Николая Остророга и великого хорунжего коронного Александра Конецпольского, в хронике главой польского войска выступает воевода русский князь Иеремия Вишневецкий [18, с. 422]. Это является показателем того, насколько в историческом сознании польского общества середины XVII в. был высок авторитет этого выдающегося полководца. На следующий день войско Вишневецкого опять разбило православных. Тогда якобы Хмельницкий запросил у князя Заславского перемирия на два дня, ожидая скорого пришествия татарского войска, численностью якобы аж в 100 тыс. чел., которое вели «два татарских военачальника; второго из них звали Тугай-бей» [7, с. 111].

Имя первого татарского предводителя Ганновер не называет. Известно, что крымский хан Ислам-Гирей III поручил возглавить поход крымского войска своему брату – калгесултану Крым-Гирею (1644–1651) [17, с. 95]. Вообще источники называют разное количество крымских военачальников, участвовавших в этом походе. В записке посла Б. Хмельницкого С. Мужилковского русскому царю Алексею Михайловичу от 4 февраля 1649 г. говорится о трех предводителях: «Тугай-бей с царем крымским и з братом его» [5, с. 130]. В показаниях пленного татарина Канмамбета, датированных октябрём 1648 г., сказано, что старшим над крымской ордой был «султан, вторым Торкай-бей, третьим Кая-бей» [10, с. 186]. Тугай-бей, как союзник Хмельницкого, фигурирует практически во всех известным нам источниках, при этом он часто выступает как предводитель всего крымского войска. По крайней мере, это единственный татарский военачальник, который назван в хронике по имени.

Относительно численности крымского войска в 100 тыс. чел., то эта цифра фигурирует не только у Ганновера. Более чем 100 тыс. чел. называл казацкий посол в Москве Силуян Мужилковский [5, с. 130]. Пленный поляками татарин Канмамбет также говорил о 100 тыс. крымцев [10, с. 186]. Хотя есть и более сдержанные оценки современников относительно численности крымского войска, пришедшего на помощь Б. Хмельницкому осенью 1648 г. В показаниях пленного сенчанского (сечевого?) казака, датированных концом сентября – началом октября 1648 г. сказано, что «татар было 30 тысяч» [10, с. 152]. В отписке З. Леонтьева и И. Кобыльского русскому царю от 1 ноября 1648 г. сообщается, что в боях с поляками в сентябре 1648 г. на стороне Хмельницкого приняло участие «Крымских и Нагайских Татар тысяч с сорок» [3, с. 277]. Уже после разгрома поляков 10 тыс. татар отправилось с полоном в Крым, а 30 тыс. осталось с Хмельницким [3, с. 278]. В письме пана воеводы Брацлавского А. Киселя к пану канцлеру коронному Е. Оссолинскому от 22 августа 1648 г. говорится, что татар идет к Хмельницкому 30 тыс., при этом уточняется – «как он (Хмельницкий – *М.Ш.*) сам объявил» [13, с. 217]. Князь И. Вишневецкий в письме от 30 августа 1648 г. князю Примасу архиепископу Гнезненскому Мацею Лубенскому также называет цифру в 30 тыс. [13, с. 254]. Пленный казачий сотник из Корсуня Х. Калина 4 сентября 1648 г. рассказал на допросе, что татар, заключивших договор с Хмельницким, было 10 тыс., но часть их ушла с ясырем. Ещё 40 тыс. татар должны вскоре примкнуть к казакам, а по слухам 100 тыс. ногайцев, «все поголовно», идут к Хмельницкому, но с ними

пока договор не заключили [9, с. 630]. В статейном списке окольного князя Д.П. Львова и дьяка О. Трофимова говорится, что по показаниям торгового человека из Литвы, «белорусца» А. Микифорова, сообщенным 1 октября 1648 г., на помощь к Б. Хмельницкому пришло более 30 тыс. татар [8, с. 610].

Таким образом, мы видим очень большой разницей в показаниях современников относительно численности татарского войска, пришедшего на помощь к Б. Хмельницкому на кануне битвы у Пилявец. Современные польские ученые вообще называют цифру в 3–4 тыс. всадников, которых привел с собой под Пилявцы крымский калга Крым-Гирей [19, s. 85].

Но вернемся к нашей хронике. Во вторник 22 сентября, под вечер, в лагерь Хмельницкого пришло стотысячное татарское войско и там началось всеобщее ликование. Поляки не могли понять причин этой радости, но когда удалось взять в плен православного, то он якобы сказал: «К нам пришло на подмогу сто тысяч татарских воинов; они храбры, как львы, кто сможет устоять против них?» [7, с. 111]. Также Ганновер пишет, что Хмельницкий отправил послание князю Заславскому, в котором сообщал о прибытии к нему татар – «многочисленные, что песок на берегу моря, – и вам не устоять против них и моего народа. Как бы ни попало королевство Польское – от чего хранит Бог – в руки татар» [7, с. 111]. Получается, по мнению Ганновера, Хмельницкий совершенно не хотел, что бы Речь Посполитая была покорена Крымским ханством. Узнав о приходе крымцев, по сообщению хроники, поляков обуял такой страх, что они все бежали с поля битвы, оставив на разорение православным и татарам всю Польшу, Русь и Литву.

Затем Ганновер пишет о разорении восставшими Бара и осаде Львова – столичного города, в котором располагалась одна из четырех крупнейших еврейских общин Польши. Под Львовом были убиты тысячи православных и татар [7, с. 114–115]. Осада длилась три недели, пока не было решено взять с города выкуп в 200 тыс. злотых. Оттуда Хмельницкий двинулся дальше, на Замостье. Осада города продолжалась в течение ноября 1648 г. Тогда, согласно Ганноверу, православные и татары решили обратиться к волхованию – чародейством они запустили в небо «огненного змея». Однако, истолковав знамение в негативном для себя варианте, Хмельницкий отправил к горожанам послов с предложением откупиться, как это было во Львове. Обе стороны сошлись на сумме в 20 тыс. злотых (ровно в 10 раз меньше по сравнению со Львовом). Тут же под стены города казаки и татары привели пленных для выкупа. Так евреи Замостья смогли выкупить из плена несколько сотен своих соплеменников [7, с. 119].

Но всё было не совсем так, как рассказывает нам еврейская хроника Ганновера. Дело в том, что начало таять казачье войско. Сразу после осады Львова ушли домой татары Крым-Гирей [18, с. 426]. 24 октября калга-султан с крымским войском двинулся к Каменец-Подольскому, там переправился через Днестр и, пройдя Молдавию, ушел в Крым [17, с. 106]. С Хмельницким остался лишь «перекопский князь» Тугай-бей со своими людьми [1, с. 345–346]. Количество татар, которые были с Тугай-беем, современники оценивали всего лишь в 4–5 тыс. чел. [17, с. 107]. К тому же в лагере повстанцев начались эпидемии и голод. Всё это и послужило поводом для заключения временного перемирия между новоизбранным польским королем Яном Казимиром и гетманом Войска Запорожского Богданом Хмельницким 24 ноября 1648 г.

Однако перемирие это продлилось недолго. Как писал Ганновер, «когда услышал злодей Хмель (да будет стерто его имя), что поляки выступили на войну против него,

разорили множество православных поселений и нанесли православным тяжкие поражения, он в течение трех месяцев прикидывался бездействующим, а между тем собирал все свое войско и пригласил татарского хана явиться со своими полчищами» [7, с. 123]. Автор уточняет, что это было уже третье по счету соединение казаков Б. Хмельницкого с войсками Ислам-Гирея III для войны против Речи Посполитой. И опять хронист противопоставляет медлительность продвижения шляхетского ополчения и быстроту сборов татар и православных, «которых было, что песок в море» [7, с. 123].

И вот 10 июля 1649 г. под Збаражем появились несметные полчища крымского хана – «короля татарского», поясняет Ганновер своему читателю – и «злодей Хмель» с таким же множеством православных. Заметим, что если любое упоминание о Хмельницком для еврейского автора сопровождается негативной оценкой с обязательным добавлением приписки в скобках (д(а) с(отрется) е(го) и(мя)), то крымский хан вообще ни разу не называется по имени и оценки его носят совершенно нейтральный характер. Ганновер довольно подробно описывает осаду Збаража. Он отмечает, что поляки во главе с И. Вишневецким наносили осаждавшим страшные потери, убивая «тысячи и десятки тысяч» православных и татар [7, с. 124]. Как всегда численность участников военного противостояния в хронике многократно преувеличена.

Подошедший на помощь осажденным король Ян Казимир с войском чуть было сам не попал в руки окруживших его татар и отступил к Зборову. Видя бесперспективность дальнейшей борьбы, польский король отправляет канцлера Е. Оссолинского к крымскому хану для заключения мира. И немедленно, как пишет Ганновер, боевые действия против польского короля со стороны татар были прекращены и недавний враг – крымский хан, отправился в Зборов на встречу с Яном Казимиром, чтобы «в личной дискуссии достичь соглашения» [7, с. 125]. Договоренность между двумя монархами была достигнута. Польский король обязался заплатить хану 200 тыс. злотых в возмещение не выплачиваемой в течение многих лет дани, а также 100 тыс. злотых за выкуп из плена двух польских гетманов. До внесения всей суммы Ян Казимир отправил в Крым несколько знатных панов в качестве заложников.

Узнав о том, что татары заключили мир с поляками, «злодей Хмель (д.с.е.и.)» тоже отправился в Зборов к королю, припал к его ногам и со слезами молил о прощении. Здесь мы видим, насколько разнятся описания встреч польского короля с крымским ханом и с гетманом запорожским. Для автора еврейской хроники крымский хан выступает абсолютно суверенным правителем, равным по статусу польскому королю. Что касается переговоров с Хмельницким, то король считал не подобающим для себя вести с ним лично переговоры и потому сносился с ним через посредника [7, с. 125]. Для современников было совершенно очевидно, что политико-правовой статус крымского хана, чингизида по своему происхождению, был несоизмеримо выше статуса любого гетмана Войска Запорожского [4, с. 89]. Формально гетманы были лишь командующими одной из частей войска Речи Посполитой, поэтому их статус был сопоставим со статусом отдельных предводителей крымского войска, как например, уже хорошо знакомого нам Тугай-бея.

В итоге было заключено Зборовское мирное соглашение. Татары отправились в Крым, по дороге жестоко расправляясь с православными, взбунтовавшимися против короля. Ганновер пишет, что существовало мнение, будто сам король дозволил крымцам разгромить местности, охваченные восстанием. Хроника перечисляет города с округами, которые

подверглись страшному татарскому разорению – это Острог, Заслав, Кременец, Базиль, Сатанов и всё вплоть до Каменца-Подольского. Православное население этих населенных пунктов было либо перебито, либо уведено в плен. Так, писал Ганновер, через татар осуществилось над православным населением Украины божественное мщение за еврейские погромы [7, с. 126]. Таким образом, для еврейского хрониста крымцы выступали не только врагами, но и Бичем Божьим, посредством которого Бог вершит своё возмездие над злодеями.

Во время мира, пишет Ганновер, Хмельницкий якобы выкупил из татарского плена двух польских гетманов – Потоцкого и Калиновского, захваченных ещё в битве под Корсунем. Сделал он это только с той целью, чтобы не дать возвыситься своему заклятому врагу – И. Вишневецкому. В 1651 г. православные и татары соединились в четвертый раз, чтобы снова идти походом на Польшу. И опять казаки перебили много сотен евреев, а татары увели столько же в плен. И снова количество татар и православных не поддавалось подсчету, «точно песок морской» [7, с. 128]. Но, есть сведения польских источников, которые не вызывают сомнения у историков, в которых говорится о том, что Ислам-Гирей III в 1651 г. привел собой войско в 28–30 тыс. конных воинов [14, с. 98–99].

Далее в хронике следует описание битвы под Берестечком. Татары и православные появились перед польским войском внезапно, оглашая, по своему обычаю, окрестности «дикими и громкими криками». Они думали легко разбить поляков, как уже неоднократно делали до этого. Однако, с Божьей помощью, поляки, поддержанные немцами, нанесли православным и татарам жесточайшее поражение, чуть не истребив их полностью во время преследования. Сам крымский хан бежал с поля битвы с позором, захватив с собой плененного Хмельницкого в наказание, как пишет Ганновер, за то, что тот был причиной «его позорного отступления с остатками войска и гибели его народа» [7, с. 129]. По сообщению хроники в плен к полякам попали все великие вельможи татарские с самим ханским племянником. О каком племяннике Ислам-Гирея здесь идет речь, у Ганновера не сказано. Доподлинно известно, что в битве под Берестечком погиб родной брат крымского хана – калга-султан Крым-Гирей [18, с. 433]. Автор хроники сообщает, что крымский хан даже написал письмо польскому королю с предложением обменять своего племянника на Хмельницкого и ещё 4 тыс. знатных польских панов, находящихся в крымском плену. Однако король не согласился, гордо заявив, что он сам отберет у хана Хмельницкого в его собственном доме! Тем самым, пишет Ганновер, Ян Казимир объявлял войну татарам [7, с. 129].

В это время умирает И. Вишневецкий и крымский хан вновь примирился с Хмельницким, который заплатил за свое освобождение какую-то баснословную сумму в 18 млн злотых. Тогда в пятый раз соединились татары с православными в 1652 г. для войны против Польши и «продолжается эта война по сегодняшний день» [7, с. 130]. Так заканчивает свое повествование Ганновер, посвященное событиям гражданской войны в Речи Посполитой, переросшей, впоследствии, в польско-украинскую войну.

Если обратится ко второй взятой нами для исторического анализа еврейской хронике – «Тяготы времен» Мейера из Щебржешина, то она практически в два раза меньше по объему, чем «Пучина бездонная» Н. Ганновера, а также менее информативна по содержанию [12]. Но и в ней содержатся оценки крымских татар, принимавших участие в восстании Б. Хмельницкого. Так Мейер сообщает, что в 1648 г. православные соединились с «гнусным

племенем» татар. Однако, автор отдает должное их боевым качествам, добавляя, что «так объединились опытные и отважные воины» [12, с. 156]. Как и Ганновер, Мейер начинает свое описание гражданской войны в Речи Посполитой с описания Корсунской битвы, совершенно не упоминая о предшествовавшей ей битве у Желтых вод. Автор также пишет о «тьме» татар и православных, окруживших польское войско. Сообщает хроника и о договоренности между православными и татарами, что вся военная добыча достанется первым, а пленные – вторым [12, с. 157].

Сообщает Мейер и о том, что для запугивания врага татары перед боем издавали громкие крики [12, с. 167]. Описывая осаду г. Замосте, автор пишет, что православные и татары оглашали окрестности дикими воплями, «словно шакалы и страусы» [12, с. 171]. Но если Ганновер отмечал, что татары вели себя с пленными евреями более гуманно, чем православные, то Мейер не делает между ними ни какой разницы. Так, при описании взятия г. Нароль, в хронике описано, как еврейские дети, женщины и старики были «преданы жестокой смерти» православными и татарами. Юноши, девушки и красивые женщины были взяты татарами в плен и «их заставляли тяжко работать и обращались с ними очень жестоко» [12, с. 171]. Мейер здесь использует по отношению к татарам эпитет «жестоковыйные». Отмечает хроника также практику выкупа пленных у татар, однако неутешительно замечает, что множество их продолжало оставаться в татарском плену и тысячи евреев погибли на пути в Крым [12, с. 174].

Есть в хронике Мейера цифры, относительно количества крымских воинов в войске восставших. Так, когда Ян Казимир шел на выручку осажденных в Збараже, на встречу ему выступило несколько сот тысяч бунтовщиков и 8 тыс. татар [12, с. 176]. То есть, если число казаков и крестьян в хронике явно многократно завышено, то численность татар представляется довольно объективной. При этом еврейский автор абсолютно не упоминает о предводителе татар – хане Ислам-Гирее III. Он пишет, что король отправил к татарам своего канцлера Е. Оссолинского с предложением мира. Предложения эти якобы обсуждались татарами сообща: «И собрались татары, и стали обсуждать условия соглашения» [12, с. 177]. Однако дальше Мейер сообщает, что после обсуждения не названный ни по имени, ни по титулу «предводитель татар», отобрав несколько тысяч воинов, отправился к польскому королю, с которым они пришли к полному согласию. Получается, что этот татарский «предводитель» не обладал всей полнотой власти и вынужден был считаться со своим окружением. Как представляется, это весьма ценная информация, содержащаяся в данном историческом источнике.

За мир татарам король обещал сотни тысяч злотых, а в качестве залога отправлял к ним своих любимых приближенных. Эта информация Мейера во многом совпадает с информацией, которую мы находили у Ганновера. После заключения перемирия татары отправились в Крым, по дороге убивая «селян», в наказание за то, что те подняли руку против своего короля. И завершает свой рассказ еврейский хронист следующей фразой: «И перебили татары множество селян, ибо они были зачинщиками всех злодейств и причиной всех бедствий» [12, с. 177]. То есть, как и в предыдущей хронике, здесь налицо олицетворение крымцев с Божественным воздаянием за грех непокорства властям и совершенные злодеяния против еврейского населения Речи Посполитой.

И ещё один сюжет хроники Мейера обращает на себя внимание с позиции оценок действий крымских татар во время гражданской войны в Польше. Так, хроника сообщает,

что крымцы отпустили из плена гетмана Потоцкого только из ненависти к князю И. Вишневецкому и из желания его унижить. Но сделано это было по наущению Хмельницкого [12, с. 178]. Следовательно, по мнению Мейера из Щебржешина, князь воевода русский Вишневецкий был ненавидим не только казаками, но и крымскими татарами, видевшими в нем своего главного врага.

Третья хроника в нашем исследовании – «Послание» Саббатая Гакогена – ещё меньше, чем уже изученные нами [6]. Ничего нового добавить к уже сказанному в двух предыдущих хрониках относительно крымских татар она не может. Полезной для нас информации у Гакогена крайне мало. Можно отметить, что по Гакогену в Польском королевстве было 12 тыс. казаков, которые, согласно закону, должны были нести военную службу и во всем подчиняться королю. Но они нарушили этот закон и заключили союз «с другими негодными соплеменниками и соединились с многолюдной ордой татар» [6, с. 185]. Выходит, что для автора этой хроники казаки и татры по сути своей очень похожи друг на друга, раз он называет их недвусмысленно «соплеменниками». Это очень интересное замечание, на наш взгляд, которое, по сути, сближает действия казаков с действиями татар во время восстания Б. Хмельницкого в глазах еврейского общества или, по крайней мере, определенной её части.

Вообще Гакоген видит главную причину этого восстания в желании восставших жителей Речи Посполитой и присоединившихся к ним татар уничтожить богоизбранный народ. Он такими словами заканчивает свою хронику: «Множество бунтовщиков и тьма татар, живущих невдалеке от этих мест, собираются вместе, говоря: «Давайте уничтожим народ израильский и не оставим даже следа его»» [6, с. 190]. То есть субъективность автора в изложении описываемых событий достаточно очевидна и понятна.

4. Заключение

На основе проделанного нами анализа еврейских исторических хроник, можно заключить, что оценки крымских татар носят в них, в целом, негативный характер. Тем не менее, татары не воспринимались евреями как исконно враждебный народ. И хоть татры олицетворяли для авторов зло, но меньшее по сравнению с православными. В образе крымских татар, в какой-то мере, можно найти даже положительные оценки. В частности, это относится, к описанию той жалости и заботы, которые проявляли крымцы по отношению к евреям, добровольно сдававшимся им в плен, дабы только не попасть в руки к православным. Хроники наглядно показывают нам, насколько отличалась участь иудеев, попавших в руки к православным, от участи тех, кто попадал в плен к татарам.

Как ещё одну положительную характеристику крымских татар у еврейских авторов можно назвать упоминания об их мобильности и организованности во время войны. По представлениям хронистов, большинство крымских татар, принимавших участие в походах против Речи Посполитой, были профессиональными воинами и могли с успехом противостоять польским панам и шляхте, хорошо знавшим военное дело. Отмечают авторы храбрость татар в бою, сравнивая их со львами. Весьма сдержаны еврейские авторы и в оценках самого крымского хана, чего нельзя сказать о Б. Хмельницком. В хрониках крымский хан показан абсолютно суверенным правителем, равным по статусу польскому королю. Для современников было совершенно очевидно, что политико-правовой статус крымского хана, чингизида по своему происхождению, был несоизмеримо выше статуса гетмана Войска Запорожского. Так же надо отметить, что для еврейских хронистов крымцы

выступали не только врагами, но и «Бичем Божиим», посредством которого Бог вершит своё возмездие над злодеями, а именно через татар разоряя земли Украины в отмщение православному населению за еврейские погромы.

Список источников и литературы

1. Абдужемилев, Р. Р. (2016). *Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 388 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1638–1657 / [под ред. Н.И. Костомарова]. СПб.: Типография П.А. Кулиша, 1861. [6], 604, 134, 22 с.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8: 1668–1669, 1648–1657 / [под ред. Н.И. Костомарова]. СПб.: Типография В.В. Пратц, 1875. [6], 10, 400, 23 с.
4. Бабулин, И. Б. (2015). *Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.)*. М.: Фонд «Русские витязи». 400 с.
5. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том II. 1648–1651 годы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 559 с.
6. Гакоген, С. *Послание. Хроника Саббатая Гакогена* // Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М; Иерусалим: Гешарим. 1997. С. 183–190.
7. Ганновер, Н. *Пучина бездонная. Хроника Натана Ганновера* // Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М.; Иерусалим: Гешарим. 1997. С. 81–137.
8. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 1 (1648–1649 рр.). Київ, 2012. 680 с.
9. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 2 (1650–1651 рр.). Київ, 2013. 703 с.
10. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. Киев: Наукова думка, 1965. 826 с.
11. Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М.; Иерусалим: Гешарим. 1997. 288 с.
12. Мейер. (1997). *Тяготы времен. Хроника Мейера из Щебржешина* // Еврейские хроники XVII столетия: (Эпоха «хмельничины»). М.; Иерусалим: Гешарим. С. 153–179.
13. Памятники изданные Временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 1. Отд. III. Киев: Типография Университета св. Владимира. 1845. 881 с.
14. Свєшніков, І. К. (1992). *Битва під Берестечком*. Львів: Слово. 304 с.
15. Смолій, В. А., Степанков, В. С. (1993). *Богдан Хмельницький: соціально-політичний портрет*. Київ: Либідь. 501 с.
16. Шалак, М. Е. (2023). «Бунташный век» Османской империи: восстание Мухаммед-Гирея III в свете турецких исторических хроник // Научная мысль Кавказа. № 1 (113). С. 66–74.
17. Шейхумеров, А. А. (2022). *Тогай бей*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 160 с.
18. Яковенко, Н. (2012). *Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время*. Авторизованный перевод с украинского Владимира Рыжковского; Научн. ред. перевода Алексей Толочко. М.: Новое литературное обозрение. 768 с.

19. Kucharski, W. (2015). *Rozbicie armii koronnej w dzialaniach wojennych 1648 r.* // *Studia z Dziejów Wojskowości*. T. IV. P. 57–99.

References

1. Abduzhemilev, R. R. (2016). *Khronika Mekhmeda Senai kak pamyatnik krymskotatarskoj khudozhestvennoj literatury XVII v.* [The Chronicle of Mehmed Senai as a monument of Crimean Tatar fiction of the XVII century]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ. (in Russian).

2. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission], 3, 1638–1657. Pod red. N. I. Kostomarova, St. Petersburg, Tipografiya P. A. Kulisha, 1861. (in Russian).

3. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archeographic Commission], 8, 1668–1669, 1648–1657. Pod red. N. I. Kostomarova. St. Petersburg, Tipografiya V. V. Pratts, 1875. (in Russian).

4. Babulin, I. B. (2015). *Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.)* [The Struggle for Ukraine and the Battle of Konotop (1658–1659)]. Moscow, Fond «Russkie vityazi». (in Russian).

5. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Dokumenty i materialy v trekh tomakh* [Reunification of Ukraine with Russia. Documents and materials in three volumes], II, 1648–1651 gody. Moscow, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. (in Russian).

6. Gakogen, S. *Poslanie. Khronika Sabbataya Gakogena* [Epistle. Chronicle of Sabbatai Gakogen] in *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)*. Moscow, Ierusalim, Gesharim, 1997. 183–190. (in Russian).

7. Gannover, N. *Puchina bezdonnaya. Khronika Natana Gannovera* [The abyss is bottomless. The Chronicle of Nathan Hanover] in *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)*. Moscow, Ierusalim, Gesharim. 1997. 81–137. (in Russian).

8. *Dzherela z istorii Natsional'no-vizvol'noi viyni ukraïns'kogo narodu 1648–1658 rr.* [Sources from the history of the National Liberation War of the Ukrainian people of 1648–1658], 1, 1648–1649 rr., Kyiv, 2012. (in Ukrainian).

9. *Dzherela z istorii Natsional'no-vizvol'noi viyni ukraïns'kogo narodu 1648–1658 rr.* [Sources from the history of the National Liberation War of the Ukrainian people of 1648–1658], 2, 1650–1651 rr., Kyiv, 2013. (in Ukrainian).

10. *Dokumenty ob osvoboditel'noy voyne ukraïnskogo naroda 1648–1654 gg.* [Documents about the liberation war of the Ukrainian people of 1648–1654], Kyiv, Naukova dumka, 1965. (in Russian).

11. *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)* (1997) [Jewish chronicles of the XVII century: (The Era of «khamel'nichiny»)]. Moscow; Jerusalem, Gesharim Publ. (in Russian).

12. Meyer. (1997). *Tyagoty vremen. Khronika Meyera iz Shchebrzheshina* [The hardships of the times. Chronicle of Meyer from Shchebrzheshin] in *Evreyskie khroniki XVII stoletiya: (Epokha «khamel'nichiny»)*. Moscow, Ierusalim, Gesharim. 153–179. (in Russian).

13. *Pamyatniki izdannye Vremennoy komissiiyu dlya razbora drevnikh aktov, vysochayshe uchrezhdennoy pri kievskom voennom, podol'skom i volynskom general-gubernatore* [Monuments issued by the Temporary Commission for the Analysis of Ancient Acts, most highly established under the Kiev military, Podolsk and Volyn Governor-General], 1, Otd. III, Kyiv, Tipografiya Universiteta sv. Vladimira. 1845. (in Russian).

14. Sveshnikov, I. K. (1992). *Bitva pid Berestechkom* [Battle of Berestechk]. Lviv, Slovo Publ. (in Ukrainian).
15. Smolii, V. A., Stepankov, V. S. (1993). *Bogdan Khmel'nits'kii: sotsial'no-politichnyi portret* [Bogdan Khmelnitsky: social and political portrait]. Kyiv, Libid' Publ. (in Ukrainian).
16. Shalak, M. E. (2023). «*Buntashnyi vek*» *Osmanskoi imperii: vosstanie Mukhammed-Gireya III v svete turetskikh istoricheskikh khronik* [The «Rebellious Age» of the Ottoman Empire: the Uprising of Muhammad Giray III in the light of Turkish historical chronicles] in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 1 (113), 66–74. (in Russian).
17. Sheikumerov, A. A. (2022). *Togai bei* [Togai Bey]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ. (in Russian).
18. Yakovenko, N. (2012). *Ocherk istorii Ukrainy v Srednie veka i rannee Novoe vremya* [An essay on the history of Ukraine in the Middle Ages and Early Modern Times], redactor Aleksei Tolochko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
19. Kucharski, W. (2015). *Rozbicie armii koronnej w dzialaniach wojennych 1648 r.* // *Studia z Dziejów Wojskowości*. T. IV. 57–99. (in Polish).

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ /
TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-108-118>

УДК 93/94(908)

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С РАСКОЛЬНИЧЕСКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА
ГОСУДАРСТВЕННОМ И ЦЕРКОВНОМ УРОВНЯХ**

О. В. Клевцова

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 26, Елец, 399770, Россия*

Аннотация

Введение. В современном мире существуют различные направления вероисповеданий. Христианство, ислам и буддизм являются основными религиями, но существуют отдельные группы людей, которые под влиянием одиозных лидеров образуют самостоятельные течения, отличные от традиционных вероисповеданий. Одна из старейших сект – Свидетели Иеговы сегодня включает в себя от 8 до 9 миллионов человек. На государственном уровне предпринимаются усилия, чтобы сохранить единство Русской Православной Церкви и укрепить основные духовные ценности. С принятием указа от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» на законодательном уровне были закреплены основные нравственные ориентиры, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности. В этой связи актуальным остается проблема изучения истории возникновения сектантских и раскольнических движений, анализа степени пагубного влияния на развитие социума, государства и положения Церкви. Данная статья посвящена анализу государственной и Церковной политики в отношении сектантских и еретических движений в России. Автором изучается законодательная политика, церковная литература, анализируются результаты исследования дореволюционных авторов касательно данного вопроса. **Материалы и методы.** Основными источниками работы служат «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», законодательные акты, результаты проведенной Первой Всероссийской переписи населения за 1897 г., а также исследование этнографа-беллетриста П.И. Мельникова «Письма о расколе». Анализ источников позволил изучить процесс ужесточения борьбы с ересью и определить принципы ее деления по степени вредности. **Результаты.** Автор приходит к мнению, что причины начала еретических движений кроются в попытках реформировать систему государственно-церковных отношений, а также в активном проникновении иностранной культуры, религии на русскую почву. Предпринимаемые попытки жестокой борьбы с ересью не давали ожидаемых результатов. Сектанты умело маскировались под обычных прихожан и даже посещали храмы. Лишь совместными усилиями Церкви и государства удавалось сдерживать массовый уход из лона православной культуры. **Заключение.** Новая волна масштабной реформы государственно-конфессиональных отношений способствовала ослаблению контроля и легализации деятельности сектантов, в том числе и в области образования. Временное перемирие власти и религиозных организаций с 1905 по 1917 гг. позволили создать целую старообрядческую

образовательную систему. При этом старообрядцы обладали абсолютной свободой, и легальный статус получили только некоторые общины.

Ключевые слова: сектантство, религиозная политика, Российская империя, раскольники, реформы церкви.

Для цитирования: Клевцова О. В. Основные направления борьбы с раскольническими движениями во второй половине XIX в. в Российской империи на государственном и церковном уровнях // История: факты и символы. 2023. № 4 (37). С. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-108-118>

Конфликт интересов. О. В. Клевцова является сотрудником учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования.

Статья поступила: 19.08.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Клевцова О., 2023

THE MAIN DIRECTIONS OF THE STRUGGLE AGAINST SCHISMATIC MOVEMENTS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE STATE AND CHURCH LEVELS

Oksana V. Klevtsova

Bunin Yelets State University,

st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770, Russian Federation

Abstract

Introduction. In the modern world, there are different directions of faiths. Christianity, Islam and Buddhism are the main religions, but there are separate groups of people who, under the influence of odious leaders, form independent currents that differ from traditional faiths. One of the oldest sects – Jehovah's Witnesses today includes from 8 to 9 million people. Efforts are being made at the State level to preserve the unity of the Russian Orthodox Church and strengthen the basic spiritual values. With the adoption of the decree of November 9, 2022 "On the approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values", the main moral guidelines underlying the all-Russian civic identity were fixed at the legislative level. In this regard, the problem of studying the history of the emergence of sectarian and schismatic movements, analyzing the degree of harmful influence on the development of society, the state and the position of the Church remains relevant. This article is devoted to the analysis of state and Church policy in relation to sectarian and heretical movements in Russia. The author studies legislative policy, church literature, analyzes the results of research by pre-revolutionary authors on this issue. **Materials and methods.** The main sources of the work are the "Code of Criminal and Correctional Punishments", legislative acts, the results of the First All-Russian Population Census for 1897, as well as the study of the ethnographer-fiction writer Pavel Melnikov "Letters about the split". The analysis of sources made it possible to study the process of tightening the fight against heresy and determine the principles of its division according to the degree of harmfulness. **Results.** The author comes to the conclusion that the reasons for the beginning of heretical movements lie in attempts to reform the system of state-church relations, as well as in the active penetration of foreign culture and religion into Russian

soil. The attempts made to violently combat heresy did not give the expected results. Sectarians skillfully disguised themselves as ordinary parishioners and even visited temples. Only through the joint efforts of the Church and the state was it possible to restrain the mass withdrawal from the bosom of Orthodox culture. **Conclusion.** A new wave of large-scale reform of state-confessional relations contributed to the weakening of control and legalization of sectarian activities, including in the field of education. The temporary truce of the authorities and religious organizations from 1905 to 1917 allowed the creation of an entire Old Believer educational system. At the same time, the Old Believers had absolute freedom and only some communities received legal status.

Keywords: sectarianism, religious policy, Russian Empire, schismatic, church reforms.

For citation: Klevtsova O.V. The main directions of the fight against schismatic movements in the second half of the 19th century. in the Russian Empire at the state and church levels In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 108-118 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-108-118>

Conflict of interest. Oksana Klevtsova is researchers of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal.

Received: 19.08.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Klevtsova O., 2023

1. Введение

История борьбы с раскольническими движениями в России уходит своими корнями в далекое прошлое. История существования сектантских организаций неразрывно связанная с общероссийской историей и культурой.

Вопросами государственной и Церковной политики в вопросе организации борьбы с распространением еретических течений посвящены работы исследователей XIX в. таких, как П. И. Мельников, В. И. Даля, И. И. Надеждина. Их исследования являются первыми светскими работами в данной области. Большой вклад в изучение вопроса внесли исследования Н. Ф. Каптерева, Е. Е. Голубинского, П. Ф. Никольского, В. Г. Дружинина и А. В. Карташова.

Среди крупных богословских исследований можно отметить епископа Винницкого Макария (Булгакова) «Истории русской церкви» [6]. А также наследие тех, кто стоял у истоков зарождения старообрядческого движения: протопоп Аввакум, Епифаний, братья А. и С. Денисовы, И. Филипов, Ф. Мельникова, Л. Пичугина и другие.

На современном этапе, в условиях активизации развития межконфессиональных отношений, необходимо тщательно исследовать и учитывать опыт отношений государство-церковь-раскольники, полученный в дореволюционной России. Среди современных исследователей данной проблемы можно выделить исследование И. В. Севастьянова (См.: Севастьянов, И. М. (2019) Образовательная деятельность старообрядцев в период 1905-1918 годов: дис. ... кандидата исторических наук / Ин-т рос. истории РАН. Москва), А. С. Туманова, А. А. Сафонов [14] и другие [1; 11].

2. Материалы и методы

В основу исследования легли опубликованные источники по истории формирования и развития раскольнических и сектантских организаций на территории Российской империи.

В ходе исследования был проведен анализ труда П. П. Мельникова «Письма о расколе». Это одна из первых объективных работ по истории русского раскола, охватившее всю территорию страны. В его исследовании собраны судебные дела в отношении

старообрядцев из различных губерний. Еще одним интересным источником по истории государственной борьбы с ересью можно отметить собранные данные Центральным статистическим комитетом МВД «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам» содержит важные статистические данные по существующим сектам и числа их участников.

Большой интерес вызывает сведения, собранные Е.В. Барсовым «Новые материалы для истории старообрядчества». Здесь можно встретить данные по истории формирования старообрядческого движения и историю его развития вплоть до XVIII в. В работе использовались описательно-повествовательный метод, принцип историзма (исследование явления в динамики его развития), метод математической статистики, метод анализа и другие.

3. Результаты

История зарождения сект берет свое начало в XIV в. Утверждение доминирования иосифлян над нестяжателями способствовало укреплению раскола в обществе и религии. Предпринятые Никоном реформы церковной жизни усилили противоречия и привели к церковному расколу и формированию старообрядческого течения. Активное проникновение иностранной культуры, миссионерских проповедей со стороны приезжих иноверцев на рубеже XVII-XVIII вв. также способствовали росту числа раскольников и сектантов. Государство и Церковь стремились решать эту проблему. Еще в годы правления царевны Софья 7 апреля 1685 г. выходит «Двенадцать статей». В них определялись наказания для старообрядцев и «раскольщиков» начиная от смертной казни (сожжение нераскаявшихся в своих убеждениях людей в срубе) до пыток, заточения в монастырь, лишения имущества.

Раскольникам и сектантам было уделено внимание в книгах: «Стоглав»; «Потребниках» (1625, 1633, 1636, 1647 гг.); «Большой катехизис» (напечатанный при патриархе Филарете); «Соборник» (1612, 1617 гг.); «Псалтырь следования» (обретенный патриархом Иосифом); «Кирилова книга» (1644 г.); Кормчая (1653 г.); «Скитское покаяние» (1788 г.); «Проскинитарий» (иеромонаха Арсения Суханова), [11, с. 6-7] «Обличие неправды раскольнической» (архиепископа Фиофилакт (Лопатинский)) [11, с. 39] и другие.

Петр I видел в сектантах «корень противления его преобразованиям» [11, с. 18]. После дела о царевиче Алексее начали внедрять строгий надзор за раскольниками. При этом с ними боролись «не как с противниками господствующей церкви, но как с ревностными поборниками ненавистной ему старины» [9, с. 20]. Император активно преследовал и карал раскольников как противников совершаемых реформ, но при этом «осыпал их благодеяниями, если замечал, что гражданская деятельность их для него полезна» [9, с. 20].

В «Духовном регламенте», изданным Священным Синодом в 1721 г. вводятся наказания для духовенства, которое сочувствует раскольникам. Наказывали и тех, кто им помогал избегать принятия Святых Таинств, делая вид, что проводит обряд крещения, не сообщая властям о наличии раскольников в приходе [5, с. 114].

Елизавета Петровна вела борьбу с еретическим движением и проводила гласные и закрытые суды. При Петре III и Екатерине борьба с расколом на государственном уровне прекращается, но не вследствие победы, а по причине временного перемирия. Под влиянием нравственных идей французских философов Екатерина писала Вольтеру – «Терпимость всех вер у нас установлена, следовательно, гонения запрещаются». Благодаря такому послаблению раскольники получили гражданские права и свободу богослужения по старым книгам. Наблюдалась общая тенденция возвращения изгнанников из-за границы, формирование открытых поселений, покидание скитов, расположенных в глухих леса [9, с. 27].

При Николае I государственный надзор был обращен не на раскол, а на самих раскольников и их действия. Так, запрещалось влиять на единоверцев. В Ст. 60 «Свода законов» (т. XIV) появляется предупреждение о пресечении преступности. В соответствии с принятой нормой раскольники перестали преследовать за их веру, но продолжали наказывать за соращение и склонение кого-либо в раскол. Также запрещалось «чинить какие-либо дерзости против православной церкви или против ея священнослужителей» [9, с. 30]. Наблюдается увеличение числа дел, заведенных против распространение сектантского учения.

В этот период данная проблема стала активно обсуждаться в научных кругах. Изучению процесса организации секты скопцов, их противоправной деятельности были посвящены исследования Н. И. Надеждина [8] и В. И. Даля [2]. Проблемой распространения сектантства в XIX в. заинтересовались и светские авторы – А. Муравьев [7] и А. Щапов [15].

Большой вклад в изучение раскола внесли архивные деятели Г. В. Есипов [4] и В. И. Ламанский изучившие и систематизирующие правительственные архивы [11, с. 13].

В исследовании Е.В. Барсова «Новые материалы для истории старообрядчества» содержатся данные о наказаниях для тех, кто принял еретическое учение. Люди, посещавшие собрание скопцов и принявшие их вероучение, а после покаявшихся в этом, надлежало бить кнутом и отправлять к архиерею епархии, на территории которой они проживали. Тех же кто не признавал свой переход к раскольникам, настаивал в истинности их веры подвергали смертной казни [10, с. 27].

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» за 1845 г. предусматривалось наказание за распространение еретических учений в виде лишения всех прав, преимуществ, а также ссылка в Тобольскую или Томскую губернии. Если по закону подсудимый «не изъят от наказаний телесных», то виновного наказывали розгами и отправляли в арестантские роты гражданского ведомства для прохождения исправительных работ на период от одного до двух лет. В случае если будет доказано, что соращение к переходу из христианской веры в еретическое вероисповедание применяли принуждение или насилие, то виновного лишали всех прав и ссылали на поселение в Сибирь (Ст. 195). Если закон позволял применять телесные наказания к виновному, то его наказывали ударами плетью в объеме, соответствующему «роду преступления и мере вины» от 10 до 30 ударов (Ст. 22). За проповедь еретических учений или распространение литературы также предусматривались наказания в виде заключения в смиренные дома на время от 6 месяцев до одного года. (Ст. 197). Люди, отступившие от христианской веры в веру нехристианскую отправляются к духовному начальству для «вразумения». Уличенные в приобщении к расколу лишались своих прав свободного состояния, их имущества передавались под опеку государства на время, пока новый участник секты не раскаялся и не вернулся в лоно Православной Церкви (Ст. 196).

Впервые вопрос о степени вредности раскольнических сект на уровне власти поднимается в Государственном совете 20 октября 1830 г. В отношении дел о духоборцах, иконоборцев, молокан, иудействующих и других сект, появилось понятие «особенно вредные ереси». Для этой категории сект применялся усиленный административный надзор и строгие юридические взыскания [9, с. 36].

В 1845 г. данное понятие встречается в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных». В данном издании можно встретить статьи «О ересьях и расколах», где прописываются наказания за данный вид преступления. Уличенных в участии в сектах или причастных к созданию новых, а также проповедующих еретические учения подвергались аресту ссылки в Сибирь, на Северный Кавказ и Закавказье. Таким образом, правительство проводило изоляцию сектантов от православного населения. Лидеров сектантских организаций арестовывали и отправляли в монастыри (Ст. 206).

Раскольники, причастные к разращению православных также подвергались наказаниям в соответствие со Ст. 206. Тех, кого признавали виновным в издании еретических книг в первый раз могли наказать денежным штрафом в размере 200 руб., а при повторном – 400 руб. При многократном уличении в продаже запрещенных книг могли даже отправить в тюрьму на срок от 3 до 6 месяцев (Ст. 214).

За организацию, строительство старообрядческих молельных домов, скитов, церквей полагался арест на срок от 1 до 2 лет. Здания разбирались, а полученные строительные материалы передавались в пользу местного Приказа Общественного Призрения (Ст. 215).

Если к еретическим обрядам оказывались причастны дети, то по Ст. 206 ответственность ложилась на родителей/опекунов. Таких детей изымали из семьи и отправляли на военную службу в батальоны или полубатальоны кантонистов. Тех, кто был признан неспособным к военной службе отправляли на казенные фабрики (Ст. 209).

Не смотря на возрастающую проблему правительство лишь с 1853 г. создает специальную группу людей в четырех губерниях для сбора материалов и дальнейшего формирования «Отчетов о современном состоянии раскола» [5, с. 2].

На государственном уровне деление по степени вредности появилось в циркуляре «О распределении сект по степени их вредности» (1905 г.). Министерство внутренних дел выделило три уровня в оценке противоправности деятельности религиозных новых организаций. Так появилось деление на особо вредные, вредные и менее вредные. В официальной статистике существовало понятия «изуверские секты». Разрабатывался целый комплекс мер по борьбе с этим вредоносным явлением вплоть до 1917 г.

В 1901 г. в свет вышла книга «Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам». В ней были собраны статистические данные, подготовленные Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Эти сводные данные были получены в ходе проведения Первой Всероссийской переписи 1897 г., записанные на основании личных показаний опрошенных. Согласно собранным данным провели градацию на группы раскольнических и сектантских движений в России (см. Табл.1).

Таблица 1. Раскольнические и сектантские организации на территории Российской империи по данным за 1897 г.

Table 1. Schismatic and sectarian organizations on the territory of the Russian Empire according to data for 1897 [Источник: 12, с. 1].

Раскол старообрядчества	Поповцы Всего: 447.059 чел.	1) Беглопоповцы-перемазанцы. Тульское согласие. Церковные. Епифановщина. Лазаревщина. Керженцы. Суслово согласие. Чернобольское согласие. Тайная церковь. Ветковцы. Диаконовское согласие. Новокадильники. Неперемазанцы. 2) Приемлющие Австрийское или Белокриницкое священство: Окружники; Полуокружники; Противокружники или раздорники; Рогожское согласие. Часовенные.
	Безпоповцы Всего: 571.378 чел.	1) Поморский толк или поморцы (Приемлющие браки). Даниловский толк. Монастырская секта. Самаряне. Новожены или Монинское согласие. 2) Федосеевский толк. Титловщина, Аристовщина, Федосеевцы Рижские, Федосеевцы Польские, Аароновщина,

		Осиповщина, Стефановщина, Акулиновщина, Онисимовщина. 3) Филиповский толк (Липоване). 4) Старнники или бегуны, Христово согласие, Адамантово согласие, Пастухово согласие, Сопелковское согласие. 5) Нетовцы, Поющие, Глухая Нетовщина или Спасово согласие, Косьминщина, Новоспасовцы, Рябиновцы, Некрещенные, Самокрещенные или Бабушкино согласие: Дрынники, Средние, Коликовцы, Никудышники.
Сектанство	Рационалистические секты Всего 171.060 чел.	1) Духоборы. 2) Молокане. Духоносцы. Субботники. Восресники. Донской толк. Прыгуны. Сопуны. Общие или Акиниевцы. 3) Штудисты. Младоштудисты. Евангельские христиане или штундо-баптисты, или старобаптисты. Пашковцы. 4) Немоляки (воздыханцы). 5) Толстовцы. 6) Десное Братство или Сионская весть. Сионисты. Еговисты. 7) Жидовствующие (Иудействующие). 8) Ушковайзет
	Мистические секты Всего: 5.139 чел.	1) Хлысты. Шалопуты. Монтане. Марьяновское исповедание. Богомолы. Белоризцы. 2) Малаванщина. 3) Скопцы.
Сверх того невыясненные раскольнические толки	Всего: 969.102 чел.	1) Мытинская секта. 2) Старо-Калистратовкий толк. 3) Кармацкая секта. 4) Верховская секта 5) Лурицкий толк.

Анализируя данные таблицы стоит заметить, что сектантские течения делились на две подгруппы – рационалистические и мистические секты. Наибольшее число последователей имело рационалистическое направление [11, с. 16].

В ходе проведения Всеобщей переписи населения 1897 г. было зарегистрировано 2.173.738 старообрядцев сектантов (2,49 % от общего числа православных) [12, с. 11].

Русская Православная церковь до XVIII в. не делила раскольников на разряды и толки. Собираемым именем «раскольники» называли всех тех, кто мыслил иначе. Впервые в Церковной среде распределение раскольников по сектам появилось в «Розыске» св. Димитрия Ростовкого. При этом святитель сообщает, что еще в 1708 г. ему поступил список сект, составленных иеромонахом Иоасафом строителем Спасороевской пустыни Нижегородского уезда. По данному списку встречается упоминание о 20 сектах. В списке от 1709 г. упоминалось 9 сект из старого списка и добавилось 4 новых [11, с. 59-61].

В 1720 г. Священный Синод принимает Чин «Како приимати от раскольников и отступников к православной вере приходящих». В нем описывался процесс перехода старообрядцев в лоно Православной Церкви.

Значительных результатов данная мера не принесла. Сохранились свидетельства о том, что многие раскольники «имеют отцов духовных и в церковь ходят и в оброк двойного платежа не записываются и называют себя суще правоверующими, а внутрь себя содержат в древних ересях и расколах, под прикрытием духовников своих...» [5, с. 74].

В 1734 г. из-за распространения в Москве хлыстовщины Святейший Синод издает указ о всех «тайностях этой ереси, для всенародного объявления» [11, с. 25]. Данный указ озвучивали во всех церквях с целью просветить население о вреде секты.

В 1742 г. выходит в свет список Феофилакта Лопатинского «Обличение неправды раскольнической». В нем приводится информация о 36 раскольнических сектах [11, с. 66-67].

Впервые деление на две главные группы раскола применил Питирим, ранее расколоучитель, а потом архиепископ Нижегородский. В своем произведении «Прациуа духовная» (1752 г.) вводит деление раскольнических сект на поповщину и беспоповщину [11, с. 64].

В 90-х гг. XVIII в. протоиерей Андрей Иванович Журавлев, бывший член беспоповнической секты, по поручению князя Потемкина Таврического занимался вопросом обращения стародубских раскольников к Православной Церкви. В его труде содержится деление на 14 сект, относящихся к беспоповщине и 7 сект поповщинского толка [11, с. 68-69].

В начале XIX в. появляется «Наставление правило состязательности с раскольниками». Данная книга выходит в свет по благословению владыки Симона (Лагова), архиепископа Рязанского и Зарайского. Книгу подготовили в Рязанской семинарии, где провели анализ сочинение Феофилакта Лопатинского, протоиерея Журавлева.

Церковь признала деление сект по степени вредности еще в 1842 г. Священный Синод разделил и охарактеризовал секты по степени вредности следующим образом:

1) Секты вреднейшие – иудействующие – это «хуже, нежели ересь: это совершенное отпадание от христианства»;

– молокане – держатся Священного Писания, «но берут только то, что им нравится»;

– духоборцы – близки к молоканам;

– хлыстовщина – отвергает «наружное общение с христианскою церковью, вводит человекообожание»;

– скопцы – против брака, истребляет потомство;

– беспоповщинские секты – отвергают брак, молитву, не признают никакую власть.

2) Секта вредная - беспоповщины – не отвергают брак, не отрекаются от молитвы за царя, при это отвергают священство, церковные таинства.

3) Секты менее вредные – поповщина – «это ересь, а не раскол». Считали, что их можно легко обратить в христианскую веру [11, с. 42-43].

Русская Православная церковь также вела активную борьбу с раскольниками и сектантами посредством просвещения людей. Выпускались периодические издания противораскольнического содержания, проводились народные чтения о вреде раскольнических движений, распространялась литература, проводились проповеди. Одной из таких действенных просветительских мер стало издание на страницах Епархиальных ведомостей статей об истории различных сект и их пагубном влиянии на людей.

Стремительное оживление сектантских движений в нашей стране наблюдается в начале XX в. Ослабление борьбы с еретическими организациями возникает на фоне принятия манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» 17 (30) апреля 1905 г. Правительство запрещало преследовать людей, которые отошли «от Православной веры в другое христианское исповедание». В законе прописывалось деление на старообрядческую группу и сектантскую. При этом сохранились гонения на идолопоклонников и язычников [1].

Последующий Манифест 17 октября 1905 г. даровал народу свободу совести, а указ 17 октября 1906 г. уравнивал в правах старообрядцев с «лицами инославных исповеданий» и наделял их правом заключать смешанные браки с православными, а также открыто исповедовать свое вероучение, даровал право создавать общества и объединения. Таким

образом, государство впервые наделило старообрядцев и сектантов юридическими правами и как следствие - правом вести образовательную и просветительскую деятельность [13; 14, с. 6].

Данные уступки способствовали резкому увеличению числа сторонников старообрядческих и еретических течений. Министерство внутренних дел приводит данные, что в этот период вплоть до революционных событий 1917 г. значительное число людей отошло от Православной Церкви (1906 г. – перешло 4240 чел.; в 1909 г. – 10837 чел.). Таким образом, всего за период с 1905–1911 гг. от православия в старообрядчество отпало 23869 чел.

Резкое изменение отношение власти к сектантам было связано с социальными волнениями. В староверах правительство видело «значительный ресурс стабилизации и электоральной поддержки». Староверы получили легальную возможность издавать свои журналы. С 1905 по 1917 г. появились такие журналы как: «Старая Русь», «Щит веры», «Уральский старообрядец», «Златоструй», «Старообрядческая мысль», «Церковь», «Слово Церкви» и другие.

К началу 1917 г. в стране работало 235 старообрядческих земских, министерских, казенноприходских и частных начальных учебных заведений; два средних учебных заведений (Московский старообрядческий институт, Иллуцкая учительская семинария); открыто более 100 храмов (См.: Севастьянов, И. М. (2019) Образовательная деятельность старообрядцев в период 1905-1918 годов: дис. ... кандидата исторических наук / Ин-т рос. истории РАН. Москва. С. 226). Такая относительная свобода вероисповедания сохранилась вплоть до октября 1917 г.

4. Заключение

Анализируя данные всероссийской переписи населения 1897 г. можно заметить, что число старообрядцев в стране было значительным и продолжало расти, несмотря на активную противораскольническую политику государства и Церкви. С принятием нового законодательства в области конфессиональных отношений наблюдались послабления, которые в последствии привели к резкому росту числа людей, стремящихся выйти из православия.

Таким образом, многовековая борьба с еретическими и сектантскими организациями к началу XX в. угасает. Ослабленная Церковь была не в силах в одиночестве бороться за сохранение прихода. Массовый отток населения из лона Церкви способствовал утверждению атеистических идей в общественной среде.

Список источников и литературы

1. Белоножко, Е. П., Клышнюк, Н. А. (2011). *Численный состав сектантства в Российской империи на рубеже XIX-XX вв. (на примере губерний Центрального Черноземья)*. // *Via in tempore. История. Политология.* № 7 (102). Вып. 18. С. 147-157.
2. Даль, В. И. *Исследование о скопческой ереси*. Санкт-Петербург, 1844. 238 с.
3. *Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего сената в царствующем Санкт-Петербурге в лето от рождества Христова 1721 сочиненный*. М.: Синодальная типография, 1856. 182 с.
4. Есипов, Г. В. (1861). *Раскольничьи дела XVIII столетия*. СПб.: типография Товарищества «Общественная Польза». Т. 1. 663 с.
5. Мельников, П. П. (1862). *Письма о расколе*. СПб.: типография Н. Греча, 1862. 112 с.

6. Митрополит Макарий (Булгаков) (1994). *Истории русской церкви*. М.: издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Кн.1. 124 с.
7. Муравьев, А. Н. (1854). *Раскол, обличаемый своею историею*. СПб.: тип. II Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии. 429 с.
8. Надеждин, Н. И. (1845). *Исследование о скопческой ереси*. СПб.: 380 с.
9. *Новые материалы для истории старообрядчества* (1890) / собр. Е. В. Барсовымъ. М.: Университетская типография. 243 с.
10. Оленич, Т. С. (2015). *Проблема классификации русского религиозного сектантства Российской империи* // Известия вузов. Северо-кавказский регион общественные науки. Приложение. № 2. С. 15-25.
11. *Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам*. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1901. 18 с.
12. Спиридович, А. И. (2019). *История большевизма в России. От возникновения до захвата власти. 1883-1903-1917*. М.: Захаров. 288 с.
13. Туманова, А. С., Сафонов, А.А. (2023). «Золотой век русского старообрядчества и сектантства»: реформа правового статуса старообрядцев и сектантов 1905–1906 гг. сквозь призму правоприменения // *Правоприменение*. Т. 7. № 1. С. 5–14.
14. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. СПб.: Типография Е.И.В. 2-го отделения, 1845. 915 с.
15. Щапов, А. П. (1862). *Земство и раскол*. СПб.: Д.Е. Кожанчиков. 165 с.

References

1. Belonozhko, E. P., Klyshnyuk, N. A. (2011). *The numerical composition of sectarianism in the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries. (on the example of the provinces of the Central Chernozem region)* [The numerical composition of sectarianism in the Russian Empire at the turn of the 19th-20th centuries. (using the example of the provinces of the Central Black Earth Region)] In *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 7 (102), 18, 147-157. (in Russian).
2. Dal, V. I. (1844). *Issledovanie o skopcheskoj eresi* [Research on the scopal heresy]. St. Petersburg. (in Russian).
3. *The spiritual regulations, by the care and command of the most illustrious, sovereign Peter the Great, Emperor and autocrat of All-Russia, by the permission and sentence of the All-Russian spiritual rank and the Governing Senate in the reigning St. Petersburg in the summer of the Birth of Christ 1721 composed* (1875) [Spiritual regulations, with the care and command of the Most Serene, Most Powerful Sovereign Peter the Great, Emperor and Autocrat of All-Russia, by the permission and verdict of the All-Russian spiritual rank and the Governing Senate in the reigning St. Petersburg in the summer of Christ 1721]. Moscow, Holy Synod Publ. (in Russian).
4. Esipov, G. V. (1861). *Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya* [Schism affairs of the 18th century]. St. Petersburg: printing house of the Public Benefit Partnership. (in Russian).
5. Melnikov, P. P. (1862). *Letters about the split* [Letters about the split] St. Petersburg: Grech Publ. (in Russian).
6. Mitropolit Makarij (Bulgakov) (1994). *Istorii russoj cerkvi*. [History of the Russian Church]. М.: publishing house of the Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery. Book 1. (in Russian).
7. Murav'ev, A. N. (1854). *Raskol, oblichaemyj svoeyu istorieyu*. [A schism exposed by its history]. SPb.: type. II Department of Own e.i. V. office. (in Russian).
8. Nadezhdin, N. I. (1845). *Issledovanie o skopcheskoj eresi*. [Research on the scopal heresy]. SPb. (in Russian).
9. *New materials for the history of Old Believers* (1890) [New materials for the history of the Old Believers] / collected by E. V. Barsov. Moscow, Universitetskaja Publ. (in Russian).

10. Olenich, T. S. (2015). *The problem of classification of Russian religious sectarianism of the Russian Empire* [The problem of classification of Russian religious sectarianism of the Russian Empire] In *Izvestiya vuzov. North Caucasus region social sciences*, 2. 15-25. (in Russian).

11. *The distribution of Old Believers and sectarians by interpretation and sects* (1901) [Distribution of Old Believers and sectarians by denominations and sects]. St. Petersburg, Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (in Russian).

12. Spiridovich, A. I. (2019). *Istorija bol'shevizma v Rossii. Ot voznikovenija do zahvata vlasti. 1883-1903-1917* [History of Bolshevism in Russia. From emergence to seizure of power. 1883-1903-1917]. Moscow, Zaharov. (in Russian).

13. Tumanova, A. S., Safonov, A.A. (2023). *"The Golden Age of Russian Old Believers and Sectarianism": reform of the Legal status of Old Believers and Sectarians 1905-1906 through the prism of law enforcement* ["The Golden Age of Russian Old Believers and Sectarianism": reform of the legal status of Old Believers and sectarians in 1905–1906. through the prism of law enforcement] in *Law enforcement*, 7, 1, 5-14. (in Russian).

14. *The Code of Criminal and Correctional Punishments* (1845) [Code of Criminal and Correctional Punishments]. St. Petersburg, Tipografija E.I.V. 2-go otdelenija. (in Russian).

15. Shapov, A. P. (1862). *Zemstvo i raskol*. [Zemstvo and rift]. SPb.: D.E. Kozhanchikov.

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МОРШАНСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н. А. Кожухов

*Тамбовский государственный технический университет,
Ул. Советская, 106/5, помещение 2, Тамбов, 392000, Россия*

Аннотация

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена изучением пенитенциарной системы России в конце XIX – начале XX века на примере уездного города Моршанска Тамбовской губернии. Хронологические рамки охватывают период царской России конца XIX – начала XX века, а также период Гражданской войны вплоть до ее окончания. На основе приведенных в работе материалов, приведен сравнительный анализ, итог эффективности проводимой политики государства в пенитенциарной сфере на примере уездного города. К концу XIX века тюремное заключение становится основным видом наказания преступника по итогам модернизационных процессов второй половины XIX века. Сохранявшаяся проблематика на протяжении долгого периода становления тюремной системы, а именно недостаток денежных средств на улучшение тюремных учреждений, постоянная переполненность ввиду увеличения числа преступлений наиболее ярко отразилась именно в уездных городах, поэтому оценку эффективности политики царской России в данной сфере справедливо будет изучать на примере уездных городов. После революционных событий 1917 года пенитенциарная система пережила новые изменения в связи с проводимой политикой новой власти. Возникшие новые места заключения на обломках старых явили собой новую проблематику пенитенциарной сферы в период Гражданской войны. Конкретизируя Тамбовскую губернию данного периода, стоит сказать о крестьянском восстании 1920-1921, в ходе подавления которого применялась концлагерная система. Появившиеся новые места заключения в Моршанске представляют предметный интерес в рамках изучения пенитенциарной политики раннесоветской России.

Материалы и методы. Основой данного исследования послужили архивные документы Государственного архива Тамбовской области, Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области, опубликованные документы по Моршанскому земству и материалы обзоров Тамбовской губернии. Благодаря историко-системному подходу, были проанализированы пенитенциарные системы «двух России». Статистический метод показал число заключенных в местах заключения Моршанска за указанный период.

Результаты исследования. На основе анализа архивных источников проведен сравнительный анализ пенитенциарных моделей царской России и России периода 1917-1922 годов на примере уездного города Моршанска. Положение мест заключения Моршанска до 1917 года подтвердило обобщенные выводы о пенитенциарной политике России второй половины XIX – начала XX века с проблематикой финансирования, условий отбывания наказания, организации труда. Сложившаяся концлагерная система периода Гражданской войны именно в Тамбовской губернии выступила в качестве карательной меры при подавлении Тамбовского восстания, нежели как эволюционный этап в постановке пенитенциарной системы раннесоветской России.

Выводы. Практическая значимость

исследования выражается в краеведческом исследовании пенитенциарных систем «двух Россией» на примере уездного города Моршанска с целью дальнейшего составления обобщенного труда по пенитенциарной сфере России.

Ключевые слова: модернизация, пенитенциарная система, тюрьма, концлагерь, заключенные.

Для цитирования: Кожухов, Н. А. (2023). Пенитенциарные учреждения Моршанска в конце XIX – начале XX века // История: факты и символы. № 4 (37). С. 119-129 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-119-129>

Статья поступила: 01.09.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Кожухов Н., 2023

PENITENTIARY INSTITUTIONS OF THE TOWN OF MORSHANSK AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Nikita A. Kozhukhov

Tambov State Technical University,

Sovetskaya st., 106/5, room 2, Tambov, 392000, Russian Federation

Abstract

Introduction. The relevance of this article is due to the study of the penitentiary system of Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries using the example of the county town of Morshansk, Tambov province. The chronological framework covers the period of Tsarist Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century, as well as the period of the Civil War until its end. Based on the materials presented in the work, a comparative analysis is given, the result of the effectiveness of the state policy in the penitentiary sector using the example of a county town. By the end of the 19th century, imprisonment became the main type of punishment for criminals as a result of the modernization processes of the second half of the 19th century. The problems that persisted throughout the long period of formation of the prison system, namely the lack of funds for the improvement of prison institutions, constant overcrowding due to the increase in the number of crimes, were most clearly reflected in the district towns, therefore it would be fair to study the effectiveness of the policy of Tsarist Russia in this area using the example of district towns. After the revolutionary events of 1917, the penitentiary system experienced new changes in connection with the policies of the new government. The new places of detention that emerged on the ruins of old ones presented new problems in the penitentiary sphere during the Civil War. Specifying the Tambov province of this period, it is worth mentioning the peasant uprising of 1920-1921, during the suppression of which the concentration camp system was used. The new places of detention that have appeared in Morshansk are of substantive interest in the framework of the study of penitentiary policy in early Soviet Russia. **Materials and methods.** This study was based on archival documents of the State Archive of the Tambov Region, the State Archive of Socio-Political History of the Tambov Region, published documents on the Morshansky Zemstvo and materials reviews of the Tambov province. Thanks to the historical-systemic approach, the penitentiary systems of the “two Russias” were analyzed. The statistical method showed the number of prisoners in Morshansk prisons for the specified period. **Results.** Based on the analysis of archival sources, a comparative analysis of the penitentiary models of Tsarist Russia and Russia of the period 1917-1922 was carried out using the example of the district town of Morshansk. The situation of the Morshansk prisons before 1917 confirmed the general conclusions about the

penitentiary policy of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries with the problems of financing, conditions of serving sentences, and labor organization. The established concentration camp system during the Civil War in the Tambov province acted as a punitive measure during the suppression of the Tambov uprising, rather than as an evolutionary stage in the establishment of the penitentiary system of early Soviet Russia. **Conclusion.** The practical significance of the study is expressed in the local history study of the penitentiary systems of the "two Russias" on the example of the county town of Morshansk with the aim of further compiling a generalized work on the penitentiary sphere of Russia.

Keywords: modernization, penitentiary system, prison, concentration camp, prisoners.

For citation: Kozhukhov N. A. Penitentiary institutions of town of Morshansk at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 119-129, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-119-129>

Received: 01.09.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Kozhukhov N., 2023

1. Введение

Интерес к изучению пенитенциарной политики конца XIX – начала XX века на сегодняшний день отмечается как повышенный. Исследования тюремных учреждений на уездном и губернском уровнях за заданный период неизменно растут ввиду модернизационных процессов [14, с. 37-38], происходивших в России во второй половине XIX века. Касательно конкретно территории Тамбовской губернии, то пенитенциарная система в дореволюционный период изучено достаточно слабо, чем объясняется актуальность выбранного исследования. События периода Гражданской войны на территории Тамбовской губернии охарактеризовались появлением концлагерной системой, которая особенно актуальна при исследовании крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Стоит выделить автора В. Ю. Рылова [25], исследовавшего концлагерные учреждения Воронежа и входившего в начале XX века в состав Тамбовской губернии Борисоглебска. Исследование населения концлагерей в годы Гражданской войны на территории Тамбовской губернии, в число которых входили дети, приведены в работах П. П. Щербинина [29]. Изучение отдельных аспектов концлагерной системы в рамках подавления крестьянского восстания в Тамбовской губернии принадлежит О. В. Безаю [2]. Дореволюционные тюрьмы Тамбовской губернии на сегодняшний день изучены достаточно слабо, в частности на уездном уровне. Именно поэтому актуальность выбранного исследования обусловлена подробным изучением мест заключения уездного уровня с применением историко-сравнительного анализа моделей дореволюционной пенитенциарной системы и раннесоветской.

2. Материалы и методы

В основе проведенной работы лежит историко-системный подход, который позволил рассмотреть пенитенциарную политику «двух России» в начале XX века конкретного уездного города. Статистический метод показал число заключенных в местах заключения города Моршанска периода царской России и периода Гражданской войны. Применение сравнительно-исторического метода показало уровень организации мест заключения разных исторических эпох.

Данное исследование основано прежде всего на материалах Государственного архива Тамбовской области и Государственного архива социально-политической истории

Тамбовской области. Дореволюционные материалы о Моршанской уездной тюрьме представлены в 308 фонде. В опубликованных документах Моршанского уездного земского собрания за 1901 и 1910 годы содержится информация о земском арестном доме. Архивный фонд Р-394 Отдела управления исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ГОУ) содержит данные о трех постоянных концлагерях Тамбовской губернии, в том числе сведения о движении заключенных, трудовые сводки, данные инспекции мест заключения. Ежегодные отчеты, представленные в виде обзоров и сборники статистических сведений по Тамбовской губернии, позволяют проследить динамику различных показателей.

3. Результаты

В начале XX в. общую картину тюрем Тамбовской губернии можно охарактеризовать как неудовлетворительную: места заключения переполнены, средств на содержание арестантов зачастую не хватало, сами тюремные замки нуждались в ремонте [12, с. 123-124]. Несмотря на успехи в усовершенствовании уголовного законодательства, положение заключенных, уровень их содержания и нравственного воспитания оставался на низком уровне.

Обращаясь непосредственно к Моршанской уездной тюрьме, отметим, что местный тюремный замок был построен в 1831 г. за 14514 руб. 28 коп. [26, с. 187]. После крупного пожара в Моршанске 25 мая 1875 г. здание тюрьмы серьезно пострадало, ввиду чего арестанты были размещены по уездам. Что касается пересыльных арестантов, то для них было приспособлено семь камер в этом же обгоревшем доме [18, с. 76]. В 1879 г. было окончательно возобновлено здание Моршанской уездной тюрьмы, на строительство которого было потрачено 14749 руб. 93 коп. [19, с. 16]. С этого момента здание тюрьмы, как и большинство тюрем губернии, помещалось в каменном двухэтажном строении с двумя флигелями и каменной оградой. Общее число мест в замке: 80 общих и 20 одиночных. Среднесуточный состав арестантов за последние 3 года 41 срочных и 23 подследственных. В 1878 г. была построена каменная однопрестольная тюремная церковь с деревянной колокольной, освященная в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В 1882 году священник тюремной церкви Дмитрий Ястребов открыл школу грамоты для арестантов, где сам и преподавал Закон Божий [21, с. 151].

Начиная со второй половины XIX века в учреждениях Тамбовской губернии арестанты имели работу как в помещениях тюремных замков, так и в богоугодных заведениях [11, с. 26]. Основные мужские занятия были: пилка дров, чистка дворов и сада, возка кирпича, песка [17, с. 129]. Также весьма распространены были «внешние работы по городскому благоустройству» и «у частных лиц»: рытье канав, очистка дворов, также пилка дров и так далее [20, с. 57]. Что касательно женского труда, то основными занятиями были шитье, починка и стирка белья, уборка овощей с огорода, мытье полов [17, с. 129]. Несмотря на то, что арестантский труд широко применялся, на протяжении второй половины XIX – начала XX века оставалась актуальной проблема устройства мастерских в тюремных замках. Причиной отсутствия таких мастерских во многих замках является теснота помещений. Отметим, что в Моршанской уездной тюрьме была предпринята попытка организовать производство цементного кирпича и черепицы. Но данное производство пришлось прекратить ввиду того, что местные жители предпочитали обычный кирпич. Тем не менее, на территории тюрьмы были организованы следующие виды производства: бондарыня, сапожная и столярная мастерские [5, л. 8-9]. Однако, несмотря на данные попытки организации арестантского труда, важно понимать, что ключевой проблемой являлся спрос на данное производство, который, по большому счету, отсутствовал. Так, в архивных документах содержится информация, в которой Моршанское Тюремное отделение обращается к врачам Моршанского уезда с просьбой сделать тюремным мастерским заказ на изготовление для больниц белья и обуви, «чтоб не

бездельничали при хорошем оборудовании» [5, л. 19].

Из официальной документации мы можем проследить, насколько хорошо финансово обслуживалась тюрьма в Моршанске. Так, в таблице 1 приведено состояние экономических средств Моршанского уездного тюремного отделения в конце XIX в. ходы были выше лишь в Козловском уездном тюремном отделении. Таким образом, можно сделать вывод о том, что содержание Моршанского уездного тюремного отделения было одним из лучших во всей губернии (Табл. 1).

Табл. 1. Состояние экономических средств Моршанского уездного тюремного отделения в конце XIX века.

Table 1. The state of economic resources of the Morshansky district prison department at the end of the 19th century.

Источник: [19]

1894 г.		1895 г.		1896 г.		1897 г.		1898 г.		1900 г.	
Ост. к	Поступило	Ост. к 1895 г.	Поступило	Ост. к 1896 г.	Поступило	Ост. к 1897 г.	Поступило	Ост. к 1898 г.	Поступило	Ост. к 1900 г.	Поступило
	Израсходовано		Израсходовано		Израсходовано		Израсходовано		Израсходовано		Израсходовано
178р. 9к.											
8750р. 38к.											
9363р. 37к.											
5565р. 10к.											
5095р. 84к.											
6161р. 14к.											
4215р. 56к.											
4878р. 35к.											
5663р. 62к.											
3281р. 63к.											
4435р. 47к.											
3709р. 15к.											
4007р. 95к.											
3531р. 53к.											

В 1905 г. в Моршанской тюрьме отбывал наказание революционер Юрий Папиевич Подбельский, брат будущего наркома почт и телеграфов РСФСР Вадима Подбельского. Юрий Папиевич, не раз отбывавший наказание в различных тюрьмах, описал в своих воспоминаниях период отбывания наказания в Моршанской тюрьме. Подбельский так описал облик тюрьмы: «у Моршанской тюрьмы был мирный, домашний вид. Стояла она на главной Софийской улице, под сенью церковного сада, в ряд с обывательскими домами, с таким же тротуаром вдоль двухэтажного дома, с простодушным палисадником перед окнами вместо глухой тюремной ограды. Только вскинув глаза, прохожий мог заметить специальное назначение этого дома. Окна были переплетены решетками, за которыми летом неизменно торчали землистые физиономии арестантов-уголовников. Да еще надзиратель с винтовой на плече подчеркивал своим присутствием особенность дома на Софийской» [22, с. 217].

После тщательного обыска уже внутри тюремного замка, Подбельский попал в одиночную камеру: «в камере стояли койка и столик. Шагнув вглубь узкой и тесной одиночки, я убедился, что она выходит большим и светлым окном на главную улицу [22, с. 217].

Примечателен также сюжет о посещении революционера священником Лачиновым. Как описал данное посещение сам Подбельский, священник вместо наставления на путь исправления сообщил все последние политические новости. Именно от него Подбельский

узнал о Московском вооруженном восстании, о ходе всероссийской железнодорожной забастовки и о крестьянских волнениях. Уже покидая камеру, «сунул под мою подушку «Русские Ведомости», а на другой день прислал мне богатую передачу» [22, с. 218].

Касательно тюремной администрации, то заправлял в то время тюрьмой бывший учитель Казанский, который «властью не особенно злоупотреблял». При нем около 7-8 надзирателей - пожилые отставные солдаты, которые «накапливали себе медали за выслугу лет».

Подводя итог увиденному, Юрий Папиевич пишет следующее: «тюрьма больше походила на странноприимный дом, чем на страшный острог. Каждый день тюрьму заваливали подающими. То и дело к калитке вызывали старосту уголовных, и какая-нибудь старушка в салопе или молодец с купеческого двора вручали ему тяжелые связки баранок или пышные свежие «ситные». Нередко подавания привозили на телегах – так усердно замаливали свои грехи моршанские купцы».

В находившемся в Моршанске земском арестном доме, в котором содержались арестанты по приговорам мировых судей, в 1900 году находилось 22 заключенных. За весь год в данное учреждение поступило 384 человека, 387 освобождено [16, с. 25]. В этом же году на содержание арестного дома было израсходовано 2627 руб. 95 коп., которые были распределены следующим образом (Табл. 2):

Табл. 2. Распределение средств на содержание земского арестного дома.

Table 2. Distribution of funds for the maintenance of the zemstvo arrest house.

Источник: [15]

<i>Жалование служащим</i>	<i>Ремонт</i>	<i>Отопление и свет</i>	<i>Продовольствие арестантов</i>	<i>Вознаграждение священника</i>	<i>Разное</i>
1144 руб.	257 руб., 40 коп.	250 руб.	685 руб., 38 коп.	60 руб.	231 руб., 17 коп.

Продовольствие на одного заключенного в день стоило 7,7 коп. В докладе ревизионной комиссии за 1910 г. сообщается о перекладке печи и ремонте куба в кухне. Осмотр помещения показал, что содержится земский арестный дом довольно чисто, со стороны заключенных жалобы отсутствовали [15, с. 45-46].

После Октябрьской революции 1917 г. новая власть в пенитенциарной сфере поставила цель: «перелом не только во всей системе управления местами заключения, но и во всей постановке отбывания наказания». Главное управление местами заключения (бывш. Главное тюремное управление) переименовано в Карательный отдел Народного Комиссариата Юстиции. Упраздняются тюремные инспекции на местах, их функции переходят к особым органам местных Комиссариатов Юстиции [24, с. 3]. Так называемые «мелкие тюрьмы» подлежали ликвидации, согласно циркуляру Наркомюста РСФСР № 27 от 15 июля 1918 года «О закрытии мелких тюрем и распределении заключенных по категориям». В этом же году на территории Тамбовской губернии были применены попытки закрытия Темниковской, Елатомской, Шацкой и Спасской, однако после телеграммы Исполкома уездного Совдепа Елатомскую тюрьму было решено оставить из-за обострившейся классовой борьбы в деревне [6, л. 2]. Как итог, из 11 тюрем губернии было принято оставить 4: в Тамбове, Козлове, Борисоглебске, Моршанске [7, л. 85].

В оставшихся местах заключения уже в декабре 1918 года наблюдается следующая проблема: заключенные жаловались на не предъявление им обвинения в связи с чем их

заклучение затягивалось на более чем 48 часов. В связи с этим, уже в 1918 г. намечается необходимость разгрузки тюрем [3, л. 12-13].

В пенитенциарной политике советской власти особое место стали занимать концентрационно-трудовые лагеря. Уже 17 апреля 1919 года вышло постановление ВЦИК о лагерях принудительных работ [27, с. 327-332]. Концлагеря, численностью не менее 300 человек, разрешалось устраивать как в черте, так и вблизи каждого губернского города. Во главе стоял комендант, которому помогали заведующий хозяйством и заведующий принудительных работ. За порядком в лагере следил караул, состоящий из начальника, его помощника, двух отделенных и караульной команды. Что касается санитарной гигиены и медицинского надзора, то врач обязан посещать лагерь не менее двух раз в неделю, в случае экстренных заболеваний врач вызывался «во всякое время». Помимо надзора за здоровьем заключенных, на врача также возлагалось наблюдение за санитарным состоянием помещения лагеря, а также за качеством продуктов для приготовления пищи. Для заключенных устанавливался 8-ми часовой рабочий день, вознаграждение за труд производилось по ставкам профсоюзов соответственной местности.

В Моршанске 15 июля 1920 г. был открыт концентрационно-трудовой лагерь, который с момента открытия и до 1921 г. принял 840 заключенных [8, л. 2]. Располагался лагерь в разных помещениях, отведенных под разные категории заключенных. Уже 25 октября комендант Моршанского концлагеря в губисполком сообщает, что на 16 октября в лагере состоит 121 человек, осужденные на сроки от 1 месяца до 10 лет и числящиеся за различными комиссиями. По причине высокого наплыва заключенных, труд сосредоточен на внешних работах и лишь несколько заключенных привлечены к уборке двора и помещений [1, с. 190]. Комендант лагеря отмечает недостаток конвоя для несения охраны и сопровождения на работы заключенных. Как следствие данного недостатка справедливо будет отнести побег двух заключенных с внешних работ [9, л. 181 об. - 182]. В лагере также были оборудованы школа по ликвидации безграмотности, библиотека-читальня, слесарно-жестяночная и столярно-плотничья мастерские.

Среди заключенных в концлагерях Тамбовской губернии особенно выделяются военнопленные поляки, попавшие в лагеря во время советско-польской войны (1919-1921). Как показывает сборник документов, на момент 20 декабря 1920 г. в Тамбовском и Моршанском лагерях находилось 220 пленных поляков среди остальных заключенных. Причем в Моршанском лагере при 282 заключенных 195 – именно поляки [23, с. 197]. Говоря об их положении в лагерных застенках, то на заседании агитпропаганотдела при Моршанском Укомпарте от 13 марта 1921 года, условия отбывания наказания пленных поляков были ужасными: «отсутствует одежда, обувь, недостаток продовольствия и полное отсутствие духовной пищи и политического воспитания, неимение библиотеки и газет и не посылка за все время к ним от Укомпарта агитаторов и лекторов» [4, л. 77 об.], при фактическим приказам о «великодушном отношении к пленным». Тем не менее, уже летом 1921 г. на торфяных разработках был проведен митинг, на котором, согласно докладу, «настроение военнопленных было очень симпатичное и товарищеское» [4, л. 126].

Оборудованные лагеря на территории Тамбовской губернии регулярно инспектировались. В докладе от 25 февраля 1921 года комендант лагеря сообщает, что в одном из зданий Моршанского концлагеря состояло 276 военнопленных. В соседних зданиях численность заключенных доходила до 500. Сообщалось о тесноте помещений и необходимости ремонта: в окнах отсутствовали стекла, двойные рамы, печи дымили, тепла не держали, потолки и стены в неисправном состоянии. Отхожие места отсутствуют, о чем сам комендант ранее сообщал в отдел комхоза, но никакие меры приняты не были [10, л. 4].

В бывшей Моршанской тюрьме был расположен арестный дом, в котором весной 1921 г. на 70 штатных мест приходилось 437 заключенных, среди которых числились разных сроков беременные от 4 до 6 месяцев. Помещение арестного дома загрязненное,

выгребные ямы переполнены. Кипяток выдавался раз в сутки, питание плохое, хлеб отсутствовал [10, л. 23]. Аналогичная ситуация сложилась к весне 1921 года в помещении для содержания заключенных 3 отделения Особого Отдела и на гарнизонной гаупвахте: камеры переполнены заключенными, санитарное состояние мест заключения оставляло желать лучшего, питание скудное.

Данная проблематика в местах заключения сохранялась вплоть до окончания крестьянского восстания в Тамбовской губернии, а уже в 1922 г. большинство концлагерей, в том числе, и Моршанский, были ликвидированы.

4. Заключение

Подводя итоги данного исследования, следует сказать, что системно были изучены две пенитенциарные системы России начала XX века. Анализ дореволюционных источников показал, что состояния пенитенциарных учреждений уездного уровня требовали значительной доработки и в целом от пенитенциарных учреждений других губернии отличий не имели в общероссийском масштабе. Нехватка средств на ремонт и содержание заключенных, коррумпированность администрации тюремного замка, которая шла на пользу самим заключенным, все это имело место быть и в масштабе всей Царской России [14, с. 37-38]. Усовершенствовав уголовное и административное право в рамках модернизационных процессов второй половины XIX в., пенитенциарное законодательство не успевало достичь хороших показателей в условиях отбывания наказания, о чем и свидетельствует исследование Моршанской уездной тюрьмы.

Пенитенциарные преобразования после событий октября 1917 г. требовали времени и спокойного становления новой системы на обломках старой. Ввиду разразившейся Гражданской войны и вспыхнувшего крестьянского восстания в Тамбовской губернии, оборудованные места заключения не выдерживали тех условий, что были прописаны в законодательствах советской власти, тем не менее привели к победе большевиков в Гражданской войне. Оценить эффективность работы концлагерей достаточно трудно, так как вопрос их организации скорее можно отнести к карательным мерам новой власти, нежели к вопросу о гуманности правосудия, перевоспитание преступника через труд.

Список источников и литературы

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания (2007) / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов. 800 с.
2. Безай, О. В. (2018). *Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920-1921 гг.* // Манускрипт. № 8 (94). С. 18-22.
3. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-837. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1314.
5. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 308. Оп. 1. Д. 169.
6. ГАТО. Ф. 508. Оп. 5. Д. 4.
7. ГАТО. Ф. 716. Оп. 3. Д. 2.
8. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 578.
9. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 582.
10. ГАТО. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 702.
11. Голыбина, М. Н. (2014). *Арестанты Тамбовской губернской тюрьмы // Современные тенденции в науке и образовании. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Часть VI.* – М.: Ар-Консалт. С. 26
12. Голыбина, М. Н. (2015). *Тамбовская губернская тюрьма второй половины XIX – начала XX века // Вестник Тамбовского государственного университета.* № 5. С. 118-124
13. Кожухов, Н. А. (2021). *Моршанская уездная тюрьма во второй половине XIX –*

начале XX века // Материалы XI (XXII) Всероссийской научной конференции, посвященной 385-летию Тамбова «Тамбов в прошлом, настоящем и будущем». Тамбов: Типография ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 50-55.

14. Миронов, Б. Н. (2000). Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». Т. 2. 566 с.

15. Моршанское земство. Моршанское уездное земское собрание, XLVI очередной сессии 1910 г. (1911). Моршанск: типо-литография В. И. Холуянова. 619 с.

16. Моршанское уездное земское собрание очередной сессии 1901 г. (1904). Моршанск: типография М. Прокофьева. 226 с.

17. Обзор Тамбовской губернии за 1870 год. (1871). Тамбов: Тип. Губ. правл., 1870-1908. 228 с.

18. Обзор Тамбовской губернии за 1875 год. (1876). Тамбов: Тип. Губ. правл., 1870-1908. 101 с.

19. Обзор Тамбовской губернии за 1879 год. (1880). Тамбов: Тип. Губ. правл., 1870-1908. 56 с.

20. Обзор Тамбовской губернии за 1891 год. (1892). Тамбов: Тип. Губ. правл., 1870-1908. 77 с.

21. Озорнов, И. А. (2010). Моршанск православный / И.А. Озорнов, Н.Л. Федосеева, О.Ю. Левин. Тамбов. 328 с.

22. Подбельский, Ю. П. (1931) В уездной тюрьме // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. № 8/9. С. 217-227.

23. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР (1919–1922 годы): Документы и материалы. (2004). М.: Институт славяноведения РАН, 403 с.

24. Рассказов, Л. П., Упоров, И. В. (1999). Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России. 491 с.

25. Рылов, В. Ю. (2011). *Принудительный труд и концентрационные лагеря в Воронеже 1919-1922 гг.* // Из истории Воронежского края. Вып. 18. С. 233-248.

26. Сборник действующих циркуляров Центрального Карательного Отдела НКЮ за 1917 – 1920 гг.: с приложением предметного указателя. (1921). РСФСР. М.: Издание Центрального Карательного Отдела. 190 с.

27. Сборник-календарь Тамбовской губернии: на 1903 год. (1903). Издание Тамбовского Губернского Статистического Комитета. Тамбов: Типография Губернского правления. 212 с.

28. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. (1943). Управление делами Совнаркома СССР. М.: Юридическая литература, 1482 с.

29. Щербинин, П. П., Чубаров, А. И., Щербинина, Ю. В. (2019) *Дети-сироты в годы Гражданской войны: от беспризорности к концлагерям* // Вестник Тамбовского университета. Т. 24. № 182. С. 260-271.

References

1. «Antonovshchina». Krest'yanskoye vosstaniye v Tambovskoy oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya (2007) ["Antonovshchina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920–1921: Documents, materials, memoirs]. State. archive of the Tambov region. et al. Tambov. (in Russian).

2. Bezaj, O. V. (2018). *Ispol'zovanie konclagerej v hode podavlenija Tambovskogo vosstaniija 1920-1921 gg.* [The use of concentration camps during the suppression of the Tambov uprising of 1920-1921] In *Manuskript*, 8 (94), 18-22. (in Russian).

3. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tambovskoj oblasti (GASPITO) [State archive of socio-political history of the Tambov region], f. P-837, op. 1, d. 13. (in Russian).
4. GASPITO, f. P-840, op. 1, d. 1314. (in Russian)
5. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti (GATO) [State archive of the Tambov region], f. 308, op. 1, d. 169. (In Russian).
6. GATO, f. 508, op. 5, d. 4. (in Russian).
7. GATO, f. 716, op. 3, d. 2. (in Russian).
8. GATO, f. R-394, op. 1, d. 578. (in Russian).
9. GATO, f. R-394, op. 1, d. 582. (in Russian).
10. GATO, f. R-394, op. 1, d. 702. (in Russian).
11. Golybina, M. N. (2014). *Arestanty Tambovskoj gubernskoj tjur'my* [Prisoners of the Tambov provincial prison] in *Sovremennye tendencii v nauke i obrazovanii*. Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Chast' VI. Moscow: Ar-Konsalt. 26-27. (in Russian).
12. Golybina, M. N. (2015). *Tambovskaja gubernskaja tjur'ma vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Tambov provincial prison of the second half of the 19th – early 20th centuries] in *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. 118-124. (in Russian).
13. Kozhuhov, N. A. (2021). *Morshanskaja uezdnaja tjur'ma vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Morshansk district prison in the second half of the 19th - early 20th century] In *Materialy XI (XXII) Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 385-letiju Tambova «Tambov v proshlom, nastojashhem i budushhem»*, Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ. 50-55. (in Russian).
14. Mironov, B. N. (2000). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nach. XX v)* [Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early XX centuries)]. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin». Vol. 2. 566. (in Russian)
15. Morshanskoe zemstvo. (1911). *Morshanskoe uezdnoe zemskoe sobranie, XLVI ocherednoj sessii 1910*. [Morshansky zemstvo. Morshansky district zemstvo assembly, XLVI regular session of 1910] Morshansk, V.I. Kholuyanov Publ. (in Russian)
16. Morshanskoe uezdnoe zemskoe sobranie ocherednoj sessii 1901 g. (1904). [Morshansky district zemstvo assembly of the regular session of 1901] Morshansk, M. Prokof'ev Publ. (in Russian)
17. Obzor Tambovskoy gubernii za 1870 god. (1871). [Review of the Tambov province for 1870]. Tambov, 1870-1908. (in Russian).
18. Obzor Tambovskoy gubernii za 1875 god. (1876). [Review of the Tambov province for 1870]. Tambov, Provincial government Publ. (in Russian).
19. Obzor Tambovskoy gubernii za 1879 god. (1880). [Review of the Tambov province for 1870]. Tambov, Provincial government Publ. (in Russian).
20. Obzor Tambovskoy gubernii za 1891 god. (1892). [Review of the Tambov province for 1870]. Tambov, Provincial government Publ. (in Russian).
21. Ozornov, I. A. (2010). *Morshansk pravoslavnyj* [Morshansk Orthodox] / I.A. Ozornov, N.L. Fedoseeva, O.Ju. Levin. Tambov. (in Russian).
22. Podbel'skij, Ju. P. (1931). *V uezdnoj tjur'me* [In the county jail]. In *Katorga i ssylka: istoriko-revoljucionnyj vestnik*, 8/9, 217-227 (in Russian).
23. *Pol'skie voennoplennye v RSFSR, BSSR i USSR (1919–1922 gody): Dokumenty i materialy*. (2004). [Polish prisoners of war in the RSFSR, BSSR and Ukrainian SSR (1919–1922): Documents and materials]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS, (in Russian).
24. Rasskazov, L. P., Uporov, I. V. (1999). *Lishenie svobody v Rossii: istoki, razvitie, perspektivy* [Imprisonment in Russia: origins, development, prospects]. Krasnodarskij juridicheskij institut MVD Rossii. (in Russian).

25. Rylov, V. Ju. (2011). *Prinuditel'nyj trud i koncentracionnye lagerja v Voronezhe 1919-1922 gg.* [Forced labor and concentration camps in Voronezh 1919-1922] in *Iz istorii Voronezhskogo kraja*, 14, 233-248. (in Russian).

26. Sbornik deystvuyushchikh tsirkulyarov Tsentral'nogo Karatel'nogo Otdela NKYu za 1917 – 1920 gg: s prilozheniem predmetnogo ukazatelya. (1921). [Collection of current circulars of the Central Punitive Department of the People's Commissariat of Justice for 1917 - 1920: with an attached subject index] In *RSFSR*. Moscow, Central punitive department Publ. (in Russian).

27. Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii: na 1903 god. Izdanie Tambovskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta. (1903). [Collection-calendar of the Tambov province: for 1903] Tambov, Provincial government Publ. (in Russian).

28. Sobranie zakoneny i rasporyazheniy pravitel'stva za 1919 g. (1943). [Collection of laws and government orders for 1919.] In *Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR*. Moscow, Legal literature, (in Russian).

29. Shherbinin, P. P., Chubarov, A. I., Shherbinina, Ju. V. (2019) *Deti-sirotly v gody Grazhdanskoj vojny: ot besprizornosti k konclagerjam* [Orphans during the Civil War: from homelessness to concentration camps] in *Vestnik Tambovskogo universiteta*, 24, 182, 260-271. (in Russian)

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-130-143>
УДК 94(47).084.3

**СОВЕТСКИЙ ДИПЛОМАТ И ИНОСТРАННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ В СССР
В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ПО СТРАНИЦАМ СЛУЖЕБНОГО ДНЕВНИКА
Н. Г. ПАЛЬГУНОВА (1941–1942 ГГ.)**

В. А. Невежин

*Институт российской истории РАН,
ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия*

Аннотация

Введение. Исследование посвящено актуальной проблеме повседневной политической жизни сотрудников Народного комиссариата иностранных дел СССР в период Великой Отечественной войны. Новизна статьи заключается в том, что изучаемая проблема является малоизученной, а целый ряд документов вводятся в научный оборот впервые. **Материалы и методы.** Основными источниками послужили документальный комплекс Архива внешней политики РФ. Методологической основой исследования явились общенаучные, специальные исторические и источниковедческие методы. **Результаты.** Одной из составляющих повседневной политической жизни советского дипломата Н. Г. Пальгунова, возглавлявшего в 1941–1942 гг. Отдел печати Народного комиссариата иностранных дел, являлись контакты с иностранными корреспондентами (инкорами), представлявшими СМИ стран – союзников СССР по антигитлеровской коалиции – Великобритании и США. Инкоры стремились получать актуальную информацию о военных усилиях Советского Союза и вкладе его граждан, находившихся в тылу в оборону страны. Однако получение подобной информации затруднялось наличием строгой политической цензуры в СССР. Острая конкуренция между представителями СМИ Великобритании и США усугубляла ситуацию. В создавшихся условиях Н. Г. Пальгунов выступал в роли своеобразного рефери, к которому они постоянно обращались за помощью, как в деле получения сведений о ситуации на фронте, так и по вопросам устройства своего быта. **Заключение.** Опираясь на не опубликованный служебный дневник Н. Г. Пальгунова за 1941–1942 гг. автор данной статьи уточнил персональный состав иностранных корреспондентов Великобритании и США, аккредитованных в СССР в тот период. Опираясь на этот источник, который использовался в совокупности с мемуарами Пальгунова, в статье представлена реальная картина взаимоотношений Отдела печати НКВД с инкорами. При этом автор акцентировал внимание на таких сюжетах, как специфика деятельности иностранных журналистов в Москве и в Куйбышеве, организациях их поездок во фронтную зону. Выявлены причины негативного отношения к Н. Г. Пальгунову, который обвинялся ими в бюрократизме и некомпетентности.

Ключевые слова: Великая Отечественная войны, антигитлеровская коалиция, повседневная жизнь, иностранные корреспонденты, Н. Г. Пальгунов, служебный дневник.

Для цитирования: Невежин В. А. Советский дипломат и иностранные корреспонденты в СССР в условиях войны: по страницам служебного дневника Н. Г. Пальгунова (1941–1943 гг.) // История: факты и символы. 2023. № 4 (37). С. doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-130-143

Статья поступила: 14.07.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12. 2023

© Невежин В., 2023

SOVIET DIPLOMAT AND FOREIGN CORRESPONDENTS IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: THROUGH THE PAGES OF PALGUNOV'S OFFICE DIARY (1941-1942)

Vladimir A. Nevezhin

Institute of Russian History RAS,

st. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russia

Abstract

Introduction. This study is concerned with a problem of current interest, namely, the everyday political life of workers at the USSR Peoples' Commissariat of Foreign Affairs during the Great Patriotic War. The novelty of the present study lies in the fact that the problem has been little investigated, while several documents are thereby introduced into general use for the first time.

Materials and methods. The sources were the document complex in the Archive of Foreign Politics of the Russian Federation. The methodology is based on general scholar, special historical and source studies methods. **Results.** One of the components in the everyday political life of the Soviet diplomat Palgunov, who headed the Press Department in the Peoples' Commissariat of Foreign Affairs, consisted of contacts with foreign correspondents who represented the mass media of the Allies, namely, Great Britain and the US. The correspondents were eager for getting the information concerning the war effort of the Soviet Union and the contributions into the defense of the country on the part of its citizens in the rear. However, this was hindered by the presence of strict political censorship in the USSR. The situation was aggravated by acute competition between British and American correspondents. Given these conditions, Palgunov acted as a kind of referee who was called upon to aid, both in obtaining information on the situation on the front and for help in the needs of their everyday life. **Conclusions.** The present author used the unpublished job diary of Palgunov for 1941–1942 to get a more accurate list of the British and American correspondents who were accredited in the USSR during that period of time. When combined with Palgunov's memoirs, this source was used to present a true picture of how the Press Department was interacting with foreign correspondents. This author emphasized subjects such as the peculiarities in the activity of foreign correspondents in Moscow and Kuibyshev and in questions relating to the organization of their trips to the front zone. It has been found why they blamed Palgunov for bureaucracy and incompetence.

Keywords: Great Patriotic War, anti-Hitler coalition, everyday life, foreign correspondents, Palgunov, office diary.

For citation: Nevezhin V. Soviet diplomat and foreign correspondents in the USSR during war: through the pages of an Palgunov's office diary (1941-1942) In *History: facts and symbols*. 2023, 37, 4, pp. 130-143 doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-130-143

Received: 14.07.2023

Revised: 29. 10.2023

Published: 19.12.2023

© Nevezhin V., 2023

1. Введение

Проблема изучения истории повседневной политической жизни советских дипломатов в период Великой Отечественной войны является актуальной научной проблемой. Она позволяет раскрыть объективную картину межсоюзнических отношений, оценить вклад Народного комиссариата иностранных дел в достижении победы над фашистской Германией.

В период Великой Отечественной войны советские дипломаты выполняли важную миссию по осуществлению контактов и связей с представителями союзных СССР государств в интересах общей Победы над нацистской Германией и ее сателлитами.

Львиную долю повседневной служебной деятельности советских дипломатов в годы войны составляла их довольно разнообразная, если не сказать, рутинная работа. Одним из направлений этой работы было повседневное общение с иностранными корреспондентами. Данный сюжет частично освещен в исследовательской [6; 7; 8; 15] и в мемуарной литературе [4; 5; 9; 10; 11; 13; 14].

Однако еще не все аспекты изучаемой проблемы изучены в достаточной степени. Благодаря введению в научный оборот новых архивных документов представляется возможным расширить исследовательский горизонт.

2. Материалы и методы

Данная статья посвящена локальной теме, однако дает возможность исследовать ранее не известные подробности из повседневной политической жизни руководящего состава одного из важных структурных подразделений НКВД – Отдела печати. В научный оборот впервые вводятся материалы служебного дневника заведующего этим отделом Н. Г. Пальгунова, которые сохранились в фонде 06 (Секретариат наркома В. М. Молотова) Архива внешней политики Российской Федерации. В нем зафиксированы записи бесед Пальгунова с иностранными корреспондентами за периоды: с 3 января по 31 декабря 1941 г. (Оп. ЗАВТО. П. 6. Д. 58); с 8 января по 28 апреля 1942 г. (оп. 4. П. 12. Д. 112); 7 апреля – 2 мая 1942 г. (Оп. Оп. 4. П. 12. Д. 111).

Наряду с этим источником в статье использовались документальные публикации по истории взаимоотношений СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции, а также мемуары участников событий.

Методологической основой исследования явился комплекс общенаучных, специальных исторических и источниковедческих научных подходов. Микроисторический подход позволил исследовать подробности повседневной политической жизни Н. Г. Пальгунова в контексте его сложных и неоднозначных взаимоотношений с иностранными дипломатами в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.).

3. Результаты

В период Великой Отечественной войны советские дипломаты выполняли важную миссию по осуществлению контактов и связей с представителями союзных СССР государств в интересах общей Победы над нацистской Германией и ее сателлитами. Львиную долю их повседневной служебной деятельности составляла довольно

разнообразная, если не сказать, рутинная работа. Одним из направлений этой работы было повседневное общение с иностранными корреспондентами.

По итогам своих встреч с ними Н. Г. Пальгунов вел краткие подневные записи, которые затем распечатывались, а их копии направлялись народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову, его заместителям (А. Я. Вышинскому, С. А. Лозовскому, В. Г. Деканозову), генеральному секретарю НКВД А. А. Соболеву, а также А. С. Щербакову.

Всего в служебном дневнике Н.Г. Пальгунова за период с 22 июня 1941 по 2 мая 1942 г. такого рода записей начитывается около 170 [1-3]. Объем каждой из них составлял от 1 до 3–4 машинописных страниц. Записи велись в Москве и в Куйбышеве (куда во второй половине октября 1941 г. направились инкоры вслед за членами дипломатического корпуса).

Пальгунов фиксировал: день и час приема каждого конкретного инкора; суть его просьбы или содержание сообщенной информации, а также смысл принятого решения. Нередко бывало и так, что Н. Г. Пальгунова посещали со своими просьбами одновременно сразу несколько английских и американских журналистов.

В непосредственном подчинении народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова к началу Великой Отечественной войны находилось 641 человек, а ко времени ее завершения штат НКВД составлял 755 человек.

В его структуре состояло полтора десятка отделов. Одни из них (территориальные) ведали взаимоотношениями с конкретными группами стран (например, Четвертый Европейский, Американский). Другие (функциональные) занимались различными профильными вопросами организации работы НКВД, например, Протокольный отдел, Отдел печати и другие.

Отдел печати контролировал распространение информации, касавшейся международных событий. Он работал в тесном контакте с Телеграфным агентством СССР, Радиокomiteетом, советскими и зарубежными средствами массовой информации. В годы войны это структурное подразделение НКВД фактически находилось в подчинении Советского информационного бюро (Совинформбюро), которое возглавлял кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков.

Как уже отмечалось, специфика деятельности Отдела печати состояла в том, что в период Великой Отечественной войны его руководитель Н. Г. Пальгунов среди прочего отвечал за работу с аккредитованными иностранными корреспондентами, находившимися в СССР (инкорами).

Н. Г. Пальгунов родился в 1898 г. в Петербурге в бедной многодетной семье, глава которой из деревни перебрался на жительство в столицу. До революции 1917 г. Пальгунов окончил четырехклассное высшее начальное, а затем реальное училище. В советское время он прошел курсы журналистов-международников. С 1929 по 1940 гг. работал в Иране, Финляндии и Франции в качестве корреспондента ТАСС. Самостоятельно изучил несколько иностранных языков (немецкий английский, французский, фарси).

По возвращении в СССР 23 июня 1940 г. Н. Г. Пальгунов решением Секретариата ЦК ВКП(б) был назначен исполняющим обязанности заведующего Отделом печати НКВД, а 17 июня 1941 – возглавил этот отдел.

Корпус инкоров союзных стран, работавших в СССР, в период Великой Отечественной войны значительно пополнился. Н. Г. Пальгунов отмечал, что после нападения Германии на СССР, в условиях складывания антигитлеровской коалиции, наблюдался «бурный наплыв» в советскую столицу «видных иностранных газетных репортеров, направлявшихся сюда в качестве военных корреспондентов» [11, с. 239].

В таблицах № 1 и № 2 представлены сводные данные о британских и американских журналистах, работавших в Москве и Куйбышеве в 1941–1942 гг.

*Таблица № 1**Британские корреспонденты, работавшие в контакте с Отделом печати НКВД (1941–1942 гг.)**Источник: Составлена автор на основании указанных в тексте статьи архивных документов и мемуарной литературы**Tables 1**British correspondents, working in contact with the People's Commissariat for Foreign Affairs Press Department (1941–1942)**Source: Compiled by the author on the basis of archival documents and memoirs indicated in the text of the article*

Фамилия и имя	Название информационного агентства или газеты
Бланден, Годфри	«Аустрелиен Консолидейтед Пресс», «Ивнинг Стандарт»
Верт, Александр	«Санди Таймс»
Винтертон, Пауль	«Ньюс Кроникл»
Инкпин, Артур	«Раша Тудей»
Кинг, Гарольд	«Рейтер»
Ловелл, Морис	«Рейтер»
Магидов, Роберт	«Эксчендж Телеграф»
Мак Лафлин, Эрик	«Дейли Экспресс», «Сидней Морнинг Геральд»
Паркер, Ральф	«Таймс», «Нью-Йорк Таймс»
Турнер, Бернард	«Дейли Геральд», «Давар» (Тель-Авив)
Фарсон, Джеймс	«Дейли Мейл»
Хандлер, Майер	«Бритиш Юнайтед Пресс»
Чоллертон, Альфред	«Дейли Экспресс»

*Таблица № 2**Американские корреспонденты, работавшие в контакте с Отделом печати НКВД (1941–1942 гг.)**Источник: Составлена автор на основании указанных в тексте статьи архивных документов и мемуарной литературы**Table 2**American correspondents, working in contact with the People's Commissariat for Foreign Affairs Press Department (1941–1942)**Source: Compiled by the author on the basis of archival documents and memoirs indicated in the text of the article*

Фамилия и имя	Название информационного агентства или газеты
Вивер, Джанет ¹	«Интерконтинент Ньюс»
Керр, Вальтер	«Нью-Йорк Геральд Трибюн»
Кэссиди, Генри	«Ассошиэйтед Пресс»

¹ Литературный псевдоним журналистки Джони Эльси Уэст – В.Н.

Лесур, Ларри	«Коламбия Бродкастинг Систем»
Стил, Арчибальд	«Чикаго Дейли Ньюс»
Шапиро, Генри	«Юнайтед Пресс Интернейшнл»

Наряду с «буржуазными, капиталистическими», как их называли в СССР, корреспондентами при НКВД были также аккредитованы представители Информационного агентства Коминтерна «Сервис Юниверсаль де ля Пресс» («Супресс») (в частности, его заведующий австрийский коммунист Фриц Глаубауф), а также корреспондент английской газеты левой ориентации «Дейли Телеграф» Джон Гиббонс. С 21 января 1941 г. по 7 сентября 1942 г. эта газета находилась под запретом британского правительства.

Следует отметить наличие специфики в служебной деятельности инкоров, с которыми доводилось повседневно общаться Пальгунову в военные годы. Одни из них являлись сотрудниками мощных транснациональных агентств с многолетними традициями распространения информации по всему миру («Ассошиэйтед пресс», «Рейтер», «Юнайтед Пресс»). Другие действовали как корреспонденты различных газет («Таймс», «Нью Йорк Таймс» и т.д.).

Близкое знакомство с записями в служебном дневнике Пальгунова за 1941–1942 г. позволяет сделать определенные выводы, касающиеся состава иностранного корреспондентского корпуса и настроений, царивших в нем.

Уже 22 июня 1941 г. инкоры Великобритании, США, Франции заявили о своей готовности распространять информацию о сопротивлении СССР, который они рассматривали как союзника, его армии и народа германской агрессии [12, док. 42, с. 139-131].

2 июля 1941 г. к Н. Г. Пальгунову явился Альфред Чоллертон, который сообщил о намерении английского посольства в Москве назначить его пресс-секретарем. Он также заявил Пальгунову о своем намерении «передать обильную информацию о Советском Союзе для нужд английского министерства иностранных дел и английского министерства информации». «Я хотел бы, – продолжал Чоллертон, – передавать информацию, написанную в самых “горячих тонах”, такую информацию, которая могла быть противопоставлена германской пропаганде». Поскольку подобная информация «будет исходить от посольства [Англии], я не думаю, чтобы она должна была просматриваться цезурой Отдела печати», – выразил надежду Альфред Чоллертон [1, л. 147].

Между тем дальнейшие события показали, что в отношении инкоров была установлена жесткая цензура в доступе к информации. Например, тексты подготовленных инкорами информационных материалов (телеграмм) предварительно самым внимательным образом просматривались в Отделе печати лично Н. Г. Пальгуновым и его референтами, причем порой из представленных текстов вычеркивались целые абзацы, а в результате выхолащивалось всё содержание. Далее телеграммы инкоров попадали к В. М. Молотову, который окончательно визировал их перед отправкой за рубеж.

Иностранцы просто ненавидели Н. Г. Пальгунова за жесточайшую цензуру и за необязательность, поскольку считали, что именно он интервью и поездки. Он привлекал к работе в качестве цензоров сотрудников НКВД, не имевших опыта общения с европейцами или американцами. Отдел печати был в основном укомплектован дипломатическими работниками, ранее служившими в Китае и Японии. В своей повседневной деятельности они использовали словарь в качестве главного помощника, имея дело с англоязычными текстами. Вызывавшие их подозрение слова и выражения, встречавшиеся в телеграммах инкоров, которые не удавалось найти в словаре, беспощадно вычеркивались референтами-цензорами.

Журналистов по существу вынуждали писать примитивным языком начальных классов школы. После этого они садились рядом с цензорами, пытались разъяснить, что именно подразумевалось в той или иной фразе.

С разрастанием количества военных журналистов референты Отдела печати НКВД работали буквально на износ, круглыми сутками вычитывая телеграммы, поскольку требовалось поторопиться переслать их к утреннему выпуску иностранных газет [6, с. 98].

Подобный порядок работы, установленный советской цензурой для иностранных журналистов, явно приходился им не по нраву. Они особо не утруждали себя в поисках виноватых в создавшейся ситуации. Своеобразным козлом отпущения для них являлся заведующий Отделом печати НКВД, о чем свидетельствуют некоторые исследования [6; 7; 8].

В мемуарах инкоров Н. Г. Пальгунов представал в довольно неприглядном виде. Так, Эдди Гилмор давал ему следующую характеристику: «Пальгунов [...] удивительный человек. Независимо от того, какие затруднения возникают у других официальных лиц, независимо от того, как резко изменяется линия партии, он продвигается» [9, с. 67].

Инкоры были уверены, что даже советские коллеги боялись Пальгунова, считая, что он имел большие связи в ЦК ВКП(б) [6, с. 98].

Н. Г. Пальгунов следующим образом пытался оправдать строгие цензурные ограничения, установленные для инкоров в военных условиях: «Журналисты отправляли телеграммы на родном языке – английском, французском, китайском, испанском, чешском, японском, польском...

Цензура осуществлялась отделом печати и была открытой: автор телеграммы знал, что именно вычеркнул цензор из его сообщения и, если он придавал вычеркнутому большое значение, мог в ряде случаев договориться с цензором о новой формулировке его» [11, с. 243].

Недостаток информации о боевых действиях Красной армии на советско-германском фронте и повседневной жизни в советском тылу не могли компенсировать периодические пресс-конференции для иностранных корреспондентов, которые давал заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский с 28 июня 1941 г. по 23 апреля 1942 г. в Москве и в Куйбышеве. Однако данные мероприятия по существу не имели желаемого эффекта, поскольку их организаторы действовали по заранее заготовленному «сценарию» и в результате оставались без ответа наиболее острые вопросы инкоров, связанные с ходом боевых действия Красной армии на советско-германском фронте. По окончании пресс-конференций журналисты союзных стран неизменно намекали друг другу на некомпетентность С. А. Лозовского [7, с. 183-184].

15 октября 1941 г., когда в ходе боевых действий под Москвой сложилась критическая для советской стороны ситуация, некоторые члены Советского правительства, большая часть сотрудников НКВД во главе с первым заместителем народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинским, практически весь дипломатический корпус, а также инкоры направились в «запасную столицу» – Куйбышев.

Н. Г. Пальгунов довольно подробно описал в мемуарах далеко не благополучную ситуацию, в которой оказались инкоры по прибытии в Куйбышев. Этот город за годы советской власти превратился «из небольшого купеческого города Самары превратился в большой культурный центр», в котором имелись вузы, научные учреждения, музеи, театры, фабрики, заводы, многоэтажные жилые дома. В Куйбышеве велось большое строительство, но не создавали гостиничного комплекса. Правда, «сохранились старомодные гостиницы, отставшие от требований и вкусов времени, хотя и с хорошей кухней, богатым погребом и светлыми залами ресторана». Не привыкшие к такого рода неурядицам инкоры, как писал Н. Г. Пальгунов, «изнывали от скуки, изошрялись в колкостях по поводу их бытового устройства» (точнее, неурядицы), поскольку, например, в гостиницах было

недостаточно ванн комнат. Они непрерывно «злословили друг о друге, острили по поводу жизни иностранной колонии», т.е. дипломатического корпуса. По определению Пальгунова, инкоры «все скопом ворчали на условия работы, якобы мешавшие свободному взлету литературных талантов людей, относящихся с симпатией к борьбе советского народа против фашистских поработителей» [11, с. 246].

Н. Г. Пальгунов даже образно изложил общую суть претензий иностранного журналистского пула в отношении Отдела печати: «Зачем вы [...] требуете от нас рабской точности в описании событий? Какая беда, если мы сообщим о приезде в Москву или Куйбышев того или иного государственного деятеля на день или два раньше его действительного приезда? Зачем всё время писать о боях? Разве мешает делу картинность освещения событий?» [11, с. 247].

Во всех подробностях, в основном, касавшихся бытовых условий и особенностей повседневной жизни, рассказали в мемуарах о своём пребывании в Куйбышеве в 1941–1943 гг. и иностранные журналисты. С особой иронией (и самоиронией) живописали они времяпрепровождение в «Гранд отеле», гостинице, где проживали, обедали и ужинали. Так, Эдди Гилмор следующим образом представил обстановку гостиничного номера, в котором его разместили: «Здесь стояли две старые железные кровати, сломанные в середине и провисавшие почти до пола. Не было никакой ванной комнаты и водопроводного крана. Два огромных двойных окна выходили на улицу, главную улицу Куйбышева. Они были покрыты льдом, и в свете единственной голой электрической лампочки, свисавшей с побеленного потолка, комната выглядела еще более холодной, чем это было на самом деле. И было холодно. Там был большой платяной шкаф, разбитый и искореженный, и два маленьких деревянных стола» [9, с. 49].

Вынужденная бездеятельность, которая буквально одолевала инкоры в Куйбышеве, была временно прервана на исходе 1941 г. В декабре, после начала контрнаступления Красной армии под Москвой, была организована поездка американских и английских инкоры на фронт, точнее, в прифронтовую зону, поскольку погодные условия (жесточайший мороз и обильные снежные заносы) крайне затрудняли продвижение журналистского эскорта.

Н. Г. Пальгунов вспоминал, с какими трудностями была сопряжена эта поистине уникальная операция. Было необходимо, прежде всего, договориться о допуске значительной группы штатских лиц (инкоры, переводчиков, сотрудников Отдела печати) в зону боевых действий, организовать их охрану, обеспечить не только возможности для наблюдения и обзора событий, но каким-нибудь жильем (что было крайне затруднительно во фронтовых условиях), а также питанием.

Передвигались инкоры в сопровождении советских представителей преимущественно по ночам (чтобы избежать бомбежки); обходя минные поля. Группа посетила Ржев, только что освобожденный Клин и ряд разрушенных в результате боевых действий населенных пунктов [11, с. 248-253].

Подробности этой поездки были отражены, в частности, в мемуарной литературе. Так, Генри Кэссиди вспоминал, как в первую ночь по прибытии в зону недавних боевых действий, недалеко от Каширы, один из автомобилей ЗИС, на котором инкоры и сопровождавшие их лица выехали из Москвы, застрял в дороге.

Всё происходившее далее Кэссиди описал с большой иронией. Пока водители обсуждали создавшиеся проблемы, связанные с выбором дальнейших действий, Н. Г. Пальгунов «своим безошибочным чутьем нашел еду в одном из темных, заколоченных домов»: «Он постучался, и после коротких переговоров нас пригласили в дом, оказавшийся рестораном. Внутри было светло, тепло и гостеприимно. Вокруг клубился пар от приготовленных для нас тарелок супа и тефтелей, а также готовящегося отварного

картофеля. На десерт Пальгунов, покопавшись в своем багаже, достал керамическую бутылку с ликером «Шартрез», которую мы с удовольствием распили за чаем» [9, с. 105].

К сожалению, эта поездка не принесла ожидаемых результатов в смысле получения инкорами эксклюзивной информации о наступлении Красной армии.

На обратном пути из Москвы в Куйбышев, 31 декабря 1941 г., заведующий Отделом печати НКВД имел не приятную для него беседу с инкорами, в которой участвовали Филипп Джордан, Альфред Чоллертон, Морис Ловелл, Ральф Паркер, Мак Лафлин, Роберт Магидов, Генри Кэссиди, Генри Шапиро, Вальтер Керр, Арчибальд Стил и Ларри Лазур. Как отмечал Пальгунов в служебном дневнике, представители СМИ союзных держав практически в один голос «повторяли утверждения, что в Куйбышеве иностранным корреспондентам нечего делать, что возвращение инкоров в Куйбышев равносильно смене ими активной деятельности на своего рода оранжерейное прозябание (sic – В.Н.)». Они настойчиво просили заведующего Отделом печати НКВД «в самое ближайшее время вернуть их в Москву на постоянное проживание».

Особенно эмоциональным выглядел пространный обличительный монолог Альфреда Чоллертона, которого Пальгунову порой даже приходилось одергивать. Британский журналист «с раздражением стал утверждать, что в Советском Союзе третируют иностранных корреспондентов, рассматривают их в качестве трюсов, не считаются с их профессиональными особенностями, заставляют жить вдали от подлинного центра страны, каким всегда была и продолжает оставаться всё время Москва». Чоллертон ссылаясь на мнение некоторых представителей дипломатического корпуса, которые «недовольны пребыванием иностранных корреспондентов в Куйбышеве и хотели бы, чтобы корреспонденты находились поближе к центру событий».

В завершение своего бурного монолога Альфред Чоллертон категорически заявил: «Лично я не поеду в Москву иначе, чем¹ на постоянное пребывание в ней. Я намерен отправиться в Тегеран к моему другу Булларду² [...], проведу у него месяц и затем вернусь не в Куйбышев, а в Москву. Если же корреспондентов заставят оставаться в Куйбышеве, я предпочту работать в Тегеране» [1, л. 149-152].

Н.Г. Пальгунов писал в мемуарах, что и после декабрьской поездки в прифронтовую зону «иностранные журналисты продолжали ворчать на отдел печати». Они якобы мешали «полету фантазии» инкоров, препятствуя тем самым распространению собственной советской пропаганды. В ответ, по словам Пальгунова, звучали уверения в том, что его сотрудники помогают иностранным журналистам облегчить условия их деятельности. Подобные «дискуссии» между руководством Отдела печати и инкорами периодически велись в том же духе и в дальнейшем [11, с. 252].

21 января 1942 г. по решению советской стороны инкоры были оставлены в Москве. Данное решение было встречено с одобрением, поскольку они обоснованно считали советскую столицу более комфортным для себя местом пребывания и получения информации, чем Куйбышев.

В то же время оставался актуальным вопрос о доступе иностранных журналистов к информации. 6 февраля 1942 г. Н. Г. Пальгунов имел беседу с Ф. Глаубауфом, который прибыл на прием с очередной жалобой. От имени инкоров Глаубауф заявил, что, находясь в Москве, они страдают от «вынужденного безделья», поскольку «за последние дни в советской печати помещается сравнительно мало обстоятельных корреспонденций с фронта». Помимо этого, представители СМИ союзных СССР держав испытывали чувство «известной досады», поскольку оказываются «обойденными» в доступе информации о положении на фронте в сравнении с советскими военкорами. Так, писатель Илья Эренбург,

¹ Так в документе. – В.Н.

² Буллард, Ридер, британский посланник (с 1942), посол (1943-1946) Великобритании в Иране. – В.Н.

сотрудничавший с ТАСС и Совинформбюро, одновременно состоял в штате агентства «Юнайтед Пресс», а также некоторых английских и американских газет, имел возможность посещать фронтную зону «значительно чаще, чем это дозволено иностранным корреспондентам». Помимо прочего, иногда он прибывал на фронт на несколько дней раньше представителей СМИ союзных стран и тем самым получал необходимую информацию раньше, чем они. «В результате, – заключал Глаубауф, – работа иностранных корреспондентов оказывается мере обесцененной: ни одна газета и ни одно агентство не желает распространять телеграммы своих корреспондентов на ту тему, на которую уже были несколько дней раньше переданы сообщения Эренбурга через агентство “Юнайтед Пресс”» [3, л. 28].

Существовал еще один фактор, негативно отражавшийся как на взаимоотношениях между самими инкорами, так и между иностранными корреспондентами и Отделом печати НКВД. 4 марта 1942 г. корреспонденты агентства «Ассошиэйтед Пресс» Эдди Гилмор (в присутствии своего коллеги Роберта Магидова) во время беседы с Н. Г. Пальгуновым высказал претензии по поводу того, что Отдел печати осуществляет дискриминацию в отношении этого агентства. В ответ Пальгунов пытался объяснить Магидову: в его ведомстве установлен порядок, в силу которого информационные агентства пользуются рядом существенных преимуществ по сравнению с газетами. В частности, агентские телеграммы просматриваются цензорами вне очереди. Далее, разъяснял Н. Г. Пальгунов, «корреспонденты агентств приглашаются на все экскурсии и интервью, организованные Отделом печати». Однако, Отдел печати «не видит надобности привлекать корреспондентам телеграфных агентств к участию во встречах и беседах, организованных по индивидуальным запросам и обращениям отдельных корреспондентов газет, тем более, что очень часто такого рода запросы могут представлять интерес именно для тех изданий, представители которых с этими запросами [...] обращаются» [3, л. 73-74].

18 апреля 1942 г. Вальтер Керр прибыл к Н. Г. Пальгунову с очередной жалобой. Суть дела на сей раз состояла в том, что секретариат Отдела печати неравномерно распределял информационные материалы, «поступающие для иностранных корреспондентов по телетайпу». По словам Керра, сотрудники секретариата «не обеспечивают всех аккредитованных в Куйбышеве корреспондентов полученной из Москвы по телетайпу информацией в одно и то же время и создается положение, при котором корреспонденты телеграфных агентств оказываются в лучшем положении, чем специальные корреспонденты газет».

Пальгунов (уже в который раз) пытался оправдать подобные действия своих подчиненных. В то же время он указал на возможность того, что «некоторые корреспонденты просто раньше обращаются в Отдел печати за информационными материалами и тем самым оказываются в несколько преимущественном положении по сравнению со своими коллегами» [2, л. 34].

6 февраля 1942 г. Н. Г. Пальгунов сделал в служебном дневнике пространную запись, подводя итоги встреч с инкорами, проведенных Москве в предыдущие три дня. Его собеседников интересовал «вопрос о дальнейшем регламенте» их работы в СССР. Особое внимание инкоров было сосредоточено на двух ключевых вопросах: 1) Когда именно они должны будут возвратиться в Куйбышев с тем, чтобы оттуда переехать, наконец, «в Москву на постоянное жительство в столице»; 2) Будет ли обеспечена иностранным корреспондентам, в особенности, специальным корреспондентам газет, «возможность совершать поездки по территории Советского Союза, посещать регулярно фронтную зону, а также промышленные центры страны, поддерживать контакт с представителями советской общественности и получать интервью у последних».

В ответ Пальгунов указал инкорам: они были предупреждены заранее при отъезде из Куйбышева в Москву, что пребывание в столице рассчитано на 3-4 недели, и указанный срок будет соблюден.

Далее Н. Г. Пальгунов утверждал, что поездки инкоров во фронтовую зону «совершаются в последнее время довольно часто». Что касается возможности посещения промышленных центров СССР, подчеркнул он, то данный вопрос «может быть рассмотрен в будущем дополнительно».

В адрес Пальгунова был высказан ряд жалоб в связи с тем, что возглавляемый им Отдел печати не желает «удовлетворить некоторые справедливые профессиональные пожелания иностранных журналистов». Н. Г. Пальгунов изложил в служебном дневнике целый перечень просьб инкоров, на которые советская сторона ответила отказом.

Из этой записи следовало, что заведующий Отделом печати просто не имел компетенции решать большинство практических вопросов, которые ставили перед ним инкоры. Инициатива отказа в просьбах, формулируемых американскими и английскими журналистами, чаще всего принадлежала не ему.

Так, Лесур не сумел посетить среднюю школу: Московский отдел народного образования посчитал это посещение нецелесообразным, поскольку действовавшие школы работали «в обстановке большой скученности, неотапливаемых помещениях. По распоряжению А. С. Щербакова были отклонены следующие просьбы инкоров: о беседе с учеными, «заботящимися о сохранении тела В. И. Ленина; о встрече с председателем Моссовета В. П. Прониным; о посещении предприятий по ремонту захваченных у немцев трофейных машин. Также (согласно резолюции В. М. Молотова) не состоялся разговор по телефону одного из инкоров с комендантом Ленинграда и т.д. [3, л. 25-26].

На 25 марта 1942 г. было назначено время отъезда инкоров из Москвы в Куйбышев. В связи с этим среди них стал нарастать ропот. Некоторые журналисты союзных стран явно не желали уезжать из советской столицы, обосновывая эту задержку различными причинами. 24 марта к 11.00 они прибыли на встречу с Н. Г. Пальгуновым. В ходе этой встречи Ральф Паркер прямо заявил, что желает остаться в Москве еще на полмесяца и намеревается провести это время на положении лица, находящегося в отпуске, т.е. «не работая и не отправляя за границу телеграммы».

Довольно странно выглядела логика суждений Неглай Фарсона по поводу необходимости возвращения из Москвы с Куйбышев. Еще 2 марта 1942 г. он обратился к Н. Г. Пальгунову с необычной просьбой – «предоставить ему возможность в самое ближайшее время выехать для лечения на один из кавказских курортов – в Сочи, Батум или Сухум (sic – *В.Н.*)». Пальгунов записал тогда в служебном дневнике: «Фарсон мотивировал свою просьбу тем, что у него незаживающая рана, полученная во время мировой империалистической войны. Тепло и солнечная погода, будто, благотворно сказались бы на ходе лечения» [3, л. 71].

24 марта во время упомянутой встречи не довольных сообщением о необходимости возвращения из Москвы в Куйбышев американских и английских журналистов с Н. Г. Пальгуновым, Неглай Фарсон выступил с не менее странным заявлением: «Нам [инкорам] предложено завтра отправиться в Куйбышев, откуда совершенно невозможно давать исчерпывающую информацию о Советском Союзе. К тому же моя больная нога нуждается в лечении солнечными лучами, но мне не предоставлено возможности отправиться в какой-либо из черноморских портов. Поэтому, прошу Вас с первым же конвоем судов предоставить мне возможность выехать из Советского Союза».

Как всегда, показал свой характер Альфред Чоллертон, который в телефонном разговоре с Н. Г. Пальгуновым заявил, что инкоров «высылают» из Москвы в момент начала нового германского наступления, тем самым у редакций лондонских газет может создаться впечатление о лживости советской пропаганды. Уже в который раз Чоллертон

грозились, что, в силу своей болезни, немедленно отправится из Москвы в Тегеран. Пальгунову с трудом удалось сдержать этот натиск.

Однако на этом дело не кончилось. 11 инкоров, представлявших СМИ Великобритании и США, выступили с устным заявлением по поводу сложившейся ситуации. Суть его сводилась к тому, что, согласно прежним заявлениям А. С. Щербакова и С. А. Лозовского, никто не заставлял корреспондентов насильно покидать Москву. Недовольные просители выдвинули требование об организации Пальгуновым немедленной встречи с Щербаковым [3, л. 100-103].

В тот же день в 13.40 Н. Г. Пальгунов сообщил Роберту Магидову, «для передачи остальным иностранным корреспондентам, что просимая ими встреча с начальником Советского Информбюро тов. Щербаковым не может сегодня состояться, так как тов. Щербакова в данный момент нет в Москве. Тов. Щербаков выехал в область и вернется через несколько дней» [3, л. 105].

Так или иначе, находившиеся в Москве инкоры, в конце марта возвратились в Куйбышев.

Между тем недовольство инкоров своим положением и трудностями в доступе к информации в конечном счете вылилось в... написание доноса, автором которого оказался не «буржуазный» журналист (американец или англичанин), а коммунист Ф. Глаубауф. Глаубауф 10 апреля 1942 г. направил жалобу на имя А. С. Лозовского. Для начала, коминтерновский журналист отметил, что пресс-конференции для инкоров (которые проводил его адресат) «не могут подменить живого контакта с рядовыми советскими людьми». Глаубауф высказал претензию по поводу того, что Отдел печати НКВД не пропускает на Запад подготовленные инкорами телеграммы о трудностях, с которыми приходится встречаться советским людям в суровых военных условиях. В письме было упомянуто как о негативном факте и о бесконечных застольях, которые устраивались для инкоров во время поездок в прифронтовую зону. Коммунист-коминтерновец жаловался и на то, что знакомство инкоров с советскими людьми в Москве по существу ограничивается общением с женщинами легкого поведения. Вина за это, как следовало из упомянутого письма, также возлагалась на Пальгунова.

Ознакомившись с письмом Глаубауфа, Лозовский переправил его копию «наверх», на имя В. М. Молотова и А. С. Щербакова. Две недели спустя, 24 апреля 1942 г. от них был получен лаконичный ответ-рекомендация. Следовало дать возможность инкорам встречаться с советскими людьми, пускать на торжественные собрания, прекратить выпивки во время поездок на фронт. «Можно писать и о трудностях в СССР», – заключали Молотов и Щербаков [7, с. 185-188].

4. Заключение

Служебный дневник заведующего Отделом печати НКВД Н.Г. Пальгунова является ценным источником по истории политической повседневности одного из дипломатов, осуществлявших контакты с иностранными журналистами (инкорами), которые представляли СМИ (информационные агентства и газеты) стран антигитлеровской коалиции. В совокупности с другими источниками, в частности, с мемуарами Пальгунова, а также американских и британских журналистов, этот дневник позволяет представить всю палитру деловых и межличностных отношений союзников на информационном поле в начальный период Великой Отечественной войны. Деловые записи, в которых Н. Г. Пальгунов фиксировал содержание практически ежедневных бесед с инкорами во время их пребывания в Москве и Куйбышеве в 1941–1942 гг., раскрывают не только механизм действия советской цензуры в условиях войны, но и неоднозначную реакцию аккредитованных журналистов Великобритании и США на жесткие ограничения в доступе к информации. Служебный дневник Пальгунова, помимо прочего, содержит исчерпывающие сведения о конкретных инкорах, специфике их восприятия советской

действительности, наконец, о той роли которую играл его автор в процессе взаимодействия со СМИ союзных СССР держав.

В перспективе возможно более глубокое изучение этого источника с целью раскрытия таких сюжетов, как роль представителей высшего советского руководства (В. М. Молотова, А. С. Щербакова и других) в осуществлении контактов с инкорами, специфика взаимоотношений внутри иностранного журналистского пула в условиях войны.

Список источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. П. 6. Д. 58..
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 12. Д. 111
3. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 12. Д. 112.
4. Ассарсон, В. (1992). *1941 год. Московский дипломатический корпус в эвакуации* // *Международная жизнь*. 1992. № 1. С. 143-149.
5. Верт, А. (2001). *Россия в войне. Авторизованный перевод с английского*. М.: Воениздат, 664 с.
6. Воронин, А. Б. (2021). *Война и мир: журналисты и дипломаты в Москве летом и осенью 1941-го* // *Неприкосновенный запас*. № 3 (13). С. 65-101.
7. Голубев, А. В., Невежин, В. А. (2016). *Формирование образа Советской России в окружающем мире средств культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг.* М.: ИРИ РАН.
8. Круглак, Т. (1963). *Два лица ТАСС*. (2017). М.: Издательство иностранной литературы. 230 с.
9. Куйбышев как центр советско-американских отношений 1941–1943 гг.: сборник переводов иностранных документов / Сост. А. О. Буранок и др. Самара: ООО «Научно-технический центр». 182 с.
10. Орлова, Р. Д. (1993). *Воспоминания о непрошедшем времени*. М.: СП «Слово». 400 с.
11. Пальгунов Н. Г. (1964). *Тридцать лет. (Воспоминания журналиста и дипломата)*. М.: Политиздат. 351 с.
12. Советско-американские отношения. 1939-1945 (2004) / Отв. сост. Б. И. Жилиев, В. И. Савченко. М.: МФД. 791 с.
13. Улановская, Н., Улановская, М. (1995). *История одной семьи*. М.: Весь мир – ВИМО. 426 с.
14. Эренбург, И. Г. (1990). *Люди, годы, жизнь. Воспоминания. В 3 т. Издание исправленное и дополненное. Т. 2. Кн. 4,5*. М.: Советский писатель. 442 с.
15. Cocett R. В. «*In wartime every objective reporter should be shot*». *The Experience of British Press Correspondents in Moscow, 1941—1945* // *Journal of contemporary history*. Vol. 23. London. P. 515-530.

References

1. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (AVP RF) [Archive of foreign policy of the Russian Federation (AFP RF)], f. 06, op. 3, d. 6, p. 58. (in Russian).
2. AFP RF, f. 06, op. 4, p. 12, d. 111. (in Russian).
3. AFP RF, f. 06. Op. 4, d. 112. (in Russian).
4. Assarson, V. (1992). *1941 god. Moskovskiy diplomaticheskiy korpus v evakuatsii* [1941. The Moscow Diplomatic Corps is being evacuated] In *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1, 143-149. (in Russian).

5. Vert, A. (2001). *Rossiya v voyne. Avtorizovanny perevod s angliyskogo* [Russia is at war. Authorized translation from English.]. Moscow, Voenizdat. (in Russian).
6. Voronin, A. B. (2021). *Voyna i mir: zhurnalisty i diplomaty v Moskve letom i osen'yu 1941-go* [War and peace: journalists and diplomats in Moscow in the summer and autumn of 1941] In *Neprikosnovenny zapas*, 3 (13), 65-101. (in Russian).
7. Golubev, A. V., Nevezhin V. A. (2016). *Formirovaniye obraza Sovetskoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstv kul'turnoy diplomatii, 1920-e – pervaya polovina 1940-kh gg.* [The formation of the image of Soviet Russia in the surrounding world by means of cultural diplomacy, the 1920s - the first half of the 1940s.]. Moscow, IRI RAN Publ. (in Russian).
8. Kruglak, T. (1963). *Dva litsa TASS* [Two faces TASS]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (in Russian).
9. Orlova, R. D. (1993). *Vospominaniya o neproshedshem vremeni* [Memories of the past time]. Moscow, Slovo Publ. (in Russian).
10. Pal'gunov, N. G. (1964). *Tridtsat' let. (Vospominaniya zhurnalista i diplomata)* [Thirty years. (Memoirs of a journalist and a diplomat)]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
11. Ulanovskaya, N., Ulanovskaya, M. (1995). *Istoriya odnoy sem'I* [The story of one family]. Moscow, Ves' mir – VIMO Publ. (in Russian).
12. Erenburg, I. G. (1990). *Lyudi, gody, zhizn'. Vospominaniya* [People, years, life. Memories]. V 3 t. Izdaniye ispravlennoye i dopolnennoye, 2, 4. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ. (in Russian).
13. Cocett, R. B. (1988). «*In wartime every objective reporter should be shot*». *The Experience of British Press Correspondents in Moscow, 1941–1945*. In *Journal of contemporary history*, 23. London, 515-530. (in English).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-144-155>
УДК 947.07 (093)

РОЛЬ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ СУРОЖСКОГО (БЛУМА) В ПОСТРОЕНИИ ОТНОШЕНИЙ РПЦ И ЦЕРКВИ АНГЛИИ В XX ВЕКЕ

С. П. Федотов

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
ул. Октябрьская, д. 12, Орел, 302028, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена рассмотрению роли Сурожского митрополита Антония Блума в развитии отношений между РПЦ и Церковью Англии. Личность митрополита Антония связана с образованием Сурожской епархии РПЦ. Помимо всего отец Антоний оказывал содействие функционирования Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия – православно-англиканской организации. Организация начала свою работу в 1928 г. В этой организации в роли духовного наставника Антоний Блум начал службу в Англии. **Материалы и методы.** Важными источниками при подготовке данной статьи стали работы самого Антония Блума. В них он описывает страницы своей биографии, рассказывает о работе в Англии. Помимо всего привлекались сведения из публицистики. Важным источником стали сведения с сайта Фонда духовного наследия митрополита Антония Сурожского. Здесь собраны воспоминания современников, собственные статьи Блума. Важно отметить также работы Н. М. Зернова – русского эмигранта, одного из инициаторов создания Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Н. М. Зернов пригласил отца Антония в Англию для ведения работы в Содружестве. Н. М. Зернов совместно со своей супругой в журнале «Соборность» оставили серию своих воспоминаний о деятельности организации. В этих воспоминаниях есть упоминание роли Антония Блума в развитии отношений РПЦ и Церкви Англии в XX в. **Результаты.** Автор приходит к заключению, что отец Антоний Блум вел активную миссионерскую работу в среде английского общества. Это позволило увеличить количество православных верующих в Англии. В период служения Антония Блума в Великобритании открывались новые приходы РПЦ. Отец Антоний оказывал содействие деятельности Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. **Заключение.** В XX веке произошел ряд событий, повлиявших на снижение взаимодействия РПЦ и Церкви Англии. Однако, благодаря отдельным представителям русской эмиграции отношения между РПЦ и Церковью Англии не только сохранились, но и продолжали развиваться с большей силой. В большей степени этот результат связан с личностью митрополита Антония Сурожского Блума. Он вел работу с верующими, занимался разъяснением основ православной веры на радио и телевиденье. Эта большая работа способствовала развитию диалога православных и англикан. Антоний Блум был участником важных событий из истории диалога православных и англикан во второй половине XX в.

Ключевые слова: Православие, РПЦ, Церковь Англии, митрополит Антоний Сурожский, Православная Церковь в Англии.

Для цитирования: Федотов С. П. (2023). Роль митрополита Антония Сурожского (Блума) в построении отношений РПЦ и церкви Англии в XX веке // История: факты и символы. № 4 (37). С. 144-155 doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-144-155

Статья поступила: 20.07.2023

Статья принята в печать: 29.10.2023

Статья опубликована: 19.12.2023

© Федотов С. 2023

THE ROLE OF THE METROPOLITAN ANTHONY SUROZHSKY (BLOOM) IN BUILDING RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE CHURCH OF ENGLAND IN THE XX CENTURY

Sergey P. Fedotov

*Srednerussky Institute of Management - branch of RANEPА,
12 Oktyabrskaya Street, Orel, 302028, Russia*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the consideration of the role of the metropolitan Anthony Bloom of Surozh in the development of relations between the Russian Orthodox Church and the Church of England. The personality of the metropolitan Anthony is connected with the formation of the Surozh diocese of the Russian Orthodox Church. In addition, Father Anthony assisted in the functioning of the Commonwealth of Saint Albania and Reverend Sergius, an Orthodox Anglican organisation. The organisation began its work in 1928. In this organisation, Father Antony Bloom began his service in England in the role of spiritual director. **Materials and Methods.** Important sources for this article were the writings of Antony Bloom himself, where he describes the pages of his biography, tells about his work in England. In addition, information from publicist literature was also used. An important source was information from the website of the Foundation for the Spiritual Heritage of the Metropolitan Anthony Surozhsky. It contains memoirs of contemporaries and Bloom's own articles. It is also important to note the works of N.M. Zernov, a Russian emigrant, one of the initiators of the Commonwealth of St Albans and Reverend Sergius. N.M. Zernov invited Fr Anthony to England to conduct the work of the Commonwealth. N.M. Zernov together with his wife in the journal "Sobornost" left a series of his memoirs about the activities of the organisation. In these memoirs there is a reference to the role of Antony Bloom in the development of relations between the Russian Orthodox Church and the Church of England in the 20th century. **Results.** The author concludes that Father Anthony Bloom conducted active missionary work among English society. This allowed to increase the number of Orthodox believers in England. During the period of Antony Bloom's ministry, new parishes of the Russian Orthodox Church were opened in Great Britain. Father Anthony assisted in the activities of the Commonwealth of St Albans and Reverend Sergius. **Conclusion.** In the twentieth century there were a number of events that affected the decline in co-operation between the ROC and the Church of England. However, thanks to individual representatives of the Russian emigration, the relationship between the ROC and the Church of England not only survived, but continued to develop with greater vigour. To a greater extent this result is due to the personality of Metropolitan Anthony Surozhsky Bloom. He conducted work with believers and was engaged in explaining the fundamentals of the Orthodox faith on radio and television. This great work contributed to the

development of dialogue between the Orthodox and Anglicans. Anthony Bloom was a participant in important events in the history of the dialogue between Orthodox and Anglicans in the second half of the 20th century.

Keywords: Keywords: Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Church of England, Metropolitan Anthony Surozhsky, Orthodox Church in England.

For citation: Fedotov S. (2023). The role of metropolitan Anthony Surozhsky (bloom) in building relations between the Russian orthodox church and the church of England in the XX century In *History: facts and symbols*, 37, 4, pp. 144-155, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-144-155>

Received: 20.07.2023

Revised: 29.10.2023

Published: 19.12.2023

© Fedotov S., 2023

1. Введение

История отношений Русской православной церкви (РПЦ) и Церкви Англии насчитывает не одну сотню лет. Время долгих и непростых отношений всегда было наполнено личностями, которые осуществляли этот диалог. Благодаря отдельным из них, как с одной стороны, так и с другой - диалог продолжался и приобретал новые черты. Так сложилось и с ролью митрополита Сурожского Антония Блума. Ему довелось служить священником в Англии, быть духовным руководителем Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия, а затем многие годы возглавлять Сурожскую епархию РПЦ. Митрополит Антоний вел активную просветительскую деятельность в среде английского общества. Он выступал на радио и был участником телевизионных программ, встречался с молодежью. Его активная работа принесла свои плоды – число прихожан в православных приходах увеличилось. Он рассказывал просто о Русской церкви, и на его обращения откликнулись представители русской эмиграции, а также отдельные англичане, перешедшие в православную веру. В бытность его служения в Англии была создана Сурожская епархия Московского Патриархата. За немалый период своей работы митрополит Антоний Блум сделал большой объем работы для выстраивания отношений РПЦ с Церковью Англии во второй половине XX в. Важно выделить его роль на фоне того, что в первой половине XX в. на протяжении 1930- и 1940 – х гг. отношений между Русской церковью и англиканами не было по объективным политическим причинам. Возродились эти отношения только в 1943 г. после встречи русских православных иерархов, представителей советской власти с прибывшими в Москву англиканскими священниками. В этой связи важно понимать, что для Русской церкви было необходимо в новую фазу отношений развивать отношения с Англиканской церковью при условии, что этого требовали политические условия второй половины XX в., в которых оказался Советский союз. Вот в таких непростых условиях отцу Антонию удалось организовать работу русских православных приходов на территории Англии. Поэтому актуально сегодня провести анализ деятельности митрополита Антония Блума и попытаться выявить особенности его деятельности, связанные со страницами истории диалога РПЦ и Церкви Англии. Для тех, кто интересуется историей государственно-церковных отношений, этот материал вполне станет интересным для увеличения сведений об истории событий диалога православных и англикан.

2. Материалы и методы

Деятельность митрополита Антония широко освещалась в течение его служения. Благодаря активному развитию передовых технологий современникам владыки удалось зафиксировать уникальные фрагменты его выступлений, как в виде аудиозаписей, так и в формате видеозаписей. Отдельные выступления митрополита Антония публиковались в периодических изданиях. В доступе в электронном и бумажном виде есть воспоминания самого митрополита. Большой перечень материалов размещен на сайте Фонда духовного наследия митрополита Антония Сурожского. Фонд, кстати, проводит периодически конференции, посвященные рассмотрению наследия митрополита Антония. Таким образом, материалов для исследования жизни и деятельности владыки достаточно. В принципе и историография освещения его деятельности довольно широка [5; 7; 8]. Однако, не смотря на такой объем материалов, и уже созданных документов ранее – исследователи жизни Блума не рассматривали вопрос его роли в развитии православно-англиканского взаимодействия с точки зрения значимости этого процесса для диалога РПЦ и Церкви Англии. По этой причине при помощи методов анализа и синтеза удалось выявить именно аспект участия митрополита Антония в развитии диалога РПЦ и Церкви Англии. В ходе работы над статьей был сделан акцент на изучение деятельности Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия, в котором активную роль принимал митрополит Блум. Справедливо нужно отметить значимость деятельности этой организации для развития отношений православных и англикан.

3. Результаты

В результате прошедшей в России Революции в 1917 г., а затем и Гражданской войны из страны эмигрировали сотни тысяч русских людей. Среди них было много представителей богословия, ученых, врачей и др. Местом проживания вынужденных эмигрантов из России стали разные страны Западной Европы. Каждый из них нашел себя в каком-то другом деле, которым не занимался ранее. Однако большая часть из них неразрывно продолжала оставаться с православной верой вдали от дома. Можно приводить в качестве примера не одну фамилию таких русских людей. Однако в этой статье речь пойдет об известном православном иерархе, который внес немалую роль в развитие отношений Русской церкви с Церковью Англии, принимал активное участие в деятельности Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия, долгий период возглавлял Сурожскую епархию РПЦ – митрополите Антонии Сурожском (Блуме) (1914–2003) [4, с. 9].

Перед тем как перейти к рассмотрению жизни Антония Блума и его роли в развитии диалога православных и англикан, нужно осветить историю развития диалога Русской церкви с англиканами. В XVI в. была образована Англиканская церковь в результате ее отделения от Римской католической церкви. Одновременно с этим в эпоху Ивана IV Грозного началось выстраивание отношений России и Англии. Известно, что в эпоху царя Ивана Грозного в Москве начала свою работу Московская торговая компания. С началом активной деятельности компании в Россию стали направляться английские купцы. Они же первыми и познакомились с русской культурой и не могли не узнать о русском православии. Проявившие интерес к православию англичане в отдельных случаях переходили в православную веру. Так шел процесс первого знакомства англичан с православной верой. Следующим этапом развития отношений Русской церкви и англикан стало время императора Петра I. Сам Петр познакомился с организацией и культурой Англиканской церкви еще в бытность Великого посольства, когда ему довелось посетить Англию. Он смог тогда пообщаться с иерархами Англиканской церкви и узнать об особенностях организации системы управления церковью в Англии. Немногом позже в 1716 г. началась переписка с Петром I группы англиканских священников, так называемых ноджуреров (не присягнувших королю Вильгельму Оранскому) с предложением заключения соглашения о взаимодействии и об объединении Русской церкви с

англиканами. На 1725 г. даже была запланирована встреча нонджуреров с императором Петром I. Однако этим планам не было суждено сбыться из-за скорой смерти императора. В то же время отношения двух церквей не только не остановились, но и напротив усилились с началом XIX в. В этом можно усмотреть несколько причин. Одной из таковых можно считать заинтересованность англиканских иерархов в развитии отношений с Русской церковью с точки зрения признания законности англиканских рукоположений. Дополнительно ко всему возникла необходимость выстраивания отношений двух церквей с учетом заинтересованности правительств Российской империи и Великобритании для использования диалога церквей с целью достижения отдельных вопросов на внешнеполитическом уровне взаимоотношений. В связи с этим XIX в. выдался богатым на сведения о контактах англикан и православных. Не менее интересной была история взаимодействия двух церковных организаций в начале XX в. накануне Первой мировой войны. Отдельным словом нужно отметить историю развития контактов православных и англикан в период перед Второй мировой войной, когда большое значение для развития отношений сыграла роль русской православной эмиграции [11, с. 125]. Немаловажной в диалоге православных и англикан стала роль Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия в 1940 – начале 1950-х гг. XX в. В это время в историю диалога православных и англикан вошел митрополит Антоний Блум. Его роли в развитии диалога православных и англикан как раз и посвящена данная статья.

Митрополит Антоний известен помимо всего, как выдающийся православный проповедник, педагог и мыслитель. Он внес большой вклад в популяризацию православной культуры в Великобритании (<https://rusengmcru.wordpress.com/2021/04/23/английский-период-служения-митропол/>). Благодаря митрополиту Антонию Блуму была основана одна из уникальных епархий РПЦ – Сурожская Епархия. Эта епархия смогла объединить не только многих выходцев из России, но и сотни англичан, которые приняли православие (https://ruskline.ru/monitoring_smi/2010/avgust/6/pravoslavie_dlya_mnogih_anglichan_okazalos_bolee_ponyatnym_i_blizkim).

Из биографии митрополита Антония Сурожского (Блума) – Андрея Блума. Он родился в Лозанне в Швейцарии. Здесь его отец Борис Эдуардович Блум нес службу в должности сотрудника дипломатической миссии [5, с. 73]. Кстати, отец будущего дипломата имел шотландские корни (<https://s-t-o-l.com/tserkov/40383-10-interesnykh-faktov-o-mitropolite-surozhskom-antonii-blume/>). Мать Андрея Блума – Ксения Николаевна Скрябина – мать Андрея Блума являлась единокровной сестрой композитора Александра Скрябина. Из-за специфики работы своего отца Андрей Блум долгий период времени прожил в Персии. Здесь отец будущего священнослужителя был консулом.

Из-за событий Революции 1917 г. семья Андрея Блума уехала из России. После нескольких лет пребывания в разных странах местом жительства семьи Блумов стала Франция. Они разместились в Париже [5, с. 75].

Здесь во Франции Андрей Блум получил профессию врача, окончив медицинский факультет, а до этого времени еще и биологический университета Сорбонны [7, с. 68]. Во время Второй мировой войны будущий митрополит работал военным врачом. Но еще до этого – перед уходом на фронт Андрей Блум принял монашество, в котором взял имя Антоний – в честь Антония Киево-Печерского (<https://acathist.ru/en/novosti/item/506-biografiya-i-religioznoe-stanovlenie-mitropolita-antoniya-bluma#ftnref31>).

В период оккупации Франции немцами Андрей Блум помогал раненым бойцам в антифашистском подполье. После того, как Вторая мировая война завершилась, Андрей Блум продолжал работать врачом вплоть до 1948 г. (<https://acathist.ru/en/novosti/item/506-biografiya-i-religioznoe-stanovlenie-mitropolita-antoniya-bluma#ftnref31>).

В Лондон иеромонах Антоний (Блум) переехал в 1949 г. по приглашению Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Это Содружество (Братство) было

основано в 1928 г. по инициативе русских эмигрантов, которые стремились к увеличению контактов русских православных с англиканами. По этой причине Содружество и носит в своем названии имена двух святых, каждый из которых особенно почитается в своей Церкви. Святой Албаний у англикан, а Сергей Радонежский у русских православных (https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-tserkov-v-londone-ot-petra-velikogo-do-nashih-dnej/4). Несколько слов о Содружестве Святого Албания и Преподобного Сергия. В первую очередь, нужно отметить, что в его состав вошли в большинстве своем русские православные эмигранты – преимущественно студенты. На начальном этапе организация занималась проведением встреч, открытых лекций в английских образовательных учреждениях. С течением времени количество участников возрастало. Сложными были годы Второй мировой войны. Содружеству было недостаточно имеющихся средств. Руководством было принято решение о проведении летних лагерей в период 1940 и 1941 гг. [9, с. 98]. Этот формат стал вполне рабочим. Затем такие лагеря Содружество проводило и в последующем. Нужно отметить, что организация ставила и ставит по сей день увеличение осведомленности двух церквей о взаимной жизни.

Митрополит Антоний стал духовным руководителем и служащим священником в храме Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия (<https://media.predanie.ru/book/219485-sobornost-sbornik-izbrannyh-statey-iz-zhurnala-sodruzhestva-sv-albaniya-i-prep-sergiya/>). Митрополит Антоний много лет работал в Содружестве. Его работа литургически обогатило Братство и способствовало повышению внимания простых мирян к деятельности Содружества. В этом состоит большая заслуга митрополита Антония. Если про отца С. Булгакова можно сказать, что он был вдохновителем деятельности Содружества в довоенное время, то Антоний стал вдохновителем Братства уже после войны. Если отец С. Булгаков говорил о возможном общении православных и англикан – о единстве двух церквей, то Антоний призывал каждого христианина открыть для себя реальность духовной жизни (<https://media.predanie.ru/book/219485-sobornost-sbornik-izbrannyh-statey-iz-zhurnala-sodruzhestva-sv-albaniya-i-prep-sergiya/>).

Первоначально отцу Антонию было тяжело работать в Англии из-за слабого знания английского языка. Хотя изначально он предполагал, что справится с изучением английского быстрее, так как уже владел немецким и французским языками. Однако ему пришлось позаниматься, чтобы овладеть английским языком (https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/o-slyshanii-i-delanii/3). Впрочем, нужно отметить, что иностранные языки были знакомы отцу Антонию с детства. Например, со своей бабушкой он разговаривал на французском, а с родителями на русском.

После того, как отец Антоний овладел английским языком он начал на нем служить (https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Surozhskij/o-slyshanii-i-delanii/3). Потом при содействии отца Антония была открыта школа, в которой обучались дети на русском языке. Это, кстати говоря, позволило, привлечь родителей этих детей чаще приходить в православную церковь.

Отец Антоний отмечал, что когда он приехал в Англию, то увидел, что в православные храмы ходят только бабушки и дети младше 14-ти лет [3]. Это поразило отца Антония. После он приступил к миссионерской работе. Неудивительно, что в результате этой миссионерской работы отца Антония количество верующих стало расти, а, как следствие, увеличилось число храмов. В итоге это привело к образованию новой епархии в составе Московского патриархата, которая получила наименование Сурожская епархия (<http://www.nsad.ru/articles/surozhskaya-eparhiya-pravoslavie-po-anglijski>).

Нужно отметить, что русское православие на английской земле существует со времен императора Петра I. В его бытность в 1716 г. в Англии была открыта Посольская церковь. Открытие церкви было нужно русским студентам, которые приезжали из России

учиться в Англию. История открытия храма Русской церкви складывалась следующим образом – представитель посольства России в Англии Яков Синявич сделал обращение фиваидскому митрополиту Александрийской Церкви Арсению с просьбой подобрать священника для церкви при русском посольстве, чтобы тот прислал священника для православной церкви, которую собирались обустроить при русском посольстве. Для обустройства церкви арендовали дом на переулке Эксчейндж-корт. В этом доме был оборудован домовый храм. Храм осветили в честь Успения Божией Матери. Яков Синявич согласовал открытие храма с представителями Англиканской церкви. При этом секретарь русского посольства отметил, что в России русский царь не препятствует открытию в России англиканских храмов (http://e-vestnik.ru/church/russkayazerkov_v_velikobritanii_9753/).

Когда в России в 1917 г. произошли революционные события, которые повлекли за собой комплекс изменений внутри страны и за ее пределами, то Русская церковь в Англии оказалась в юрисдикции Зарубежного высшего церковного управления.

Нужно отметить, что за более чем 300 лет пребывания Русской церкви в Англии несколько раз менялся адрес размещения русского прихода [10, с. 135]. По разным обстоятельствам менялись помещения и территории, где располагался храм. Сейчас Русская церковь в Великобритании располагается в здании бывшей англиканской церкви Всех Святых.

Спустя два года после революции в России православные прихожане Русской церкви в Англии общим собранием учредили Успенский приход Православной Российской Церкви в Лондоне. Это было связано с тем, что из-за произошедших событий в России храм не мог больше быть приписан к посольству Российской империи, где в это время происходили большие перемены, да и страны, по сути, на тот год уже не было (http://e-vestnik.ru/church/russkaya_zerkov_v_velikobritanii_9753/).

В 1926 г. произошло разделение прихода Русской церкви в Англии на тех, кто поддерживал РПЦЗ, а также на тех – кто был ближе к Западно-Европейской епархии. Однако уже спустя 5 лет приход Русской церкви перешел в состав Константинопольского патриархата. В год завершения Второй мировой войны Приход Русской церкви в Англии соединился с Московским патриархатом. Владимир Феокритов на момент 1945 г. был настоятелем Успенского прихода в Великобритании (<http://www.nsad.ru/articles/surozhskaya-eparhiya-pravoslavie-po-anglijski>).

В начале 20-х гг. XX в. православный приход в Лондоне не занимался миссионерской деятельностью. Большую миссионерскую работу проводили русские эмигранты в их числе Н.М. Зернов – один из основателей Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Он еще до переезда в Англию периодически приезжая на туманны Альбион, проводил встречи в английских школах и университетах с молодежью [2, с. 204.]. Сам же Н.М. Зернов был активным участником Христианского студенческого движения. Кстати Н.М. Зернов помимо всего на протяжении 13 лет был секретарем Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия.

Важно отметить, что Н.М. Зернов стал инициатором приглашения в Великобританию для служения молодого иеромонаха Антония (Блума), который в будущем сделает очень много для православия в Англии в течение второй половины XX в. (http://e-vestnik.ru/church/russkaya_zerkov_v_velikobritanii_9753/). В Англии отец Антоний Блум стал духовным руководителем православно-англиканского Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. В 1949 г. отец Антоний переселился в Лондон (<https://acathist.ru/en/novosti/item/506-biografiya-i-religioznoe-stanovlenie-mitropolita-antoniya-bluma#ftnref31>).

Изначально, как вспоминал сам отец Антоний – еще до переезда в Англию ему предположи заняться подготовкой группы студентов для поездки в Англию на съезд

Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Он не отказался от такого предложения и попросту объяснял студентам ключевые основы православной веры, проще говоря, подготовил студентов для поездки на мероприятия православно-англиканского Содружества [1, с. 9]. На том съезде отец Антоний читал лекции, принимал участие в семинарах. Причем как было отмечено, он выступал уверенно. После этого его и пригласили в Англию. Приглашение поступило от Н.М. Зернова.

Отцу Антонию предложили приехать в Англию лектором и священником. Правда, как он отмечал: «при условии, что я найду себе заработок» [1, с. 9]. Отец Антоний сделал попытку поиска заработка. Ему предложили совсем маленькую зарплату в французском госпитале в Лондоне. Однако проживать на предложенную сумму было практически невозможно. Отец Антоний был вынужден отказаться.

Спустя год один из благодетелей Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия внес оплату на содержание лектора и священника на период двух лет. Отцу Антонию снова предложили переехать в Англию [1, с. 9]. Он согласился. В течение года он читал лекции, сотрудничая с Содружеством. В 1950 г. умер протоиерей Владимир Феокритов, который был настоятелем храма Святого апостола Филиппа в Лондоне.

После переезда в Англию отец Антоний Блум довольно часто выступал на радио с проповедями

(https://ruskline.ru/monitoring_smi/2010/avgust/6/pravoslavie_dlya_mnogih_anglichan_okazalos_bolee_ponyatnym_i_blizkim) на нескольких языках. Трансляция выступлений распространялась, в том числе и на Советский Союз. Вещание отца Антония на радио приносило свои плоды – увеличивалась община православных в Англии. Помимо всего, по инициативе отца Антония богослужебные книги стали переводиться с русского языка на английский. В результате уже в 1950-е гг. на православную службу встало приходиться все больше англичан [6].

В 1955 г. приход переехал в англиканский храм всех святых на Эннисмор Гарденс. Здесь он располагается и сейчас [6].

В 1958 г. отец Антоний был рукоположен во епископа Сурожского, а в 1966 г. возведен в сан митрополита (<https://media.predanie.ru/book/219485-sobornost-sbornik-izbrannyh-statey-iz-zhurnala-sodruzhestva-sv-albaniya-i-prep-sergiya/>). После того, как отец Антоний был возведен в сан епископа на радио его стали именовать как епископ Антоний.

Проводимая отцом Антонием работа среди английского общества принесла свои плоды в виде увеличения количества число православных прихожан. Такая тенденция требовала изменений организационного плана. В результате 10 октября 1962 г. состоялось важное событие. Синод РПЦ решил образовать Сурожскую епархию. Отец Антоний получил титул митрополита Сурожского, став руководителем епархии.

Важно отметить, что название Сурожской епархии было дано самим митрополитом Антонием в честь древней крымской епархии, центр которой находился в городе Сугдее (сегодня это Судак). В древних русских источниках Судак называли Сурож. Выбор такого названия кафедры связан с желанием избежать проблем во взаимоотношениях с англиканами, у которых уже имелся свой Лондонский епископ (<http://www.nsad.ru/articles/surozhskaya-eparhiya-pravoslavie-po-anglijski>).

В диалоге православных и англикан в период 1960-х гг. наметились существенные изменения. Так, в 1964 г. после Всеправославного совещания диалог был возобновлен на официальном уровне. В период с 1966 по 1972 гг. прошел ряд предварительных встреч православных и англикан, на которых обсуждались варианты ведения дальнейшего диалога. Состоялись три подготовительные встречи в Белграде, Шамбези и Хельсинки. Затем прошла серия трех встреч на официальном уровне в (Женеве, затем в Оксфорде и в Москве). Московская встреча завершилась подписанием так называемого «Московского согласованного заявления». В нем рассматривались вопросы договоренности общения

православных и англикан. В том документе стороны сошлись в едином мнении по семи важным вопросам общения. Однако в период с 1976 по 1978 гг. в диалоге наметился определенный кризис, вызванный началом либеральных изменений в развитии Церкви Англии. В частности, речь идет о начале рукоположений женщин в англиканских церквях. Затем начался второй этап официальных диалогов. Он продлился в период с 1978 по 1984 гг. Итогом этих переговоров православных и англикан стало так называемое Дублинское согласование.

Нужно отметить, что миссионерская работа отца Антония позволила увеличить количество приходов на территории Англии. Священниками в этих приходах становились выпускники православной воскресной школы.

Отец Антоний принимал участие и в официальных контактах представителей РПЦ с иерархами Англиканской Церкви. Так, в 1975 г. совместно с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием (Поярковым) митрополит Сурожский Антоний (Блум) принимал участие в торжествах по случаю интронизации архиепископа Кентерберийского Доналда Коггана (<https://church-and-time.ru/1379>).

В 1980 г. митрополит Сурожский Антоний совместно с архиепископом Волоколамским Питиримом (Нечаевым), архиепископом Брюссельским и Бельгийским Василием (Кривошеиным) присутствовали на интронизации Архиепископа Кентерберийского Роберта Ранси (<https://church-and-time.ru/1379>).

В эпоху Перестройки в СССР произошла активизация отношений православных и англикан. Это процесс протекал на фоне усиления взаимодействия правительств двух стран. В частности, нужно отметить заинтересованность в этом деле генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Кстати, его поездка в Англию состоялась еще за год до того, момента как он стал генеральным секретарем, а точнее в 1984 г. Нужно отметить, что в ту поездку он встречался с М. Тэтчер. Затем после этой встречи М.С. Горбачевым уже в 1985 г. будет начата Перестройка в СССР.

Надо заметить, что встречи политиков, а также встречи церковных иерархов РПЦ и Церкви Англии безусловно носили политический фактор. В то время они были необходимы для выполнения отдельных задач во внешней политике. А у англикан, как и у английского правительства был интерес к развитию диалога с РПЦ. Например, в 1985 г., когда в Москве были делегаты Комитета по иностранным делам палаты общин парламента Великобритании, ими было отмечено, что «религиозная жизнь в Советском Союзе вызывает большой интерес в Соединенном Королевстве, и мы придаем важное значение этому вопросу при изучении связей между нашими странами».

В том же 1985 г. делегация от РПЦ после поступившего приглашения от англикан, а точнее от архиепископа Кентерберийского, посетила Великобританию. Здесь русские церковные иерархи присутствовали на богослужении в Вестминстерском аббатстве по случаю 40-летия окончания второй мировой войны (<https://church-and-time.ru/1379>).

В 1988 г. на 1000-летний юбилей Крещения Руси в Москву приезжала делегация от Англиканской церкви. Англикане принимали участие в празднествах, приуроченных к 1000-летию юбилею. На данное торжество в Россию приезжал архиепископ кентерберийский Роберт Ранси (<https://church-and-time.ru/1379>).

В июле 1998 г. митрополит Сурожский Антоний (Блум) принимал участие в богослужении по случаю освящения статуй мучеников XX века в Вестминстерском аббатстве. На богослужении присутствовал митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир (Котляров) (<https://church-and-time.ru/1379>).

Значение митрополита Антония Сурожского для развития отношений РПЦ и Церкви Англии подчеркивает также посещение Патриархом Кириллом вовремя его поездки в Англию в 2016 г. могилы отца Антония. На Бромптонском кладбище, где находится могила отца Антония, Патриарх Кирилл отслужил литию. В слове по завершении литии Святейший

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «...Владыка [Прим. Автора] был особенный человек, одаренный Богом, обладающий совершенно особой харизмой» (<https://church-and-time.ru/1379>).

4. Заключение

Деятельность митрополита Антония положительно сказалась на отношениях РПЦ и Церкви Англии в период его служения в Великобритании. В первую очередь, нужно отметить факт большой миссионерской работы, проводимой отцом Антонием. Благодаря этой активной позиции – выступлениям Антония Блума на радио, чтениям лекций в английских школах и университетах в Англии значительно увеличилось количество православных верующих [7, с. 29]. За счет этого на территории Великобритании открывались новые приходы. Митрополит Антоний оказывал содействие функционированию Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия. Вообще, изначально в Англию отец Антоний приехал из Франции в качестве духовного руководителя Содружества. Большая заслуга митрополита Антония Блума в подготовительной работе и создании Сурожской Епархии РПЦ в Великобритании.

Отдельно необходимо подчеркнуть участие митрополита Антония в важных встречах и переговорах, которые организовывались на высоком государственно-церковном уровне. Он был активным участником таких встреч, имеющих важное значение для политической конъюнктуры того периода времени, а также важны для построения диалога православных и англикан.

Стоит отметить богатое наследие автобиографических материалов митрополита Антония. Их важность связана с включением в них информации об особенностях развития диалога православных и англикан во второй половине XX в. Есть, кстати, записи его выступлений, сохранившихся на магнитных носителях. Это, бесспорно интересный аудио источник, который из-за развития технических средств сейчас можно использовать при изучении наследия иерарха.

Подводя итог в целом деятельности митрополита Антония Блума нужно отметить, что в оценках современников и всех – кто знал отца Антония его вспоминают как выдающегося проповедника, педагога и особого дара священнослужителя.

Список источников и литературы

1. Антоний (Блум), митрополит Сурожский (1991). *Беседы о вере и Церкви. / Митрополит Антоний (Блум)*. М.: Центр по изучению религии, СП Интербрук. 317 с.
2. Батура, А. В. (2022). *Становление личности митрополита Антония Сурожского и его творческое наследие* // В сборнике: Евангелие в контексте современной культуры. Сборник научных статей X международной научно-практической конференции / Под редакцией Т. И. Липич, С. М. Дергалева, С. Н. Борисова. Белгород. С. 203-208.
3. Зайцев, А. Н. (2009). *Митрополит Антоний Сурожский. Жизнь, творчество, миссия*. М.: Эксмо. 352 с.
4. Зернов, Н. М., Зернова, М. В. (1973). *В. За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых), 1921–1972*. Paris: YMCA-PRESS. 570 с.
5. Злобин А.Н. (2023) *Становление Митрополита Сурожского Антония (Блума) как архипастыря* // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. № 1 (22). С. 72-84.
6. Машарова, К. С (2017). *Митрополит Антоний Сурожский (Блум) о путях и способах воспитания православного христианина в современном мире* // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. № 4 (6). С. 27-31.

7. Машарова, К. С. (2018). *Культурно-образовательная среда русского зарубежья первой половины XX века и ее роль в становлении личности митрополита Антония Сурожского (Блума)* // Сборник студенческих научных работ. № 1. С. 63-70.
8. Назаров, В. Н. (2015). *Тема трагизма божественной любви в «Теологии вопрошания» митрополита Антония (Блума)* // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. № 4 (16). С. 11-15.
9. Федотов, С. П. (2018). *История первого периода деятельности Содружества Святого Албания и Преподобного Сергия* // История: факты и символы. № 2 (15). С. 97-104.
10. Федотов, С. П. (2019). *История взаимоотношений РПЦ И Англиканской церкви в 1950-е годы XX века* // История: факты и символы. № 4 (21). С. 133-140.
11. Федотов, С. П., Новиков, В. Ф., Меркулов, А. В. (2018). *Политические факторы и последствия московской встречи православных и англикан в 1943 году* // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 13. № 4. С. 118-133.

References

1. Antonij (Blum), mitropolit Surozhskij (1991). *Besedy o vere i Cerkvi* [Conversations about faith and the Church]. Moscow, Centr po izucheniyu religii, SP Interbruk. (in Russian).
2. Batura, A. V. (2022). *Stanovlenie lichnosti mitropolita Antoniya Surozhskogo i ego tvorcheskoe nasledie* [Formation of Metropolitan Anthony Surozhsky's personality and his creative heritage] In *Evangelie v kontekste sovremennoy kul'tury. Sbornik nauchnykh statey X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pod redaktsiey T. I. Lipich, S. M. Dergaleva, S.N. Borisova*. Belgorod, 203-208. (in Russian).
3. Zaytsev, A. N. (2009). *Mitropolit Antoniy Surozhskiy. Zhizn', tvorchestvo, missiya* [Metropolitan Anthony Surozhsky. Life, creativity, mission]. Moscow, Eksmo. (in Russian).
4. Zernov, N. M., Zernova M. V., (1973). *V. Za rubezhom. Belgrad-Parizh-Oksford*. (Hronika sem'i Zernovyh), 1921–1972 [In. Abroad. Belgrade-Paris-Oxford. (Chronicle of the Zernov family), 1921-1972]. Paris: YMCA-PRESS. (in Russian).
5. Zlobin, A. N (2023). *Stanovlenie mitropolita Surozhskogo Antoniya (Bluma) kak Arhipastyrya* [Formation of Metropolitan Anthony (Bloom) of Sourozh as an Archpastor] In *Bogoslovskij sbornik Tambovskoj duhovnoj seminarii*, 1 (22), 72-84. (in Russian).
6. Masharova, K. S (2017). *Mitropolit Antonij Surozhskij (Blum) o putyah i sposobah vospitaniya pravoslavnogo hristianina v sovremennom mire* [Metropolitan Anthony Surozhsky (Bloom) on the ways and means of education of an Orthodox Christian in the modern world] In *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoj Duhovnoj Seminarii*, 4 (6), 27-31. (in Russian).
7. Masharova, K. S. (2018). *Kul'turno-obrazovatel'naya sreda russkogo zarubezh'ya pervoy poloviny XX veka i ee rol' v stanovlenii lichnosti mitropolita Antoniya Surozhskogo (Bluma)* [The cultural and educational environment of the Russian Abroad in the first half of the twentieth century and its role in the formation of the personality of Metropolitan Anthony Surozhsky (Bloom)] In *Sbornik studencheskikh nauchnykh rabot*, 1, 63-70. (in Russian).
8. Nazarov, V. N. (2015). *Tema tragizma bozhestvennoj lyubvi V "Teologii voprosaniya" mitropolita Antoniya (Bluma)* [The theme of the tragedy of divine love in the "Theology of Questioning" by Metropolitan Anthony (Bloom)] In *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 4 (16), 11-15. (in Russian).
9. Fedotov, S. P. (2018). *Istoriya pervogo perioda deyatel'nosti Sodruzhestva Svyatogo Albaniya i Prepodobnogo Sergiya* [History of the first period of activity of the Commonwealth of St Albans and Reverend Sergius] In *Istoriya: fakty i simvol'y*, 2 (15), 97-104. (in Russian).
10. Fedotov, S. P. (2019). *Istoriya vzaimootnosheniy RPTs I Anglikanskoy tserkvi v 1950-e gody XX veka* [History of relations between the Russian Orthodox Church and the Anglican Church in the 1950s of the XX century] In *Istoriya: fakty i simvol'y*, (21), 133-140. (in Russian).

11. Fedotov, S. P., Novikov, V. F., Merkulov, A. V. (2018). *Politicheskie faktory i posledstviya moskovskoy vstrechi pravoslavnykh i anglikan v 1943 godu* [Political Factors and Consequences of the Moscow Meeting of Orthodox and Anglicans in 1943] In *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, (13), 4, 118-133. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипина Елена Андреевна, младший научный сотрудник лаборатории «Психофизиология здоровья и здоровьесформирования» Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия
antipi-elena@yandex.ru

Будякова Татьяна Петровна, кандидат психологических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия
budyakovaelez@mail.ru

Воробьева Елизавета Михайловна, аспирант Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4453-2768>
moreno_ool@mail.ru

Гайденко Павел Иванович, доктор исторических наук, доцент, профессор Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана; Московский государственный Лингвистический университет,
prof.gaydenko@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>
zhirov-nikolai@mail.ru

Клевцова Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Елец, Россия
ksenijmel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8168-7259>

Кожухов Никита Алексеевич, аспирант Тамбовского государственного технического университета, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0009-0002-1814-3619>
nick-747@mail.ru

Мокишин Геннадий Николаевич, профессор Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия
mok410@mail.ru

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия
nevva@mail.ru

Шалак Максим Евгеньевич, доцент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5367-0169>
shemjchich@mail.ru

Федотов Сергей Петрович, кандидат исторических наук, доцент Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, Орел, Россия
79192014630@yandex.ru

Чубур Артур Артурович, профессор Российской Академии естествознания, доцент Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского, Брянск, Россия
fennecfox66@gmail.com
<https://or-cid.org/0000-0003-1182-5860>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Antipina, Junior Researcher, Laboratory of Psychophysiology of Health and Health Formation, BuninYelets State University, Yelets, Russia
antipi-elena@yandex.ru

Tatyana P. Budyakova, candidate of psychological sciences, associate professor of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4453-2768>
budyakovaelez@mail.ru

Elizaveta M. Vorobyova, graduate student of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4453-2768>
moreno_ool@mail.ru

Pavel I. Gaidenko, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Moscow State Linguistic University, Professor of Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
prof.gaydenko@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Nikolay A. Zhirov, candidate of historical sciences, associate professor of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8460-9865>
zhirov-nikolai@mail.ru

Oksana V. Klevtsova, candidate of historical sciences, associate professor of Yelets State University. I. A. Bunina, Yelets, Russia
ksenijmel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8168-7259>

Nikita A. Kozhukhov, postgraduate student, Tambov State Technical University, Tambov, Russia
<https://orcid.org/0009-0002-1814-3619>
nick-747@mail.ru

Gennady N. Mokshin, Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia
mok410@mail.ru

Vladimir A. Nevezhin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nevva@mail.ru

Maxim E. Shalak, Associate Professor of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5367-0169>
shemjchich@mail.ru

Sergey P. Fedotov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Central Russian Institute of Management - branch of RANEPA, Orel, Russia
79192014630@yandex.ru

Artur A. Chubur, professor of the Russian Academy of Natural Sciences, associate professor of Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russia
fennecfox66@gmail.com
<https://or-cid.org/0000-0003-1182-5860>

Scientific journal

**HISTORY:
FACTS AND SYMBOLS**

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 4 (37) / 2023

*Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 18.12.2023
Дата выхода в свет 19.12.2023
Бумага 88,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 107
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://historic-journal.ru>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1